

ISSN 2072-8522 (print)
ISSN 2310-7278 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

ЦЕННОСТИ МАЯКОВСКОГО (СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ФОНАРЯХ: К ВОПРОСУ
О МНОГОАСПЕКТНОСТИ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ
В. МАЯКОВСКОГО

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА И ИРОНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ
ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

ТЕМА РАСКОЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ А. Н. ТОЛСТОГО
(ПО РОМАНУ «ПЁТР ПЕРВЫЙ»)

2023 / № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2023 / № 3

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобр-науки России) по следующим научным специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2 – Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3 – Теория литературы (филологические науки); 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences); 5.9.2 – Literature of the peoples of the world (philological sciences); 5.9.3 – Theory of literature (philological sciences); 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences).

ISSN 2072-8522 (print)

2023 / № 3

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

**Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.
Серия: Русская филология»:**

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. – д-р филол. наук, проф., ГУП

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. – д-р филол. наук, проф., ГУП

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. – д-р филол. наук, проф., ГУП

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. – доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Воропаев В. А. – д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. – д-р филол. наук, проф., Гранадский университет (Королевство Испания);

Киселева И. А. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Колларова Э. – доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Моторин А. В. – д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. – д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. – д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. – д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. – д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. – д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. – д-р филол. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Шеншина В. А. – д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинки университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. – д-р филол. наук, проф., ГУП

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» – печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.philologymgou.ru, www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2023. – № 3. – 142 с.

© ГУП, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

**Founder of the journal "Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology"
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. T. Guzmán – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Kopusov – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E. Y. Titarenko – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Professor, Crimean V. I. Vernadsky Crimean Federal University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73348).

The subscription index of the "Russian Philology" series is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.philologymgou.ru, www.vestnik-mgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2023. – No. 3. – 142 p.

© SUE, 2023.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation
phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

130 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО

Представляем тему номера	6
<i>Герасименко Н. А.</i> Ценности Маяковского (синтаксический аспект)	8
<i>Силаева М. В.</i> Несколько слов о фонарях: к вопросу о многоаспектности образной системы В. Маяковского	18

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Алтабаева Е. В.</i> Многоаспектный подход в исследовании категорий естественного языка (на материале категории оптативности)	26
<i>Вилкова А. В.</i> Миромоделирующая функция метафоры (на материале творчества В. Полозковой)	36
<i>Захарова М. В.</i> Языковая игра и ирония в коммуникативном взаимодействии	44
<i>Канафьева А. В.</i> Категория всеохватности и её экспрессивное поле	55
<i>Попович Р. И.</i> Фонетические особенности говора с. Кунича (Республика Молдова)	65
<i>Холоменко О. М., Туник А. И.</i> Фитоморфный культурный код: средства представления в текстах современной художественной литературы	70
<i>Цзян Юань.</i> Средства номинации и предикации как инструменты отражения трагической судьбы женщины в повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы»	82
<i>Шатин В. Ю.</i> Подсистема шипящих в костромских и пошехонских говорах начала XVII в. и её дальнейшее развитие	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Алиев Н. Н.</i> Азербайджанско-русские литературные связи: социокультурные факторы и взаимообогащение литератур	102
<i>Заваров Д. В.</i> «Барсуки» Леонида Леонова: автор против условного образа писателя ..	111
<i>Раренко М. Б.</i> Миграционный дискурс в русскоязычной версии романа Ф. Бакмана «Вторая жизнь Уве»	118
<i>Червоненко С. М.</i> Тема раскола в художественном осмыслении А. Н. Толстого (по роману «Пётр Первый»)	126

РЕЦЕНЗИИ

<i>Никитин О. В.</i> «Выражение любви к Отечеству...» (несколько слов о последнем этюде Веры Николаевны Аношкиной). Рецензия на книгу: Аношкина-Касаткина В. Н. Этюд о России-матушке. Размышления и воспоминания. М.: Языки славянской культуры, 2018. 48 с.	135
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Головина Т. А.</i> Научно-методическая жизнь кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта в Год педагога и наставника	138
--	-----

CONTENTS

130 YEARS SINCE THE BIRTH OF V. V. MAYAKOVSKY

Introducing the Theme of the Issue.	6
N. Gerasimenko. Mayakovsky's Values (Syntactical Aspect)	8
M. Silaeva. A Few Words about Lanterns: On the Problem of a Multidimensional Image System of V. Mayakovsky	18

LINGUISTIC STUDIES

E. Altabaeva. A Multi-Aspect Approach in the Study of Categories of a Natural Language (Based on the Category of Optativity)	26
A. Vilkova. The World-Modeling Function of a Metaphor (Based on the Material of V. Polozkova's Creativity)	36
M. Zakharova. Language Game and Irony in Communication Interaction.	44
A. Kanafyeva. The Category of All-Inclusiveness and Its Expressive Field	55
R. Popovich. Phonetic Features of the Kunicha Village Dialect (Republic of Moldova)	65
O. Kholomeenko, A. Tunik. Phytomorphic Cultural Code: Means of Representation in Texts of Modern Fiction	70
Jiang Yuan. Means of Nomination and Predication as Tools for Reflecting the Tragic Fate of a Woman in N. S. Leskov's Story "The Life of a Woman"	82
Yu. Shatin. Subsystem of Apical Postalveolar Sibilant Phonemes in Kostroma and Poshekhonye Dialects of The Early 17 th Century and Its Further Development.	93

LITERARY STUDIES

N. Aliev. Azerbaijani-Russian Literary Relations: Socio-Cultural Factors and Mutual Enrichment of Literatures	102
D. Zavarov. "Badgers" by Leonid Leonov: The Author is Against the Conditional Image of the Writer	111
M. Rarenko. Migration Discourse in the Russian-Language Version of F. Backman's Novel "The Second Life of Uwe")	1181
S. Chervonenko. Schism in A. N. Tolstoy's Literary Comprehension (On the Example of the Novel "Peter The Great")	126

REVIEWS

O. Nikitin. "Expression of Love for the Motherland..." (A Few Words about Vera Nikolaevna Anoshkina's Last Etude). Book Review: Anoshkina-Kasatkina V. N. Etude about Mother Russia (Reflections and Memoirs). Moscow, Publishing House YASK, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2018. 48 p.	135
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

T. Golovina. Scientific and Methodological Life of the Department of Modern Russian Language named after Professor P. A. Lekant in the Year of the Teacher and Mentor	138
--	-----

130 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО

19 июля 2023 г. исполнится 130 лет со дня рождения Владимира Владимировича Маяковского – человека-тайны, талантливого поэта-футуриста, который проявил свои многогранные способности в разных ипостасях гениальной натуры: он был и художником, и сатириком, и драматургом, и сценаристом, и режиссёром, и редактором, и создателем рекламы.

Миллионы читателей Музы поэзии Эвтерпы восхищены его новаторскими и для XXI в. произведениями. Учёные Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, Литературного института имени А. М. Горького Министерства культуры РФ, писатели и издатели России, многочисленные исследователи из отечественных и зарубежных вузов изучают личность и творчество Владимира Маяковского, историю создания и современные интерпретации произведений автора, определяют место поэта в когорте его современников, в историко-литературном процессе XX в. и в пространстве мировой культуры. Рассматривается поэтика, текстология, лирический герой известных поэм «Флейта-позвоночник», «Про это», «Облако в штанах», концептосфера языковой личности. Определяются новые подходы в исследовании и преподавании текстов «агитатора, горлана, главаря», шедшего в ногу со своим временем и смотревшего в будущее. Готовится к изданию полное собрание произведений поэта.

К юбилею В. В. Маяковского помещаем в нашем журнале статьи учёных факультета русской филологии Государственного университета просвещения, погрузившихся в творчество поэта, его язык и стиль.

*Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
современного русского языка имени профессора П. А. Леанты
Государственного университета просвещения, академик
Международной академии наук педагогического образования,
главный редактор научного журнала «Вестник Московского
государственного областного университета. Серия: Русская филология»*

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-8-17

ЦЕННОСТИ МАЯКОВСКОГО (СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Герасименко Н. А.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить основные ценности В. В. Маяковского путём анализа синтаксических особенностей его произведений.

Процедура и методы исследования. Методом нацеленной выборки собран и проанализирован языковой материал из поэтических текстов Маяковского. Структурно-семантический метод исследования позволил установить, как ценностное отношение поэта к описываемым явлениям отражается в особенностях синтаксического устройства его произведений.

Результаты. Установлено, что для выражения авторской оценки используются бисубстантивные предложения. Ценностное отношение отражается также в использовании характеризующих обращений, разных видов повторов, побудительных предложений с оптативной семантикой в качестве призыва. Важнейшей ценностью для Маяковского является любовь, которая проявляется в разных аспектах: любовь к революции, любовь к стране, любовь к женщине. Особенностью проявления любви у поэта является её деятельный характер.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты дополняют теорию функционирования синтаксических единиц в поэтическом тексте, сведения об идиостиле В. В. Маяковского.

Ключевые слова: бисубстантивное предложение, В. В. Маяковский, оценка, синтаксис, характеризующее обращение, ценности

МАЯKOVSKY'S VALUES (SYNTACTICAL ASPECT)

N. Gerasimenko

State University of Education

ul. Very Voloshinoi 34, Moscow Region 141014, Mytishchi, Russian Federation

Abstract

Aim. We aim to identify V. V. Mayakovsky's main values by analyzing the syntactic features of his works.

Methodology. Using the method of targeted sampling, we collected and analyzed the language material from Mayakovsky's poetic texts. The structural-semantic method made it possible to establish how the poet's value attitude to the described phenomena is reflected in the peculiarities of the syntactic structure of his works.

Results. It is found that bisubstantive sentences are used to express the author's values. The value attitude is also manifested in the use of characterizing appeals, different types of repetitions, and incentive sentences with optative semantics as an appeal. The most important value for Mayakovsky is love, which manifests itself in different aspects: love for the revolution, love for the country, and love to a woman. A specific feature of the poet's manifestation of love is its active character.

Research implications. The obtained results complement the theory of the functioning of syntactic units in a poetic text and the information about V. V. Mayakovsky's idiosyle.

Keywords: bisubstantive sentence, V. V. Mayakovsky, evaluation, syntax, characterizing appeal, values

Введение

Актуальность этой работы определяется несколькими факторами. Прежде всего, это особая важность для современного российского общества проблемы ценностей, внимание к традиционным ценностям русского народа, в том числе и отражённым в художественном тексте. Ценностное отношение в языке проявляется в оценочных высказываниях, которыми избылируют тексты В. В. Маяковского. Во-вторых, юбилейный год поэта всегда вызывает всплеск интереса к его личности и творчеству. Не стал исключением и 2023 год – год 130-летия со дня рождения великого поэта, незаурядного человека – Владимира Владимировича Маяковского. В-третьих, синтаксис оценки изучен в поэзии Маяковского недостаточно, что повлекло необходимость проведения данного исследования.

В отечественной лингвистике, литературоведении, критике существует огромное количество научных работ, посвящённых личности и творчеству Маяковского [2; 7; 8]¹. Это не случайно. Ни на кого не похожий новаторский стиль, активная гражданская позиция, насыщенная жизнь и ранняя смерть поэта не могли не привлечь внимание исследователей. В советское время в центре обсуждаемых проблем были вопросы гражданственности и патриотизма Маяковского [3; 8], которые вновь становятся актуальными. Лирика поэта изучалась в ракурсе идеологических представлений, на первое место выносились гражданские мотивы.

Много внимания уделялось языковому новаторству В. В. Маяковского [2]. «Первопроходческая работа по нашему предмету была сделана классическим исследованием Г. О. Винокура «Маяковский – новатор языка» (Винокур 1943). Её разделы: «Слово и классы слов», «Слово внутри класса слов», «Слово в фразе», «Слово в выражении». Её итоги – параграфы

«Ораторско-диалогическая композиция» и «Фамильярный стиль» как два главные начала языка Маяковского – публичность и разговорность. К этому добавляется (из предыдущего раздела о слове в идиомах и метафорах) третье: невыделенное: материализация образов» [4, с. 363]. Лингвисты особенно подробно исследовали неологизмы и окказионализмы Маяковского как особенности стиля поэта [2; 11; 12]. Новый мир, который поэт восторженно приветствовал, требовал и новых слов, новых текстов, нового отношения к событиям. Синтаксис в этом плане – явление особенное: «синтаксические отношения это – та сторона речи, где почти всё представляется только реализуемыми возможностями, актуализацией потенциального, а не просто повторением готового, особенно же в условиях поэтической и притом стихотворной речи» [2, с. 16].

Синтаксис Маяковского оказался менее изученным, хотя выдающиеся по глубине анализа наблюдения Р. О. Якобсона положили начало изучению особенностей синтаксической системы поэта [14].

Качество творчества писателя определяется его неустареванием. С течением времени какие-то идеи, мысли автора могут уходить в тень или актуализироваться, но каждое новое поколение находит в текстах Маяковского новые смыслы, идеи, оценки. Это свидетельствует о непреходящей ценности произведений поэта. Пусть изменяется отношение к событиям и их поэтическим оценкам – понимание времени, в которое жил поэт, понимание его открытости к новому, неизведанному позволяет проникнуть в мир Маяковского и осознать важность его творчества для современного человека.

В настоящее время общество уделяет особое внимание проблеме самоидентификации русского народа, проявляющейся через систему ценностей [9; 10]. В этом смысле обращение к поэзии Маяковского чрезвычайно актуально, т. к. в его художественных текстах отразились представления о ценностях, характерных для начала XX в., для молодого зарождающегося госу-

¹ См. также: Дувакин В. Д. Беседы с Виктором Ардовым. Воспоминания о Маяковском, Есенине, Ахматовой и других. М.: Common Place, 2018. 216 с.

дарства, преодолевающего трудности роста и укрепляющегося в ходе преодоления этих трудностей. Оценка происходящих событий дана В. В. Маяковским ярко, открыто, что соответствовало его характеру бунтаря и глашатая нового времени, по его собственному определению.

Процедура и методы исследования

Ценности, провозглашаемые В. В. Маяковским через оценки, выявлялись в ходе анализа синтаксических конструкций с учётом их лексического наполнения. Были определены основные оценочные смыслы, характерные для текстов поэта. Синтаксис В. В. Маяковского можно назвать личностным и экспрессивным, потому что в построении поэтических высказываний чётко прослеживается авторское отношение, более того, это отношение выражается прямо и экспрессивно. На наш взгляд, основной ценностью для Маяковского была любовь. Это и любовь к революции, любовь к своей стране и её многострадальному народу, любовь к женщине. Сбор и анализ языкового материала производился методом направленной выборки в соответствии с выявлением ценностного отношения поэта.

Любовь

О себе Маяковский написал: «Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Люблю ли я, или я азартный, о красотах природы также – только если это отстоялось словом»¹. Две основные линии прослеживаются в творчестве В. В. Маяковского: любовь и ненависть. Они кажутся противоположными, но составляют единство, потому что поэт через ненавидимое, через желание истребить его, подчёркивает любовь. Мощный и громогласный в провозглашении своих ценностей Маяковский внутренне очень тонкий и ранимый человек (Здесь и далее выделено нами. – Н. Г.):

*В какой ночи
бредовой,
недужной,
какими Голиафами я зачат –
такой большой
и такой ненужный?*²

Обособленное определение, находящееся в конце предложения и отделённое паузой, выражает эту внутреннюю ранимость и несоответствие внешнего и внутреннего.

*Пришла –
Деловито,
за рыком,
за ростом,
взглянув,
разглядела просто мальчика*³.

Это противоречие пронизывает его творчество, мучит его, выражается словом. Стремление к любви (*Я в меру любовью был одарённый*⁴) сталкивается с жизненными преградами, умением видеть не только светлые, но и тёмные стороны жизни – и побеждает. Любовь Маяковского отчётливо проявляется в разных аспектах, среди которых главными, на наш взгляд, являются: любовь к революции, любовь к России и к своему народу, любовь к женщине. Остановимся на этих аспектах.

Любовь к революции

Современное отношение к революции неоднозначно, ведутся споры о преимуществах революционного или эволюционного пути в жизни государств. В. В. Маяковский революцию воспринял восторженно. Это была новая жизнь, бурная, непредсказуемая, сулящая то, о чём мечталось: равенство всех, выход из нищеты, свободу:

¹ Маяковский В. В. Я сам // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 439.

² Маяковский В. В. Себе, любимому, посвящает эти строки автор // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 153.

³ Маяковский В. В. Ты // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 11.

⁴ Маяковский В. В. Люблю // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 6.

Граждане!
Сегодня рушится тысячелетнее «Прежде».
Сегодня просматривается миров основа.
Сегодня
до последней пуговицы в одежде
жизнь переделаем снова¹.

Параллельное построение от третьего лица первых двух синтаксических конструкций поддерживается началом третьего предложения, в котором ломается ритм и происходит смена субъекта. Определённо-личное предложение с глаголом в форме 1-го лица множественного числа (*переделаем*) отражает причастность автора к происходящим событиям и закольцовывается с начальным обращением (*Граждане!*). Активный призыв поддержать революцию отражает высокую её ценность для поэта. В обращении к футуристам, братьям по перу, видим тот же призыв:

Неуязвимые, лезьте
по скользящим скалам слов.
Пусть
хотя б по капле,
по две
ваши души в мир вольются
и растят
рабочий подвиг,
именуемый
«Революция»².

Революция, воспеваемая поэтом, требует поддержки, участия всех, поэтому автор использует форму призыва, побуждая участников присоединиться. Аналитические формы повелительного наклонения (*пусть вольются, пусть растят*) реализуют здесь оптативную семантику [1]. Желание поэта видеть близких ему по духу футуристов в рядах людей, присоединившихся к революции, отражает его положительную оценку события. И вот уже:

Мы идём
Революционной лавой.
Над рядами
Флаг пожаров ал³.

– чёткий ритм вызывает ощущение шагающего монолита людей, сравниваемого с неудержимой лавой. Скрытое в форме творительного падежа обстоятельство *лавой* выражает неудержимость и неостановимость революции. Лава – поток, и в этом потоке огромное множество людей. Вера поэта в неотвратимость победы революции отражена и в метафоре *флаг пожаров*. Пожар – страшное, но очищающее событие, уничтожающее старое, отжившее и освобождающее место новому. Поэт видит в революции будущее, и, не закрывая глаза на страшные события, сопровождающие её, пишет оду революции:

Тебе,
освистанная,
Осмеянная батарееми,
тебе, изъязвлённая злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное
«О»!⁴

Характеризующие определения в функции обращения – ещё одна особенность синтаксиса Маяковского. Поэт часто использует в этой позиции причастия и причастные обороты, в которых выражается отношение автора к тому, о чём он пишет. Негативные события, которые сопутствуют революции, вызывают у Маяковского сочувственное отношение к ней, как к живому существу. Оценочная семантика обращений осложняется в высказывании значением уступительности ‘несмотря на это’. И эта смысловая многослойность ре-

¹ Маяковский В. В. Революция // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 222.

² Маяковский В. В. С товарищеским приветом, Маяковский // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 9.

³ Маяковский В. В. III Интернационал // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 27.

⁴ Маяковский В. В. Ода революции // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 244.

ализуется на синтаксическом уровне. Что бы ни окружало революцию, для поэта это непреходящая ценность.

Анализ примеров показывает, что революцию Маяковский воспринимает как очищение, как величайшую ценность для человечества. В синтаксическом плане это подчёркивается использованием форм призыва, употреблением определённо-личных предложений, подчёркивающих причастность автора к событиям, обращениями, включающими характеризующую лексику.

Любовь к России

Патриотизм Маяковского, объездившего полмира и видевшего жизнь многих стран, особенно ценен именно потому, что Россия во второй половине 20-х гг. ещё только вставала на ноги, освобождалась от последствий первой мировой и гражданской войн, революционных потрясений, голода. В это трудное время поэт видит будущее страны, её величие:

*И вот
Россия
не нищий оборвыш,
не куча обломков
не зданий пепел –
Россия
вся
единый Иван,
и рука
у него –
Нева,
а пятки – каспийские степи*¹.

Синтаксическое построение этого отрывка – нанизывание бисубстантивных предложений (БП) [5; 6]. В первой части отрицание старого, ненужного, уходящего в прошлое. Ряд однородных связочно-субстантивных сказуемых² формирует метафоры, в кото-

рых отражается уходящая Россия (*нищий оборвыш, куча обломков, зданий пепел*). Во второй части метафорически представлено единство русского народа (*единый Иван* как олицетворение общности) и огромные пространства России, объединившие этот народ. Бисубстантивные предложения – одна из продуктивных синтаксических конструкций в текстах поэта. В этом типе предложения оценка выражается особенно отчётливо, т. к. он предназначен в языке для выражения мыслительной, в том числе оценочной, деятельности человека через отождествление или разные виды характеризации. Бисубстантивное предложение является одной из форм языкового выражения метафоры, в которой также заключена оценка [5].

Лексический повтор в бисубстантивном предложении не только задаёт ритм стихотворным строкам, но и служит воздействующим средством [13]. Необходимо отметить, что бисубстантивное предложение построено ещё и на внутреннем, грамматическом, повторе. Подлежащее и сказуемое (точнее, основная часть связочно-субстантивного сказуемого) выражаются в этом типе предложения именами существительными, что на уровне подсознания вызывает у адресата эффект фасцинации, вовлечённости. Грамматическая предметность существительного в позиции основной части связочно-субстантивного сказуемого вступает в противоречие с характеризующим значением, что делает высказывание многослойным в смысловом отношении. Эта особенность бисубстантивных предложений способствует усилению выраженной оценки.

*Власть советская –
власть России всей.
Каждый угол в ней
равно дорог ей.
Села в ней стоят,
города стоят,
надо всюду
жизнь
повести на лад*³.

¹ Маяковский В. В. 150 000 000 // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 62–63.

² См.: Герасименко Н. А. Отражение человека в языке: связочно-субстантивное сказуемое // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 14–20.

³ Маяковский В. В. Россия – единое советское хозяйство // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т.

Любовь к своей стране у Маяковского не романтическое любование, это любовь деятельная. Поэтому в стихотворных строках используются разные виды побуждения, чаще всего в виде призыва:

Побеждай разрухи злость:
Каждый гвоздь – в разруху гвоздь¹.

В бессоюзном сложном предложении побуждение в первой части сочетается с оценочным бисубстантивным предложением, включающим лексический повтор, во второй. Поэт сам труженик и призывает к труду современников. В бисубстантивной части сложного предложения обыгрывается фразеологизм *вбить гвоздь в крышку гроба* в значении 'разрушить что-либо негативное, избавиться, похоронить'. Поэт требует искоренять разруху трудом каждого человека. Определение *каждый* подчёркивает важность участия всех в борьбе с разрухой.

В. В. Маяковский активно использует в поэтической речи экспрессивные синтаксические конструкции, позволяющие влиять на восприятие адресата. К числу таких средств можно отнести уже упоминавшийся повтор, а также сопровождающее побуждение метафорическое обращение.

**За работу,
лопата и молот!**
За работу
на фронте бескровном!
Станет путь
И свободным и ровным!!
Путь проложен трудом к новой жизни!²

Любовь к своей стране проявляется у Маяковского в устремленности в её будущее, светлое и прекрасное, вера в которое крепнет с каждым днём. Обращаясь к юным потомкам, поэт утверждает:

Т. 2. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 211.

¹ Маяковский В. В. Да здравствует неделя ремонта // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 215.

² Маяковский В. В. Расчистка пути // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 214.

Наша
жизнь –
в грядущее рваться,
оббивать
его порог,
вы ж
грядущее это
в двадцать
расшиагаете
громом ног³.

Сопоставление жизни своего поколения с будущим поколением, представленное в сложном предложении, подчёркивает уверенность поэта в реальности этого светлого будущего. Здесь использована инфинитивно-субстантивная конструкция (*наша жизнь – в грядущее рваться, оббивать его порог*), в которой инфинитив, обозначающий потенциальное действие, в сочетании с синтаксемой *в грядущее* указывает на будущее. Стихотворение не зря названо «Красная зависть». Это название обращает читателя к известному фразеологизму *чёрная зависть* с негативной оценкой, но содержит положительный смысл: новая зависть, советская (красный цвет ассоциировался с революцией и новым устройством жизни), граничит с гордостью. Поэт гордится тем, что малышам, живущим рядом, жить будет лучше, чем его поколению. Будущее России для Маяковского – высшая ценность.

Любовь к женщине

В. В. Маяковский был наполнен любовью от рождения, ждал её и распространял на весь окружающий мир. «*Любовь любому рождённому дадена ...*»⁴ – утверждал поэт. Но для самого автора любовь была его сущностью, важнейшей составляющей его творчества:

³ Маяковский В. В. Красная зависть // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 201.

⁴ Маяковский В. В. Люблю // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 5.

Враспаишку –
Сердце почти что снаружи –
Себя открываю и солнцу и луже.
Входите страстями!
Любовьями влазьте!¹

...
На мне ж
с ума сошла анатомия.
Сплошное сердце –
гудит повсеместно².

Открытость для любви (*сердце почти что снаружи*), выраженная в синтаксическом плане системой повествовательных предложений, прерывается эмоциональным побуждением, обращённым к миру (*солнцу и луже*): *входите, влазьте*, – что свидетельствует о том, что любовь – величайшая ценность для поэта.

Тема любви в разных её ипостасях волнует Маяковского.

В этой теме,
и личной
и мелкой,
перепетой не раз
и не пять,
я кружил поэтической белкой,
и хочу кружиться опять³.

Любовь к женщине у Маяковского – это и любовь-мука, и любовь-счастье.

Я любил...
Не стоит в старом рыться.
Больно?
Пусть...
Живёшь и болью дорожась⁴.

Рваный ритм стихотворения обеспечивается сочетанием неполных и односо-

ставных предложений. Боль от разлуки, невозможность быть с любимой принимается лирическим героем как ценность воспоминания. Но он мечтает о другой любви, счастливой и всеохватной:

Воскреси –
своей дожить хочу!
**Чтоб не было любви-служанки
замужеств,
похоти,
хлебов.**

Постели прокляв,
встав с лежанки,
чтоб всей вселенной шла любовь⁵.

Использование парцелированной конструкции выделяет эту часть высказывания, подчёркивает негативное отношение Маяковского к любви мелочной, мещанской.

Любовь-мука, страдание выливается в горестные строки:

Куда я денусь, этот ад тая!
Какому небесному Гофману
Выдумалась ты, проклятая?⁶

Экспрессивное обращение к любимой, вынесенное в конец строки, перекликается в рифме с деепричастным оборотом *ад тая* и служит обозначением бесконечного страдания. Фразеологизованная конструкция *Куда я денусь* со значением ‘я не могу избежать этого’, начинающая строку, вводит в эту бесконечность.

Любовь-мука у поэта выливается в стихи, становится его музой, дарит вдохновение:

Сердце обокрашивая,
Всего его лишив,
вымучившая душу в бреду мою,
прими мой дар, дорогая,
большие я, может быть, ничего не придумая⁷.

¹ Маяковский В. В. Люблю // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 9.

² Там же.

³ Маяковский В. В. Про это // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 89.

⁴ Маяковский В. В. Прощение на имя... // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 137.

⁵ Там же. С. 138.

⁶ Маяковский В. В. Флейта-позвоночник // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 123.

⁷ Там же.

И здесь поэт использует нестандартные эмоционально насыщенные характеризующие обращения, с грамматической точки зрения представляющие собой причастный оборот.

Но даже такая любовь наполняет поэта ощущением вечности этого чувства, его ценностью:

*Даже если,
От крови качающийся, как Бахус,
Пьяный бой идёт –
Слова любви и тогда не ветхи¹.*

Ценность любви к женщине у Маяковского – одна из главных ценностей. Даже любовь-страдание, переживаемая поэтом, не затмевает для него счастья любить и быть любимым.

Заключение

В ходе анализа текстов Маяковского выявлены некоторые синтаксические особенности его стиля в выражении ценностного отношения к жизни. Если главной ценностью поэта является любовь, то это любовь деятельная, требующая духовных и физических сил, самоотдачи. Поэт активно использует побудительные предложения, призывая к участию в совместном труде во имя будущего России, к борьбе с недостатками и трудностями. Семантика побуждения реализуется обычно через призыв, форму, обращённую к массам, множеству людей. Нельзя не сказать, что призыв, как и лозунг, именно в силу своей обращённости к массам являются самым слабым видом побуждения. Но именно эта особенность позволяет Маяковскому выразить собственное ценностное отношение к явлениям – желательность, желательность для автора исполнения того, к чему он призывает.

Свойственное стилю поэта использование в функции обращения характеризующих слов (часто причастий, которые

как особые формы глагола сохраняют внутреннюю связь с действием и так же отражают деятельное отношение), позволяет через высказанную оценку увидеть ценности автора.

Бисубстантивные предложения как один из продуктивных способов синтаксического выражения оценки в произведениях В. В. Маяковского позволяют автору прямо высказать своё ценностное отношение к описываемым явлениям. Их семантическая многозначность способствует выражению тонких оттенков оценочных значений.

Все виды повтора, в том числе синтаксический параллелизм, являются характерной чертой поэтического текста в целом и активно используются Маяковским. В повторе находят своё место не только стихотворный ритм и рифма, но и выделение того, что ценно для автора.

Выявленные в процессе исследования ценности В. В. Маяковского не исчерпывают его личностного отношения к другим явлениям современной поэту жизни. Безусловными ценностями для него являются поэзия и личность поэта. Заслуживает специального исследования проблема войны в произведениях Маяковского. Ненависть как антиценность занимает значительное место в творчестве поэта. Ненавидя мещанство, буржуазность, бюрократизм, взяточничество и другие процветающие в начале XX века пороки общества, В. В. Маяковский оттеняет то, что составляет для него истинную ценность, – любовь. Это чувство пронизывает всё его творчество: любовь к стране и революции, вера в большое будущее России, убеждённость в том, что любовь к женщине составляет огромную часть души поэта, дарит ему вдохновение и силы.

Статья поступила в редакцию 22.06.2023.

¹ Маяковский В. В. Флейта-позвоночник // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М.: Огонёк: Правда, 1968. С. 129.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтабаева Е. В. Выражение оптативной семантики формами повелительного наклонения // Язык и актуальные проблемы образования: материалы IX Международной научно-практической конференции. Часть 1 / ред. Н. А. Герасименко. М.: Государственный университет просвещения, 2023. С. 18–21.
2. Винокур Г. О. Маяковский – новатор языка. М.: Советский писатель, 1943. 137 с.
3. Гаврилов А. Время – любить? (Проблема современного «маяковедения») // Слово. 1993. № 718. С. 61–64.
4. Гаспаров М. Л. Владимир Маяковский // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыты описания идиостилей. М.: Наследие, 1995. С. 363–395.
5. Герасименко Н. А. Предложения, отражающие ментальную деятельность человека // Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста: коллективная монография / отв. ред. Т. Е. Шаповалова, зам. отв. ред. В. В. Леденёва. М.: Постатор, 2022. С. 33–41.
6. Герасименко Н. А. Оценочные высказывания в современном русском диалоге // „Mowimy, jak mowimy...”. Komunikacja w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne / pod red. M. Grabskiej, Z. Śladkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014. С. 168–176.
7. Култышева О. М. Феномен В. Маяковского: восприятие современников. Екатеринбург: Уральский университет, 2003. 164 с.
8. Метченко А. Маяковский. Очерк творчества. М.: Художественная литература, 1964. 503 с.
9. Общая и русская лингвоаксиология: коллективная монография / отв. ред. М. С. Милованова. М.: Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с.
10. Сигал К. Я. Аксиология в синтаксических структурах // Общая и русская лингвоаксиология: коллективная монография / отв. ред. М. С. Милованова. М.: Ярославль: Канцлер, 2022. С. 91–137.
11. Тагер Е. Б. О стиле Маяковского // Избранные работы по литературе. М.: Советский писатель, 1988. С. 237–282.
12. Тренин В. В. Особенности языка Маяковского // Тренин В. В. В мастерской стиха Маяковского. М.: Советский писатель, 1991. С. 114–158.
13. Черемин Г. С. В. В. Маяковский в литературной критике 1917–1925. Л.: Наука, 1985. 296 с.
14. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. Переводы / сост., общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

REFERENCES

1. Altabaeva E. V. [Expression of Optative Semantics by Forms of the Imperative Mood]. In: Gerasimenko N. A., ed. *Yazyk i aktual'nye problemy obrazovaniya: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chast' 1* [Language and Actual Problems of Education: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Part 1]. Moscow, State University of Education Publ., 2023, pp. 18–21.
2. Vinokur G. O. *Mayakovskii – novator yazyka* [Mayakovsky as a Language Innovator]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1943. 137 p.
3. Gavrilov A. [Time to Love? (The Problem of Modern “Lighthouse Science”)]. In: *Slovo* [Word], 1993, no. 718, pp. 61–64.
4. Gasparov M. L. [Vladimir Mayakovsky]. In: *Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka: Opyty opisan- iya idiostilei* [Essays on the History of the Language of Russian Poetry of the XX century: Experiences in Describing Idiostyles]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 363–395.
5. Gerasimenko N. A. [Sentences that Reflect the Mental Activity of a Person]. In: Shapovalova T. E., ed. *Sintaksicheskie sredstva kak ekspressivnyi resurs teksta* [Syntactic Means as an Expressive Resource of the Text]. Moscow, Postator Publ., 2022, pp. 33–41.
6. Gerasimenko N. A. [Evaluative Statements in Modern Russian Dialogue]. In: Grabskiej M., Śladkiewicz Z., eds. „Mowimy, jak mowimy...”. *Komunikacja w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne* [“We Speak as We Speak...”. Communication in Everyday Language: An Interdisciplinary Approach]. Gdańsk, University of Gdańsk Publ., 2014, pp. 168–176.
7. Kultysheva O. M. *Fenomen V. Mayakovskogo: vospriyatие sovremennikov* [The Phenomenon of V. Mayakovsky: The Perception of Contemporaries]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2003. 164 p.
8. Metchenko A. *Mayakovskii. Ocherk tvorchestva* [Mayakovsky. Essay on Creativity]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964. 503 p.

9. Milovanova M. S., ed. *Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya* [General and Russian Linguoaxiology]. Moscow, Yaroslavl, Kancler Publ., 2022. 390 p.
10. Sigal K. Ya. [Axiology in Syntactic Structures]. In: Milovanova M. S., ed. *Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya* [General and Russian Linguoaxiology]. Moscow, Yaroslavl, Kancler Publ., 2022, pp. 91–137.
11. Tager E. B. [The Style of Mayakovsky]. In: *Izbrannye raboty po literature* [Selected Works in Literature]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1988, pp. 237–282.
12. Trenin V. V. [Peculiarities of Mayakovsky's Language]. In: Trenin V. V. *V masterskoi stikha Mayakovskogo* [In the Workshop of Mayakovsky's Verse]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1991, pp. 114–158.
13. Cheremin G. S. *V. V. Mayakovskii v literaturnoi kritike 1917–1925* [V. V. Mayakovsky in Literary Criticism 1917–1925]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 296 p.
14. Yakobson R. O. *Raboty po poetike. Perevody* [Works on Poetics. Translations]. Moscow, Progress Publ., 1987. 464 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения;

e-mail: natalyger11@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, State University of Education;

e-mail: natalyger11@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Герасименко Н. А. Ценности Маяковского (синтаксический аспект) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 8–17.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-8-17

FOR CITATION

Gerasimenko N. A. Mayakovsky's Values (Syntactical Aspect). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 8–17.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-8-17

УДК 82

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-18-25

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ФОНАРЯХ: К ВОПРОСУ О МНОГОАСПЕКТНОСТИ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ В. МАЯКОВСКОГО

Силаева М. В.*Государственный университет просвещения**141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Выявить функциональные особенности образа фонаря в художественной системе В. Маяковского.

Процедура и методы. В исследовании проводится анализ работ, посвящённых изучению городской действительности в живописи и поэзии начала XX в. Предлагается обзор новых фундаментальных работ по творчеству В. Маяковского. Особое внимание уделяется подтекстовым связям лирики поэта с философией порубежной эпохи, где важную роль играет образ фонаря. Аргументация некоторых утверждений отсылает к малоизвестным фактам биографии поэта. Герменевтика поэтического текста включает в себя и анализ живописных полотен М. Добужинского, А. Лентулова, П. Филонова, А. Шевченко. Методология состоит в раскрытии сути синтеза искусств, когда живопись, поэзия и архитектура оказываются едины во внешнем обозначении жизненного пути человека (лестница, фонарь, крыша, труба) и в передаче особенностей внутреннего поиска смысла существования, обретения себя.

Результаты. Делается вывод о разном функциональном значении образа фонаря в итальянской и русской живописи и поэзии рубежа эпох. Раскрываются причины изменения коннотации образа, что позволяет создать более полное представление об авторской концепции Маяковского.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в высших учебных заведениях при изучении курса русской литературы Серебряного века, при проведении спецкурса по эстетике футуризма и для составления комментариев к изданию стихотворений В. Маяковского.

Ключевые слова: живопись, Маяковский, поэзия, урбанистическое искусство, фонари, футуризм

A FEW WORDS ABOUT LANTERNS: ON THE PROBLEM OF A MULTIDIMENSIONAL IMAGE SYSTEM OF V. MAYAKOVSKY

M. Silaeva*State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Russian Federation***Abstract**

Aim. We aim to identify the functional features of the image of a lantern in the artistic system of V. Mayakovsky.

Methodology. The paper analyzes works devoted to the study of urban reality in painting and poetry of the early twentieth century. New fundamental works on V. Mayakovsky are reviewed. Special attention is paid to the subtext connections of the poet's lyrics with the philosophy of the frontier era, where the image of a lantern plays an important role. The argumentation of some statements refers to little-known facts of the poet's biography. The hermeneutics of the poetic text includes an analysis of M. Dobuzhinsky's, A. Lentulov's, P. Filonov's and A. Shevchenko's paintings. The methodology consists in revealing the essence of the synthesis of arts, when painting, poetry and architecture are united

in the external designation of a person's life path (stairs, lanterns, roofs, and chimneys) and in the transmission of the features of the inner search for the meaning of existence in order to find oneself.

Results. A conclusion is made about different functional significance of the image of a lantern in Italian and Russian painting and poetry of the frontier era. The reasons for a change in the connotation of the image are revealed, which makes it possible to produce a more complete picture of the concept created by Mayakovsky.

Research implications. The results of the research can be used at higher educational institutions in studying the course of the Russian literature of the Silver Age, in conducting a special course on the aesthetics of futurism and in compiling comments on the publication of V. Mayakovsky's poems.

Keywords: painting, Mayakovsky, poetry, urban art, lanterns, futurism

Введение

Литературоведение, посвящённое творчеству В. Маяковского, предельно расширило круг исследуемых вопросов. Если двадцать лет назад можно было удивить научное сообщество смелым соотношением литературного наследия поэта с достижениями художников начала XX в. из разных областей искусства, то сегодня невозможно представить себе маяковедение вне живописи, музыки и архитектуры [2]. Урбанистическая культура XX в. была многопланово исследована в работе Е. С. Вязовой «Город в искусстве кубофутуристов». При абсолютно разных выражениях представления о мире (футуристического и кубистического) исследователь подмечает общее направление эстетических поисков творческих индивидуальностей. Автор убедительно пишет о том, что никогда связи между живописью и литературой не были столь продуктивными, как в начале XX в. Именно представление о литературе и живописи как о едином пространстве стало основой авангардного искусства. Безусловно, ведущий исследовательский вектор направлен на произведение живописи, объединённые единой логикой построения футуристического пространства. Поэтому из поля зрения автора работы осознанно выходит, например, такой художник, как П. Филонов [3].

Множественные искусствоведческие параллели исследуются в труде Н. В. Филичёвой «Модерн (к вопросу о проблеме стиля)». Исследователь с опорой на труды своих предшественников утверждает, что синтез искусств подразумевает

однонаправленное движение как в реальном, внешнем мире, так и во внутреннем, мире сознания. Так, автор работы рассматривает здания модерна, в частности знаменитый особняк Рябушинского, созданный Ф. О. Шехтелем. В центре внимания – лестница как объект философии модерна. Возникает ощущение, что её практическая функция отходит на второй план. Главное – посредством лестницы очертить путь человека к свету. Поэтому лестницы барокко и модерна увенчивались большим окном или светом, исходящим от фонарей. В основе философии модерна лежала оптимистичная мысль о неизбежности приближения человека к Божественной истине. Не случайно лестница строилась таким образом, чтобы невозможно было избежать восхождения [9, с. 204–205]. Город становится объектом изучения искусствоведов, культурологов и социологов. Литературоведение изучает город только в связи с личностью того или иного автора.

В 2021 г. вышла книга Г. А. Антиповой «Маяковский: я еду удивлять! Марш поэта по стране и миру». Эта работа направлена на то, чтобы более полно раскрыть образ поэта через его познание мира и познание истории. Так, например, исследуется связь между экскурсией Маяковского по местам расстрела и возможного захоронения царской семьи и оставшимися в черновиках строчками из стихотворения «Император»: «Мы повернули истории бег, / Старьё навсегда провожайте. / Коммунист и человек / Не может быть кровожаден» [1, с. 170]. Обилие архивных документов и фотографий делают этот труд уникальным.

Книга М. А. Степановой «Есенин vs Маяковский: поэтическая дуэль» направлена на открытие новых страниц в жизни поэта и развенчание мифов вокруг одной из самых «продаваемых» историй его биографии – отношений с С. А. Есениным. Основным композиционным приёмом становится параллель. Миры двух поэтов сравниваются по одинаковым линиям соотношения: покорение столиц, любовь, отношения с властью, работа внутри поэтических течений, связь с А. С. Пушкиным, путешествия, отношение к животным и гибель. Автор аргументированно убеждает в том, что у Маяковского и Есенина было гораздо больше общего, чем принято думать [6]. Учитывая статью В. Н. Терехиной и Н. В. Котрелёва (ниже о ней будет сказано подробнее), можно определить основные тенденции в исследованиях творчества Маяковского в XXI в. – подходить к герменевтике поэтического текста через новые страницы биографии поэта и новые линии соотношения с современным ему искусством.

Образ фонаря в мире В. Маяковского

В художественном пространстве В. Маяковского приметамы городской действительности становятся образы домов, крыш, водосточных труб, площадей, кофеен. Фонарь, включённый как в пространство города, так и во внутренний мир лирического героя, обретает концептуальное значение для поэта.

В XX в. фонари были едва ли не самым распространённым атрибутом городских улиц. Ставшая хрестоматийной строчка А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (1912) будто запечатлевает будничные фрагменты жизни. Такая же естественность заложена и в стихотворении Маяковского 1917 г.: «Сразу – / люди, / лошади, / фонари, / дома / и моя казарма / толпами / по сто / ринулись на улицу»¹. В 1913 г. поэт пишет стихотворение «Вывескам», в котором образ фонаря станет пунктуационной при-

метой города: «Когда же, хмур и плачевен, / загасит фонарные знаки, / влюбляйтесь под небом харчевен / в фаянсовых чайников маки!»². Олицетворение всех бытовых предметов города, слившихся в едином порыве, указывает на историческую предопределённость происходящих событий.

Фонарь появился в России сравнительно недавно. Только при Петре I в Санкт-Петербурге зажглись первые уличные фонари, а в Москве они и вовсе оказались только после смерти императора. В начале XX в. Москва была уже хорошо освещена за счёт появления электрических фонарей. Но первая мировая война, а потом и гражданская привели к тому, что в 1919 г. Москва погрузилась во тьму (горожане использовали фонарные столбы для отопления жилищ). Не удивительно, что в послереволюционном творчестве Маяковского образ фонаря будет появляться предельно редко. Государственная задача освещения городов, в частности Москвы, будет реализована только в 1930-е гг., после гибели поэта.

В произведениях искусства фонарь являлся проводником философской мысли. В «Учёных записках Тартуского университета» читаем: «Природа тяготеет к ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ плоскости, к разным видам аморфности, кривизны и косвенности, к связи с НИЗОМ (земля и вода), культура – к ВЕРТИКАЛИ, чёткой оформленности, прямызне, устремлённости ВВЕРХ (к небу, к солнцу)» [8, с. 24]. В. Н. Топоров определяет место фонаря в пространстве культуры с положительной семантикой наряду с площадью, садами, дворцами и шпилем. Несмотря на то, что фонарь не выступает явлением природы, а также в нём не заложена духовная составляющая (как, например, у маковок церковей и пр.), он представляет собой путь человека к Богу, его связь с Ним [8, с. 28]. Исследователь подтверждает свою позицию множественными примерами из лирики А. Пушкина и М. Лермонтова. Очевидно абсолютное совпадение философии архитектуры и литературы.

¹ Маяковский В. В. Революция // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 157.

² Маяковский В. В. Вывескам // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 71.

В случае с Маяковским это был путь решения проблемы преобразования мира. Поэт наделяет фонарь возможностью отражать суть мира города и потенцией предлагать перспективы преодоления разрушающегося сознания. В живописи того же времени наблюдалась сходная картина. Один из самых близких Маяковскому был художник Александр Шевченко¹. Он тонко чувствовал поэзию, был знатоком музыки, искал новый язык искусства, т. е. был истинным Художником Серебряного века. Не удивительно, что две творческие личности так «совпали». Показательна картина А. Шевченко «Старая фабрика» 1913 г., в которой пространство условно разделено неуверенно стоящим забором на два яруса. Нижний ярус выписан схематично, верхний – реалистично, с использованием ярких красочных цветов. Но объединяющим элементом этих частей становятся множественные, правильной формы, чётко очерченные вертикали. Это трубы на крышах и высокие дымовые трубы, деревья и фонарь. Все они уверенно устремлены ввысь, отчего картина выглядит гармоничной и цельной.

Одной из функциональных особенностей фонарей становится их способность обострять безобразную картину действительности: *«Но ги- / бель фонарей, / царей в короне газа, / для глаза / сделала больней / враждующий букет бульварных проститутток»*². Ночь как время абсолютного царствования порока запечатлена в действии фонаря. Он представляет собой старого развратника, вступающего в связь с распутной женщиной ночью: *«Лысый фонарь / сладострастно снимает / с улицы / чёрный чулок»*³. Похожая картина животных отношений найдёт отражение в стихотворении «Адище города»: *«И тогда уже – скомкав фонарей одеяла – / ночь излюбилась, похабна и пьяна, / а за солнцами улиц где-то ковыляла / никому не нужная,*

*дряблая луна»*⁴. Луна как компонент мира ночи, чёрной стороны жизни, представляет собой проститутку, физически неспособную более функционировать. Фонари становятся безмолвными свидетелями происходящего разрушения мира: *«город, иссохший, как Онаня, / с толпой фонарей желтолицых ...»*⁵. Очевидно, поэт однозначно воспринимает ночь как мир зла, и фонари являются едва ли не главными действующими героями этого мира. Они не способны проливать очистительный свет, наоборот, усугубляют порочную картину мира.

Источники этой ассоциации можно найти в особенностях современной Маяковскому действительности. Десятые годы XX в. – время, когда улицы больших городов освещались тремя видами фонарей: газовыми, керосиновыми и только что начавшими появляться электрическими. Однако мощность каждого фонаря была не сопоставима с сегодняшними возможностями, поэтому и свет, исходящий от них, имел свою специфику. Он был не очень ярким, жёлтым (насыщенно тёплым тон). Подобное освещение не вызывало ассоциаций с дающим жизнь солнцем, а, скорее, усугубляло представление Маяковского о городской действительности как о большом игорном доме, где все продаются и всё можно купить: *«Багровый и белый отброшен и скомкан, / в зелёный бросали горстями дукаты, / а чёрным ладоням сбежавшихся окон / раздали горящие жёлтые карты»*⁶. Являя собой образ духовно погибшего города, фонари превращаются в орудие смерти: *«выше вздымайте, фонарные столбы, / окровавленные туши лабазников»*⁷.

¹ Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. 432 с.

² Маяковский В. В. Утро (1912) // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 63.

³ Маяковский В. В. Из улицы в улицу (1913) // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 68.

⁴ Маяковский В. В. Адище города // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 84.

⁵ Маяковский В. В. Гимн здоровью // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 107.

⁶ Маяковский В. В. Ночь // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 63.

⁷ Маяковский В. В. Облако в штанах // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 242.

Понятие о свободе и несвободе

Ощущение несвободы в безвоздушной атмосфере города было свойственно не только поэтам, но и художникам начала XX в. Показателен в этом смысле цикл М. В. Добужинского «Городские сны», работы П. Н. Филонова 1920-х гг. («Город», «Без названия (Город)»), А. В. Лентулова «Город». Во всех картинах ощущается теснота жизни, невозможность выхода из этого мира. Не случайно на фоне происходящих политических событий и внутреннего осознания несвободы авангардное искусство всё плотнее приобщается к эстетике анархизма. Немало доказательств этому можно найти в творчестве В. Маяковского в первые послереволюционные годы. Футуристы старались противостоять процессу «заклания» искусства во имя государственных интересов. Историческим фактом остаётся конфликт большевиков и анархистов, который привёл в 1918 г. к истреблению последних.

В. Н. Терёхина и Н. В. Котрелёв публикуют документ, выданный А. В. Луначарским, об абсолютной благонадёжности В. Маяковского. «Настоящее удостоверение выдано товарищу В. В. МАЯКОВСКОМУ в целях скорейшей реабилитации и прекращения преследования (в случае, если оно имело место) тех деятелей искусств, связь которых с анархистскими группами была исключительно в сфере деятельности искусства» [7, с. 186]. Невозможно не согласиться с учёными, сделавшими вывод о том, что именно Маяковский буквально спас анархистов-футуристов после массовых арестов в апреле 1918 г. Ещё в первой половине 1917 г. поэт рисовал мрачные картины будущего, бессмысленного, подчинённого утробному существованию. «Я знаю, / такому, как я, / накалиться / недолго, / конечно, / но всё-таки дико, / когда не фонарные тыщи, / а лица. / Где было подобие этого тика?» и далее: «Фонари, вот так же врезаны были / в середину улицы»¹.

¹ Маяковский В. В. Человек // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда,

Корней Чуковский заметил страдальческое начало в городской лирике поэта: «...город для него не восторг, не пьянящая радость, а распятие, голгофа, терновый венец, и каждое городское видение – для него словно гвоздь, забиваемый в сердце... Хорош урбанист, певец города, – если город для него застенек, палачество!»² Действительно, лирический герой видит в городе мир, порабоощающий человека. Даже в автопортрете Маяковского можно заметить, как дома перекрывают поэту доступ к небу. Они будто поджимают его со всех сторон, не оставляя потенциального пути освобождения. И фонари играют не последнюю роль в этом мире несвободы:

*Полжизни прошло, теперь не вырвешься.
Тысячеглаз надсмотрщик, фонари, фонари,
фонари...
Я в плену.
Нет мне выкупа!
Оковала земля окаянная.
Я бы всех в любви моей выкупал,
да в дома обнесён океан её!»³*

В такой среде очевидна острая незащищённость человека. Естественным видится соотнесение фонаря с глазами («как красный фонарь у публичного дома, / кровав / налившийся глаз»⁴). Думается, уместно провести параллель со стихотворением Поля Верлена «Парижский набросок»: «Я шёл, как во сне, в тебя погружён, / Эллада теней... / Мне Фидий сопутствовал и Платон / Под взглядами газовых фонарей»⁵. Л. Ю. Парамонова, анализируя различные переводы, в том числе подстрочник этого стихотворения, справед-

1978. С. 312–313.

² Чуковский К. И. Футуристы // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1969. С. 229.

³ Маяковский В. В. Человек // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 295.

⁴ Там же. С. 299.

⁵ Верлен П. Парижский набросок (1866 г.) / пер. А. Эфрон // Жилище славных муз Париж в литературных произведениях XIV–XX веков / сост. О. Смолицкая, С. Бунтман, Н. Бунтман. М.: Московский рабочий, 1989. С. 340.

ливо замечает, что внутреннее напряжение в стихотворении создаётся с помощью цвето-звуковой палитры, в которой одну из важнейших ролей играет тусклый свет фонаря. Формально романтическая обстановка улицы, «обставленной» фонарями, превращается в картину усердно замаскированной тревоги: «Звучит мотив безнадежности перед судьбой и вечностью, мир предстаёт холодным и бесприютным» [5, с. 208].

Фонари от природы лишены собственного взгляда, у них есть только функция – отслеживать проявления человеческой воли. Не случайно в стихотворении «Верлен и Сезан» (1925) именно поэту-импрессионисту изливает Маяковский самые тяжёлые думы относительно современного ему состояния литературы, об отношении к поэтам, о бесконечных абсурдных резолюциях. Уже в эти годы он терпит постоянные упреки в несостоятельности его поэтического языка и пр. со стороны чиновников от литературы и лично от Л. Авербаха. В статье «Читает Маяковский» журналист И. М. Арутюнов вспоминал встречу с Маяковским в 1927 г. в Армавире, когда пять молодых участников литературного объединения решили понадеяться на удачу и навестить поэта в гостинице. Им повезло – Маяковский открыл дверь и с удовольствием согласился побеседовать. Арутюнов отметил, что они поддались на «авербаховскую удочку», задавая поэту так часто звучавшие повсюду оскорбительные вопросы относительно того, что тот пишет без вдохновения, а только по социальному заказу. Маяковский ответил молодым ценителям поэзии, подчеркнув, что даже сапожник не работает без вдохновения, что уж говорить о поэте.

Свет фонарей будет наполнен положительным смыслом только тогда, когда Маяковский с его помощью создаст образ свободной Вселенной: «Чёрная ночь. / Без звёздных фонарей»¹. На фоне урод-

ливой картины ночи особняком стоит признание в любви, в котором главную роль играют фонари: «...я в тебя вцелую сквозь туманы Лондона / огненные губы фонарей»². Уникальность этого образа дополняет тот факт, что в художественной системе Маяковского особое значение всегда принадлежало губам, которые были своего рода индикатором человеческих чувств. О равнодушии и цинизме сказано: «...которая губы спокойно перелистывает, / как кухарка страницы поваренной книги»³, – об отсутствии любви: «Губы дала. / Прикоснулся и остыл. / Будто целую покаянными губами / в холодных скалах высеченный монастырь»⁴ и пр. В аксиологической системе Маяковского фонари становятся доверенным лицом лирического героя, они способны донести истинную любовь.

Заключение

В порубежную эпоху фонари оказались в центре мировоззренческих концепций, в том числе футуристических. В русле итальянского футуризма фонари выступали силой, покоряющей природу. Классическим примером стало полотно Джакомо Балла «Уличный фонарь», на котором свет фонаря заглушает нежизнеспособное сияние месяца. В русском футуризме и кубизме не было отмечено противоборства природы и результатов научно-технического прогресса. Значение этого явления городской действительности было обусловлено его внутренними, подтекстовыми связями с состоянием мира и человека. Фонари в художественной системе Маяковского, преимущественно имеющие отрицательную коннотацию, есть явление мира лирического

¹ Маяковский В. В. 150 000 000 // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 345.

² Маяковский В. В. Флейта-позвоночник // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 254.

³ Маяковский В. В. Облако в штанах // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 229.

⁴ Маяковский В. В. Флейта-позвоночник // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 257.

героя. Они поработают душу, искушают её низменными страстями, но они служат городу Маяковского. В. Н. Климчукова считает, что «постижение каждой индивидуальностью нетленных идеалов всегда предполагает опору на ту или иную систему вечных истин» [4, с. 19]. Так, стремление вывесь, отвечающее философской мысли рубежа XIX–XX вв., воплощается у поэта стремлением познать космос. Лирический герой свободно ощущает себя в пространстве звёзд, комет и «облачного прочего», расширяя тем самым представление о внутренних потенциях человека. Для Маяковского главным ценностным ориентиром была любовь, которую трудно соотносить с привычной картиной город-

ской действительности. Любовь (а у поэта она носила разносторонний характер: любовь к женщине, к людям, к стране) всегда вступала в противодействие с разрушительной силой города. Не случайно этот мир ассоциировался с тюрьмой, в которой можно обрести свободу только через любовь. Ночью, как правило, город побеждал высокие порывы души, и вместо любви появлялась её искривлённая форма – продажные отношения. Но при доминировании любви картина города преобразуется: исчезают все атрибуты «застенка», и фонари превращаются в губы.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипова Г. А. Маяковский: я еду удивлять! Марш поэта по стране. М.: Бослен, 2021. 320 с.
2. Бобринская Е. История живописи. XX век. Футуризм и кубофутуризм. М.: Галарт, 2000. 174 с.
3. Вязова Е. Город в искусстве кубофутуристов: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1999. 23 с.
4. Климчукова В. Н. Поэзия Н. Гумилёва: истоки и свершения / под ред. Л. А. Смирновой. М.: Московский государственный областной университет, 2012. 260 с.
5. Парамонова Л. Ю. Цветозвук как символ в русском и французском символизме // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2012. № 4. С. 202–213.
6. Степанова М. А. Есенин vs Маяковский: поэтическая дуэль. М.: Центр книги Рудомино: Бослен, 2022. 208 с.
7. Терехина В. Н., Котрелёв Н. В. «...выдано товарищу В. В. Маяковскому...». Неизвестное письмо А. В. Луначарского Ф. Э. Дзержинскому // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 185–195.
8. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Учёные записки Тартуского университета. Вып. 664. Тарту: Тартуский государственный университет, 1984. С. 4–29.
9. Филличёва Н. В. Модерн (к вопросу о проблеме стиля) // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного института точной механики и оптики (технического университета). 2003. № 8. С. 194–208.

REFERENCES

1. Antipova G. A. *Mayakovskii: ya edu udivlyat'! Marsh poeta po strane* [Mayakovsky: I'm Going to Surprise! March of the Poet across the Country]. Moscow, Boslen Publ., 2021. 320 p.
2. Bobrinskaya E. *Istoriya zhivopisi. XX vek. Futurizm i kubofuturizm* [History of Painting. 20th century. Futurism and Cubo-futurism]. Moscow, Galart Publ., 2000. 174 p.
3. Vyazova E. *Gorod v iskusstve kubofuturistov: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [A City in the Art of Cubo-Futurists: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Art History]. Moscow, 1999. 23 p.
4. Klimchukova V. N. *Poeziya N. Gumileva: istoki i sversheniya* [Poetry of N. Gumilev: Origins and Accomplishments]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2012. 260 p.
5. Paramonova L. Yu. [Color and Sound as a Symbol in Russian and French Symbolism]. In: *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka* [Ural Philological Bulletin. Series: Draft: Young Science], 2012, no. 4, pp. 202–213.
6. Stepanova M. A. *Esenin vs. Mayakovskii: poeticheskaya duel'* [Yesenin vs. Mayakovsky: A Poetic Duel]. Moscow, Centr knigi Rudomino Publ., Boslen Publ., 2022. 208 p.
7. Terekhina V. N., Kotrelev N. V. ["Issued to Comrade V. V. Mayakovsky" ... An Unknown Letter from A. V. Lunacharsky to F. E. Dzerzhinsky]. In: *Literaturnyi fakt* [Literary fact], 2021, no. 3 (21), pp. 185–195.

8. Toporov V. N. [Petersburg and the Petersburg Text of Russian Literature]. In: *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. Вып. 664* [Scientific Notes of the University of Tartu. Iss. 664]. Tartu, Tartu State University Publ., 1984, pp. 4–29.
9. Filicheva N. V. [Modern (On the Issue of Style)]. In: *Nauchno-tehnicheskii vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta tochnoi mekhaniki i optiki (tehnicheskogo universiteta)* [Scientific and Technical Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Fine Mechanics and Optics (Technical University)], 2003, no. 8, pp. 194–208.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Силаева Марина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Государственного университета просвещения;
e-mail: sofyaberyozkina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Silaeva – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Russian Literature of the 20th Century, State University of Education;
e-mail: sofyaberyozkina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Силаева М. В. Несколько слов о фонарях: к вопросу о многоаспектности образной системы В. Маяковского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 18–25.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-18-25

FOR CITATION

Silaeva M. V. A Few Words about Lanterns: On the Problem of a Multidimensional Image System of V. Mayakovsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 18–25.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-18-25

УДК 82-21

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-26-35

МНОГОАСПЕКТНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ КАТЕГОРИЙ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ КАТЕГОРИИ ОПТАТИВНОСТИ)

Алтабаева Е. В.

Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть аспекты исследования одной из значимых категорий естественного языка – категории оптативности, а также выявить возможности, которые даёт многоаспектный подход для понимания сущности этой категории и её единиц.

Процедура и методы. В работе рассмотрены основные подходы к оптативности в отечественной и зарубежной грамматической науке, обоснована многоаспектная организация категории оптативности, проанализированы свойства оптативных предложений, описаны и систематизированы разноуровневые средства, несущие семантику оптативной модальности. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов и концептуальный анализ.

Результаты. Определена концептуальная основа категории оптативности. Выявлены наиболее перспективные аспекты исследования функционирования средств данной категории: структурно-семантический, функционально-семантический, когнитивно-дискурсивный и др. С позиций многоаспектного подхода обосновано выделение в качестве центрального средства формы инфинитива с частицей *бы* (желательное наклонение).

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют представления о возможностях и перспективах изучения антропоориентированных категорий русского языка, к числу которых относится категория оптативности.

Ключевые слова: категории естественного языка, категория оптативности, концепт ЖЕЛАНИЕ, многоаспектный подход, модальность желательности, оптативные предложения

A MULTI-ASPECT APPROACH IN THE STUDY OF CATEGORIES OF A NATURAL LANGUAGE (BASED ON THE CATEGORY OF OPTATIVITY)

E. Altabaeva

Moscow Pedagogical State University

ul. Malaya Pirogovskaya 1, str. 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. We consider the aspects of investigation of one of significant categories of a natural language, i.e., the category of optativity, and identify the opportunities that a multi-aspect approach in order to reveal the essence of this category and its units.

Methodology. The paper examines the main approaches to optativity in domestic and foreign grammatical science, substantiates the multi-aspect organization of the category of optativity, analyzes the properties of optative sentences, and describes and systematizes different-level means that carry the

semantics of optative modality. The study relies on the methods of observation, generalization and interpretation of the results, as well as on the conceptual analysis.

Results. The conceptual basis of the category of optativity is determined, and the most promising aspects of investigation of the functioning of the category means are found, including structural-semantic, functional-semantic, cognitive-discursive and others. From the standpoint of a multi-aspect approach, the allocation of the form of the infinitive with the particle 'would' (desirable mood) as a central mean is substantiated.

Research implications. The results of the research expand the understanding of the possibilities of and prospects for the study of anthropologically oriented categories of the Russian language, which include the category of optativity.

Keywords: categories of natural language, category of optativity, concept of DESIRE, multi-aspect approach, modality of desirability, optative sentences

Введение

Одним из актуальных научных направлений, разрабатываемых в современной лингвистике, является исследование форм и категорий естественного языка. Хотя такие исследования имеют многолетнюю традицию в отечественном языкознании (А. А. Потебня, Л. В. Щерба, И. И. Мещанинов, В. Н. Мигирин, В. В. Виноградов, А. В. Бондарко и др.), идея категориального устройства языка оказалась особенно востребованной в последние три десятилетия в контексте новых научных парадигм, скоррелированных с антропоцентрическим подходом к изучению и пониманию языка и его явлений (Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Н. Н. Болдырев, Э. Рош, Дж. Лакофф, Р. М. Фрумкина и др.). Эта идея позволила по-иному взглянуть на природу категорий и их организацию в человеческом сознании и языке [7, с. 5–25; 8, с. 107–166]¹.

При понимании категорий как основного формата знаний о мире, а языка как особой системы знаний на первый план объективно выходят задачи исследовать способы представления знаний о мире, принципы формирования, выражения и интерпретации языковых значений разных рангов именно с позиций антропоцентрического подхода. Этот подход даёт возможность не только актуализировать роль языковой личности и её приоритет в коммуникации,

но и посмотреть на объект исследования с разных сторон. С учётом бурного развития так называемых «стыковых» дисциплин с интегративной методологией (психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика, медиалингвистика, медиастилистика, лингвоаксиология и др.) всё большую значимость приобретает *междисциплинарный подход* к изучаемым явлениям. В определённом смысле его можно назвать *многоаспектным*, ведь он охватывает как собственно лингвистические аспекты, так и те, которые связаны с привлечением инструментария смежных научных областей (это явление на рубеже веков было охарактеризовано как *экспансионизм*, т. е. выход за пределы уже освоенных территорий). Насколько оправданным является такой выход – следует, видимо, судить по конкретным результатам конкретных исследований.

Одна из категорий, остро нуждающихся в многоаспектном рассмотрении, – *категория желательности-оптативности*. В данной работе ставится задача показать, как такое рассмотрение реализуется в основных положениях современной теории оптативности. Важно принимать во внимание то обстоятельство, что учение об оптативности как категории естественного языка сформировалось в отечественной лингвистической науке только к концу прошлого – началу нынешнего столетия, хотя основы его были заложены гораздо раньше [2, с. 9–15].

¹ См. также: Кубрякова Е. С. Категория // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1996. С. 45–47.

Сущность категории оптативности

Внимание к феномену оптативности привлекли зарубежные учёные-слависты, исследовавшие типологию русского простого предложения и его модальные характеристики, авторы «Русской грамматики», увидевшей свет в Праге в 1979 г.: Я. Бауэр, М. Грелл, Р. Мразек, Я. Светлик и др. [13].

Начало системному изучению единиц с оптативной (желательной) семантикой было положено известным словацким лингвистом, синтаксистом Романом Мразеком. В 1958 г. в журнале “Československa rusistika” была опубликована его статья “Syntax pracich vet v ruštině” [16], которой, как показало время, суждено было открыть не только новую страницу в русистике второй половины XX в., но и новую сферу научных изысканий в синтаксической науке третьего тысячелетия.

Предложения желательности, или оптативные, представляют собой обширный класс предложений с общей семантикой желательности. Основным их предназначением является выражение желаний и устремлений языковой личности – говорящего или субъекта высказывания, воплощённых прежде всего в оптативной модальности: *Прочитать бы эту книгу; Сдать бы экзамен; Поехал бы я на дачу; Скорей бы лето! Хотелось бы встретиться; Путешествовать – его мечта; Пришло желание уехать* и под. [1, с. 125–135].

Однако было бы неоправданным ограничивать сущность желательности сугубо предикативными пределами. За желаниями и их выражением стоит сложное взаимодействие двух миров («мира – Я» и «мира – не Я»), взаимодействие ценностей и идеалов, потребностей и мотивов, национально-культурных архетипов и конкретно-исторических условий, и всё это сложное взаимодействие организуется особым образом в сознании и благодаря этому находит отражение в языке.

В соответствии с постулатом о концептуальной природе категорий естественно-го языка [7, с. 6–10; 8, с. 108–109]¹ специфици-

ка их понятийного содержания и способов языковой репрезентации определяется когнитивными основаниями соответствующего концепта и его концептуальными характеристиками. Применительно к категории оптативности следует отметить, что в своё время была установлена и обоснована её концептуальная природа, что позволило сформировать новый взгляд на принципиально значимые вещи, т. е. описать, как происходит процесс формирования категоризирующих данную семантику элементов и каким образом структурируется соответствующий фрагмент картины мира в сознании говорящего [2]. Решение этих задач дало возможность утвердить важное положение об оптативности как самостоятельной языковой категории, основывающейся на существовании в нашем языковом сознании ментального концепта ЖЕЛАНИЕ, который содержит обобщённый категориальный смысл *желательности* осуществления действия [2, с. 57–66]. Этот категориальный смысл реализуется в речи говорящего и категоризируется в языке в виде корпуса предложений-высказываний типа *Увидеться бы; Хочу (хочется, хотелось бы, желаю, мечтаю, стремлюсь, имею намерение, выражаю желание и под.) увидеться*.

Категориальный смысл желательности целесообразно рассматривать как эмоционально-волевое проявление потребности субъекта в том, чтобы осуществилось некое событие, предпочитаемое им всем остальным. При категоризации такое проявление получает соответствующее языковое выражение. Кроме того, желательность есть то самое понятийное содержание, которое объединяет совокупность русских предложений с данной семантикой в самостоятельный семантико-грамматический тип, известный в грамматической науке как оптативные предложения, например: *Я бы позавтракал; Хватило бы сил; Только бы ветер утих; Если бы он поверил!; Хоть бы успеть на самолёт; Скорее бы отпуск; Хотелось бы убедиться* и под. По отно-

¹ См. также: Кубрякова Е. С. Категория // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред.

Е. С. Кубряковой. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1996. С. 46.

шению содержания высказывания к действительности оптативные предложения отличаются особой ирреально-модальной семантикой, однако разнообразие типов, разрядов и разновидностей данных предложений позволяет заключить, что далеко не все они сводятся только к ирреальной модальности, – значительная их часть может воплощать значение желательности в структурах с реальной модальностью в составе предиката (модальный компонент составного глагольного сказуемого): *Хочу танцевать; Хотим победить, Хотелся путешествовать; Хотели уехать; Желаю пригласить...; Стремятся совершенствоваться; Мечтаем побывать...; Выказать желание; Пришла охота* и под. Соответственно, различаются два основных аспекта в выражении категориальной семантики оптативности: 1) *предикативная желательность* и 2) *предикатная желательность*¹ [3, с. 11–15].

Как мы уже отмечали, до последней трети XX в. оптативные предложения практически не являлись предметом специального рассмотрения в отечественной русистике; обращение к их изучению в 1970-е – 1980-е гг. показало, что единого мнения по поводу их места в грамматической системе, функциональной квалификации, типологии выработано не было [6; 10; 12; 13; 14; 15]. Так, в «пражской» «Русской грамматике» оптативные предложения были описаны в системе функционально-коммуникативных типов как четвёртый коммуникативный тип наряду с повествовательными, вопросительными и побудительными предложениями [13, с. 814–816]. В «Русской грамматике» 1980 г. они вводятся в парадигму простого предложения как формы синтаксического желательного наклонения [14, с. 99]. В «Теории функциональной грамматики» оптативность как одна из двух категориальных ситуаций вместе с побудительностью включается в состав функционально-семантического поля волеизъявления [15, с. 172]. Кроме того, предложения с

формой оптатива квалифицировались как субъективно-повествовательные, будучи противопоставлены в системе повествовательных предложений объективно-повествовательным [12, с. 37–39].

Во многом однозначной квалификации оптативных предложений препятствует то обстоятельство, что приняты в отечественной синтаксической традиции основания функциональной и модальной классификаций не совпадают [1, с. 128–129]. В связи с этим можно говорить о нескольких трактовках оптативных предложений.

– Во-первых, при включении модальности в коммуникативную рамку высказывания оптативные предложения относят вкупе с повествовательными и побудительными предложениями к системе невопросительных предложений, что позволяет выделять их в качестве отдельного коммуникативного типа [13, с. 814–816].

– Во-вторых, в русле учения о модальности как многоаспектной семантико-синтаксической категории оптативные предложения включают в систему типов простых предложений с ирреальной модальностью, которая противопоставлена системе предложений с индикативно-модальными значениями [10, с. 97–100; 14, с. 99].

– В-третьих, оптативные предложения рассматриваются как одна из модальных разновидностей речевых реализаций волеизъявительного типа предложений. В этом случае категориальная семантика желательности и средства её реализации могут быть осмыслены в формате функционально-семантического поля оптативности, которое входит в предикативное макрополе волеизъявления наряду с функционально-семантическим полем императивности [15, с. 172].

– В-четвёртых, при решении вопроса о коммуникативном статусе оптативных предложений предлагается учитывать их коммуникативную «многоликость» и дифференцировать их функциональные разновидности (повествовательно-оптативные, вопросительно-оптативные, побудительно-оптативные высказывания) в

¹ Термины введены Е. В. Алтабаевой.

зависимости от коммуникативной задачи, решаемой говорящим, и желаемого эффекта воздействия [1, с. 136–137]. Здесь рассмотрение объективно перемещается в плоскость системы речевых жанров и приближается к сфере прагматики. Эта область пока остаётся практически не работанной и составляет одну из ожидающих своего решения проблем современной теории оптативности.

Таким образом, в современной синтаксической науке оптативность трактуется по-разному: 1) как *коммуникативно-синтаксическая* категория, 2) как *функционально-семантическая* категория, 3) как *семантико-синтаксическая* категория, 4) как *коммуникативно-прагматическая* категория. Тем самым оптативность обнаруживает свою *многоаспектную природу* и проявляет себя многоаспектной языковой категорией, объединяющей оптатив (желательное наклонение) и все его функциональные аналоги в формате функционально-семантического поля.

Организация средств категории оптативности в русском языке

Вопрос о статусе оптатива как форманта оптативных предложений решается по-разному, что отражает динамичность языковой системы [1, с. 146–151]. Рассмотрим этот вопрос в контексте системной организации средств категории оптативности. Прежде всего, по характеру соотношения ядерных и периферийных средств представления желательной семантики оптативность является грамматической категорией, поскольку её прототипические формы опираются на формы глагольных наклонений: *Посмотреть бы фильм; Сдать бы сессию; Выпил бы я чаю; Скорей бы Новый год!* Средства оптативности находятся в динамическом взаимодействии, выдвигающем на первый план форму *инфинитив + частица бы* как ядерную, обладающую максимальным количеством дифференциальных признаков, что свидетельствует о её инвариантном статусе в структуре поля оптативности и позволяет

ставить вопрос о существовании в русской грамматической системе желательного наклонения-оптатива как морфологической категории.

В составе категории оптативности, как отмечалось выше, мы выделяем, в соответствии со специализацией средств представления, два основных аспекта: 1) *предикативная желательность* и 2) *предикатная желательность*: *Я (ты, он) бы отдохнул – Я (ты, он) хотел (бы) отдохнуть*. При таком подходе различается желание говорящего (оптатив) и желание субъекта (дезидератив), поскольку внутрисинтаксические модальные отношения получают соответственно имплицитное и эксплицитное представление.

Значение 1-го аспекта (*предикативная желательность*) может быть выражено различными грамматическими средствами, в числе которых формы оптатива и кондиционала, а также функционально аналогичные этим формам средства – автономная частица *бы* в безглагольных предложениях, формы императива в оптативной функции и др.). Грамматическая оптативность поддерживается лексико-морфологически (различные модификации и контаминации частицы *бы*) и интонационно: *Только (лишь, как, хоть и др.) бы успеть!*

Значение 2-го аспекта (*предикатная желательность*) представлено в оптативных предложениях лексико-синтаксическим способом, т. к. заключено в форме и семантике предиката с модальными модификаторами – оптативными глаголами или их дериватами: *хотеть, желать, намереваться, стараться, стремиться, пытаться, мечтать, жаждать, желательно, охота, иметь желание, стремление, мечту, охоту* и др.

В условиях конкретного высказывания разноаспектные оптативные значения часто объединяются и взаимодействуют благодаря особой контаминации семантики и формы модусного компонента: *Я хотел бы вернуться* (ср.: *Я бы вернулся; Я хотел вернуться*). В таких случаях в рамках общекатегориального значения желательности

возникает особая модальная семантика, представленная и грамматически, и лексико-синтаксически, типового грамматического значения оптативных предложений.

Таким образом, концептуальная семантика оптативности в системе естественного языка категоризируется двумя модальными планами – предикативной и предикатной желательностью – и, соответственно, грамматическим и лексико-синтаксическим характером средств их языковой репрезентации, группирующихся вокруг данных модальных значений.

Аспекты исследования категории оптативности. Когнитивно-дискурсивный и функционально-семантический аспекты

Кроме многоаспектной организации своей внутренней структуры, категория оптативности, как мы уже отмечали, может быть рассмотрена с позиций разных подходов (аспектов). Следует обратить внимание на следующие аспекты изучения оптативности: лингвофилософский, когнитивно-дискурсивный, психолингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический, собственно лингвистический (структурно-семантический, функционально-семантический, коммуникативно-синтаксический и коммуникативно-прагматический).

Рамки работы не позволяют обратиться к рассмотрению всех отмеченных аспектов. Сосредоточим внимание на одном из наиболее значимых для понимания сущности и специфики категории оптативности – на когнитивно-дискурсивном аспекте. Данный подход обеспечивает прочные и убедительные методологические основания многим современным теориям и концепциям. С позиций когнитивного аспекта основой выделения категории оптативности является концепт ЖЕЛАНИЕ как особое ментальное образование, генерирующее категориальный смысл желательности наступления предпочитаемой ситуации в сознании говорящего. Концептуальное пространство желаний получает экспликацию в пределах

соответствующей семантической сферы, или зоны, оптативности. В пределах данной зоны разноуровневые средства языка, объединяющиеся на определённых основаниях в группы и классы, репрезентируют категориальную семантику желательности и реализуют её в оптативных предложениях. При этом важно различать желание, которое выступает определяющим фактором естественной коммуникации и является условием осуществления коммуникативного акта, – назовём его «желание коммуникации», с одной стороны, – и желание как одно из модальных значений. «Желание коммуникации» может быть реализовано говорящим в любом коммуникативном типе предложения [13, с. 814–816]: в повествовательном, когда говорящий желает сообщить о чём-либо; в вопросительном, если говорящий хочет что-либо узнать от собеседника; в побудительном – в случае желания говорящего побудить адресата к выполнению потенциального действия. Это, наряду с авторами пражской «Русской грамматики», подчёркивала и В. В. Бабайцева, правомерно утверждая, что «процесс формирования предложения начинается с желания говорящего сообщить какую-то мысль реальному или потенциальному собеседнику» [4, с. 80], а «наполнение схемы лексическим материалом определяется желанием говорящего передать ту или иную конкретную информацию» [5, с. 266].

Желание как основное содержание модального отношения реализуется в русском языке системой оптативных предложений благодаря процессам концептуализации и категоризации. При концептуализации желания в сознании человека отражается ситуация взаимодействия реального положения дел в объективном мире и предполагаемого положения дел в одном из возможных миров – ситуация предпочтения некоего действия / состояния с точки зрения либо говорящего, либо его возможного субъекта в плане осуществления данного действия, наступления данного состояния: *Заявляю, что X хочет У* (инвариант оптативной ситуации). При

категоризации желания происходит концептуальное объединение объектов на основе единого концепта – ЖЕЛАНИЕ; интенция говорящего / субъекта получает языковую реализацию в виде какого-либо представителя данного концептуального комплекса, а именно – единицы с определённым набором показателей оптативности – лексико-синтаксических или грамматических.

Грамматическая оптативность располагает такими способами категоризации, как формы ирреальных наклонений и частица *бы* в безглагольных конструкциях: *Прочитать бы эту книгу* (желательное наклонение); *Прочитал бы я эту книгу* (сослагательное наклонение); *Книгу эту бы сейчас...* (безглагольная конструкция с частицей *бы*).

Лексико-синтаксическая оптативность может быть выражена оптативной лексикой в составе модусного компонента предиката следующим образом: *Хочу, мечтаю, пытаюсь (хочется) прочитать эту книгу* (оптативные глаголы в личной и безличной формах): *Имею желание прочитать эту книгу, Пришло желание прочитать эту книгу (оптативный девербатив¹ в составе описательных и предикативных глагольно-именных оборотов), Прочитать эту книгу – моё желание (оптативный девербатив в предложениях тождества)* [1, с. 144–146, 164–170].

При исследовании структурной организации категории оптативности в формате функционально-семантического поля объективно возникает необходимость выявления и систематизации ядерных и периферийных её средств. В качестве ядерного, прототипического показателя оптативности мы выделяем «такой элемент грамматической системы языка, как “частицу речи” *бы*», статус и место которой, по замечанию П. А. Леканта, «до сих пор ещё чётко не определены» [11, с. 46].

Частица *бы* в составе формы сослагательного наклонения участвует в выражении различных вариантных значений

ирреальной гипотетической модальности, таких, как условие, обусловленность, предположительность, возможность, желательность. В других случаях (например, в предложениях типа *Домой бы*) основным модальным значением выступает желательность. При наличии в структуре предиката вспомогательного компонента в одном предложении могут сосуществовать два и более разных модальных значения [2, с. 52–57].

Характерной особенностью грамматической частицы *бы* является её тяготение к объединению с формой независимого инфинитива. Обе эти граммы отличаются семантической общностью – наличием семантики ирреальности, потенциальности действия. В результате контаминации частицы *бы* с инфинитивом знаменательного или связочного глагола появляется новое модальное значение – желательность, которое реализуется в инфинитивных предложениях типа *Уехать бы; Встретиться бы нам; Ему бы похудеть; Стать бы художником; Успеть бы на поезд!* и т. п.

Инфинитив в сочетании с частицей *бы* ведёт себя совершенно иначе, нежели форма сослагательного наклонения. В инфинитивной форме как таковой значения желательности, равно как и какой-либо другой модальности, не содержится, поскольку инвариантным её значением является потенциальность, но если инфинитив и *бы* объединяются, то происходит появление нового модального значения, значения желательности. В формировании этой модальности участвуют оба компонента в равной степени, причём функционируют они не как отдельные компоненты структуры предложения. В сознании носителей русского языка инфинитив + *бы* воспринимается как целостное образование, регулярно функционирующее в речи для выражения личной желательности, например: *Получить бы зачёт; Сдать бы сессию; Покататься бы на коньках* и т. д. Можно говорить о том, что данная структура «отстоялась» в синтаксисе и в результате регулярного употребления, обусловленного её ядерным положением в системе средств

¹ Термин введён Е. В. Алтабаевой (1986 г.)

категории опативности, закрепились как аналитическая форма желательного наклонения.

При таком подходе находит своё решение и вопрос о статусе желательного наклонения в русском языке. Традиционно о желательном наклонении (опативе) было принято говорить только как о синтаксическом употреблении формы «глагол на -л + частица *бы*». На протяжении нескольких столетий учёные, понимая, что категориальное значение желательности не может не быть присуще русской грамматической системе, усматривали его у формы сослагательного (условного) наклонения [9, с. 473–474]. Фактически вопрос о собственных, морфологически маркированных средствах для выражения желательности не ставился, на что указывалось в «Теории функциональной грамматики» [15, с. 94]. Следует подчеркнуть, что статус желательного наклонения в грамматической системе пока чётко не установлен. Перспективы развития теории опативности связаны с детальным рассмотрением этой важной для русской грамматики проблемы, а также с рассмотрением проявления опативной модальности в сложном предложении разных структурных типов.

Не менее актуальной и перспективной остаётся проблема исследования интерпретационного потенциала данной категории, реализуемого в разных типах текстов – традиционном, художественном, публицистическом, разговорном, интернет-тексте.

Заключение

На основании проведённого анализа сделаем следующие выводы.

– Концептуализация и категоризация желаний определяется существованием в сознании языковой личности концепта ЖЕЛАНИЕ.

– Интерпретация желаний происходит на основе когнитивной деятельности языковой личности и в соответствии с выработанной и разделяемой ею системой ценностей.

– Средства категории опативности находятся в динамическом взаимодействии, обусловленном выбором говорящего и возможностями языковой системы.

– Принципиально значимым для современной теории опативности является решение вопроса о статусе формы «инфинитив + БЫ» в системе глагольного наклонения.

– В силу многоаспектного характера категории опативности целесообразно дальнейшее её исследование в контексте новейших научных парадигм – когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологической – на материале разных типов текста: художественного, фольклорного, публицистического. Разработка этих и других аспектов будет определять основной вектор теории опативности в ближайшие десятилетия.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтабаева Е. В. Категория опативности в русском языке: комплексное описание. М.: Московский педагогический государственный университет, 2021. 200 с.
2. Алтабаева Е. В. Категория опативности в современном русском языке. М.: Московский государственный областной университет, 2002. 230 с.
3. Алтабаева Е. В. Грамматическая концепция П. А. Леканта и теория опативности // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённый 85-летию профессора П. А. Леканта, г. Москва, 24–25 ноября 2017 г. М.: Московский государственный областной университет, 2017. С. 11–15.
4. Бабайцева В. В. Предложение как многоаспектная единица синтаксиса // Русский язык в школе. 1984. № 3. С. 78–82.
5. Бабайцева В. В. Система структурно-семантических типов простого предложения в современном русском языке // Бабайцева В. В. Избранное. 1955–2005. М.; Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2005. С. 263–272.

6. Беличова Е. О модальности предложения в русском языке // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1984. С. 49–68.
7. Болдырев Н. Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 5–25.
8. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2018. 480 с.
9. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
10. Лекант П. А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения. М.: Московский государственный областной университет, 2007. С. 95–104.
11. Лекант П. А. К вопросу о грамматическом статусе частиц // Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения. М.: Московский государственный областной университет, 2007. С. 44–46.
12. Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса. 2-е изд., доп. М.: URSS, 2019. 224 с.
13. Русская грамматика: в 2 т. / под науч. ред. К. Горалек. Прага: Academia, 1979.
14. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 709 с.
15. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 263 с.
16. Mrazek R. Syntax pracich vet v ruštině // Československa rusistika. 1958. № 1. P. 3–18.

REFERENCES

1. Altabaeva E. V. *Kategoriya optativnosti v russkom yazyke: kompleksnoe opisaniye* [The Category of Optativity in Russian: A Comprehensive Description]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2021. 200 p.
2. Altabaeva E. V. *Kategoriya optativnosti v sovremennom russkom yazyke* [The Category of Optativity in Modern Russian]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2002. 230 p.
3. Altabaeva E. V. [The Grammatical Concept of P. A. Lekant and the Theory of Optativity]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennyi 85-letiyu professora P. A. Lekanta, g. Moskva, 24–25 noyabrya 2017 g.* [Rational and Emotional in Russian: A Collection of Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 85th Birthday of Professor P. A. Lekant, Moscow, 24–25 November 2017]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2017, pp. 11–15.
4. Babaitseva V. V. [A Sentence as a Multidimensional Unit of Syntax]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language at School], 1984, no. 3, pp. 78–82.
5. Babaitseva V. V. [The System of Structural-Semantic Types of a Simple Sentence in Modern Russian]. In: Babaitseva V. V. *Izbrannoe. 1955–2005* [Selected Works. 1955–2005]. Moscow, Stavropol, Stavropol State University Publ., 2005, pp. 263–272.
6. Belichova E. [On the Modality of a Sentence in Russian]. In: *Aktual'nye problemy russkogo sintaksisa* [Actual Problems of Russian Syntax]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1984, pp. 49–68.
7. Boldyrev N. N. [Cognitive Approach in Linguistics and Related Fields of Knowledge]. In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2020, no. 2, pp. 5–25.
8. Boldyrev N. N. *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and Knowledge System. Cognitive Theory of Language]. Moscow, YASK Publ., 2018. 480 p.
9. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o solve* [Russian Language. The Grammatical Doctrine of the Word]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 614 p.
10. Lekant P. A. [On the Issue of Modal Varieties of Sentences]. In: Lekant P. A. *Grammaticheskie kategorii slova i predlozheniya* [Grammatical Categories of Words and Sentences]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2007, pp. 95–104.
11. Lekant P. A. [On the Issue of the Grammatical Status of Particles]. In: Lekant P. A. *Grammaticheskie kategorii slova i predlozheniya* [Grammatical Categories of Words and Sentences]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2007, pp. 44–46.
12. Raspopov I. P. *Ocherki po teorii sintaksisa* [Essays on the Theory of Syntax]. Moscow, URSS Publ., 2019. 224 p.
13. Goralek K., ed. *Russkaya grammatika. T. 1–2* [Russian Grammar. Vol. 1–2] Praha, Academia Publ., 1979.
14. Shvedova N. Yu. *Russkaya grammatika. T. 2* [Russian Grammar. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 709 p.

15. Bondarko A. V., ed. *Teoriya funkcional'noi grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of Functional Grammar: Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 263 p.
 16. Mrazek R. Syntax pracich vet v ruštině. In: *Československa rusistika*, 1958, no. 1, pp. 3–18.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алтабаева Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета;
e-mail: evaltabayeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Altabaeva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: evaltabayeva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алтабаева Е. В. Многоаспектный подход в исследовании категорий естественного языка (на материале категории оптативности) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 26–35.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-26-35

FOR CITATION

Altabaeva E. V. A Multi-Aspect Approach in the Study of Categories of a Natural Language (Based on the Category of Optativity). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 26–35.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-26-35

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-36-43

МИРОМОДЕЛИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА В. ПОЛОЗКОВОЙ)

Вилкова А. В.*Московский государственный педагогический университет**129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ миромоделирующей функции метафоры в художественном произведении. На примере метафор современного автора В. Н. Полозковой демонстрируются семантические и структурные особенности изучаемых тропов. Метафоры классифицируются по способу образования и восприятия: «визуальные» метафоры, метафоры-олицетворения, «ментальные» метафоры.

Процедура и методы. Автором проанализирован корпус текстов, относящихся к жанру лирической прозаической миниатюры и стихотворениям. Методология анализа метафор основана на трудах Н. Д. Арутюновой, Х. Ортеги-и-Гассета, П. Рикёра, Д. Лакоффа и М. Джонсона и др. Рассмотрены примеры метафор, выполняющих миромоделирующую функцию. При проведении исследования применены методы филологического анализа текста, контекстологического, интертекстуального анализа.

Результаты. В ходе работы были описаны некоторые виды метафор и проанализирована их миромоделирующая функция.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в систему лингвостилистического анализа текста.

Ключевые слова: лирическая прозаическая миниатюра, метафора, миромоделирующая функция метафор, сравнение, художественный текст

THE WORLD-MODELING FUNCTION OF A METAPHOR (BASED ON THE MATERIAL OF V. POLOZKOVA'S CREATIVITY)

A. Vilkova*Moscow State Pedagogical University**2-oi Sel'skokhozyaistvennyi proezd 4, str. 2, Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract

Aim. We analyze the world-modeling function of a metaphor in a work of fiction. Using the example of the metaphors of the modern author V. N. Polozkova, it is shown how the world of a lyrical hero opens through the prism of his perception of the world. Metaphors are classified according to the method of the formation and perception, including “visual” metaphors, metaphors-personifications, and “mental” metaphors.

Methodology. A corpus of texts related to the genre of lyrical prose miniatures and poems is analyzed. The metaphor analysis methodology is based on the works of N. D. Arutyunova, José Ortega y Gasset, P. Ricoeur, D. Lakoff, M. Johnson and others. Examples of metaphors that perform a world-modeling function are considered. The study relies on the methods of philological text analysis, as well as contextual and intertextual analysis.

Results. The results of the study are the identification of lexical and stylistic means of a metaphor, which help create the implicit information in a poetic text.

Research implications. The research results contribute to the theory of literary analysis.

Keywords: lyrical prose miniature, metaphor, world-modeling function of metaphors, comparison, literary text

Введение

Не только текст художественного произведения, но и наша повседневная речь полна переносными значениями: множественные новые обиходные смыслы, впоследствии превращающиеся в стёртые метафоры, рождаются благодаря метафорическому переносу. Например, мы уже не распознаём в речи такие метафоры, как *время идёт, солнце всходит, вечер наступает*, однако эти фразы, как и многие фразеологические обороты, восходят к метафорическому переносу. Это объясняется тем, что «большинство носителей языка не ощущают метафоричности, воспринимая их как прямые номинации реалий познаваемого мира» [12]. Перенос (вернее, использование слова в «чужом» контексте) или более или менее очевидное сравнение, отразившееся в языке, лежит в основе метафоры. Войдя в повседневную лексику и речь обывателей, подобные сочетания слов теряют свою делимость, становятся привычными, их образность «стирается».

О структуре метафоры

Какова же структура метафоры, какие компоненты включает её состав? Как метафора может выполнять миромоделирующую функцию в художественных текстах? Постараемся ответить на данные вопросы, обратившись к трудам таких исследователей, как Н. Д. Арутюнова [2] и Д. Лакофф, М. Джонсон [6], а затем на конкретных примерах из стихотворений покажем специфику употребления метафор, относящихся к разным смысловым группам.

Прежде чем говорить о структуре метафоры, необходимо упомянуть о том, каким образом она появляется и что собой представляет. Человек на уровне интуиции чувствует и подмечает сходства предметов и явлений повседневной жизни, что помогает ему понимать происходящее. Через метафору становится возможным выразить абстрактные понятия, постичь которые можно преимущественно через сопоставление: «Сущность метафоры состоит в ос-

мыслении и представлении области одной сферы, постигаемой, являющейся для человека новой, в терминах другой, хорошо знакомой и понятной» [12]. Важно, что при этом понимание явления, появившееся в результате восприятия метафорического переноса, индивидуально и неповторимо, т. е. «метафора демонстрирует отношение автора, отражает его языковую картину мира и формирует взгляд реципиента текста на определённое явление действительности» [3, с. 126]. Н. Д. Арутюнова, обращая внимание на феномен метафоризации в повседневной речи, говорит следующее: «В практике жизни образное мышление весьма существенно. Человек способен не только идентифицировать индивидуальные объекты (в частности, узнавать людей), не только устанавливать сходство между областями, воспринимаемыми разными органами чувств (ср. явление синестезии: *твёрдый металл и твёрдый звук, тёплый воздух и тёплый тон*), но и улавливать общность между конкретными и абстрактными объектами, материей и духом (ср.: *вода течёт, жизнь течёт, время течёт, мысли текут* и т. п.). В этих последних случаях говорят о том, что человек не столько открывает сходство, сколько создаёт его» [1, с. 9]. В. Н. Телия, говоря о причине возникновения в языке «смысловых переносов», называет особенности восприятия человеком окружающей действительности: «...в основе тропеических механизмов лежит и *антропометрический принцип*, согласно которому “человек – мера всех вещей”» [11, с. 174].

Структура метафоры обязательно включает описание одной характерной черты предмета через другую, принадлежащую непосредственно не связанному по смыслу понятию, явлению, предмету. Сущность метафоры – в понимании или даже опытном переживании чего-либо через характерные черты другого. Основывается метафора на личном опыте, субъективном переживании. Использование данного средства художественной и речевой изобразительности делает дискурс более личным.

Метафора и сравнение

В школьной традиции метафору принято объяснять через скрытое сравнение. Хотя это понимание весьма упрощённо, однако оно способствует пониманию природы метафоры. Действительно, метафора строится на основе некоторого сходства двух предметов, однако, в отличие от сравнения, она двухкомпонентна: границы между двумя объектами сопоставления стёрты, а на основе их сравнения рождается новый смысл. Об этом говорит Н. Д. Арутюнова: «Мы можем осознать лаконизм метафоры, её “сокращённость”. Сокращая “знак сравнения” (компаративную связку), метафора вместе с ним отбрасывает и основание сравнения. Если в классическом случае сравнение трёхчленно (А сходно с В по признаку С), то метафора в норме двухчленна (А есть В)» [1, с. 28]. К тому же метафора намного «свободнее», чем сравнение, «логика метафорического переноса носит свободный характер, точнее, символический, а не реальный», что позволяет говорить о более глубоком взаимопроникновении смыслов и рождении на их основании нового понимания [7, с. 33].

Если же говорить о сравнении, объекты остаются разделены, лишь подчёркнута причина их сходства. В качестве иллюстрации разницы между сравнением и метафорой приведём следующие хрестоматийные примеры: *озеро как зеркало и глаза как небо* – сравнения; *зеркало озера и небо глаз* – метафоры.

В случае сравнения мы видим, во-первых, союз «как», который является «барьером», противостоящим слиянию смыслов и рождению нового. Встретив сравнение в тексте, понимаем, что озеро настолько гладкое, что в нём отражается окружающая обстановка, глаза же, скорее всего, голубые, хотя цвет и не назван, а небо бывает не только голубого цвета. Так как цвет не единственный возможный признак неба, во втором случае речь может идти и о глубине взгляда, что уже нельзя будет трактовать исключительно как сравнение.

Если речь идёт о метафоре (*зеркало озера или небо глаз*), то нельзя понять точно, где заканчивается один смысл и начинается другой: они сливаются в новый, ранее не существовавший образ. В сознании каждого воспринимающего эти образы способны вызвать более личную ассоциацию. При этом предметы могут отстоять друг от друга по смыслу, это вовсе не мешает создать новый образ. Н. Д. Арутюнова пишет, что «чем дальше отстоят друг от друга противоположаемые разряды объектов, тем ярче “метафорический сюрприз” от их контакта. Соположение далёкого (создание сходства) – один из важных принципов построения художественной речи и ещё одна причина родства метафоры с поэзией. Псевдоидентификация в пределах одного класса не создаёт метафоры. Назвать толстяка Фальстафом, а ревнивца Отелло не значит прибегнуть к метафоре» [1, с. 20].

Итак, метафора обязательно двойственна. Каков процесс её появления? Сначала возникают ассоциативные связи одного явления или предмета с другим, затем эти связи оформляются в сравнение или в метафору. Признак сравнения в сравнении дан эксплицитно, в метафоре – имплицитно. При этом оба слова не только получают переносные значения, но и сохраняют память о прямых. Как писал исследователь метафоры Хосе Ортега-и-Гассет, «для метафоры необходимо, чтобы мы осознавали её двойственность. Мы используем имя не по его прямому назначению и отдаём себе в этом отчёт» [8, с. 71]. Чтобы использовать и понимать метафору, необходимо умение мыслить абстрактно. Это не только анализ, но и созидание смыслов. Н. Д. Арутюнова утверждает, что «в метафоре противопоставлены объективная, отстранённая от человека действительность и мир человека, разрушающего иерархию классов, способного не только улавливать, но и создавать сходство между предметами» [1, с. 18].

Настоящая работа посвящена анализу метафоры в художественном тексте, или особой художественной реальности: «Художественная реальность произведения искусств – это мир событий, которые

создаёт художник (писатель, композитор), выражая своё отношение к событиям обычного мира ... В эти события входит зритель» [10, с. 33–34], который воспринимает художественный текст через призму своего неповторимого восприятия. Так рождаются совершенно новые смыслы, зачастую появившиеся за счёт метафоризации. В художественных текстах метафора способна исполнять миромоделирующую функцию, т. е. через неё создается представление лирического героя о мире.

Семантические и структурные особенности метафор на примере филологического анализа

Проанализируем структуру метафор и на примере произведений В. Н. Полозковой и постараемся понять, в чём заключаются их семантические и структурные особенности.

Анализ стихотворений позволяет говорить о разных по способу восприятия типах метафор. На примерах, встретившихся в стихотворениях В. Н. Полозковой, покажем некоторые разновидности метафор и проанализируем их структуру. Условно рассмотренные метафоры мы разделяем на три группы: а) «визуальные» метафоры, основанные на зрительных образах и воссоздающие их; б) метафоры-лицетворения, где мир живой, субъект действия; в) «ментальные» метафоры, через которые описывается иная реальность, а созданный мир выступает как объект воздействия (классификация наша. – А. В.). Рассмотрим несколько примеров каждой из групп, для чего обратимся к стихотворениям «Ступень или печать на кирпиче», «Дожди стояли много дней», «Садись поближе и глаза прикрой», «Как тут уснёшь...» и др.

Во-первых, рассмотрим «визуальные» метафоры. Чувственный опыт, опыт наблюдений, переживаний лирического героя, отражённый в стихотворениях, позволяет взглянуть на мир его глазами. В стихах В. Н. Полозковой нередко образ природы, окружающей лирического героя, живёт, дышит и действует. Например,

в стихотворении «Ступень или печать на кирпиче», в строке «янтарь поёт в его руке. / *Закат пролит, и хлопок неба порист*»¹, и стихотворении «Дожди стояли много дней» в строках «*акации* стоят, легки, / *в серебряной крупе*»² (здесь и далее выделено нами. – А. В.) – встречаем примеры «природных» метафор: *хлопок неба порист, акации в серебряной крупе, закат пролит*. Как рождаются эти образы? Метафора двучленна, а на основе сопоставления появляется новый смысл. Первый компонент метафоры в данном случае, соответственно, «небо», «облака» и «снег», «закат», второй компонент – «хлопок» и «крупа», «краска, пролитая человеком»; черта, на основе которой рождается метафора, в первом случае – белизна неба и хлопка, во втором – структура крупы и снега, в третьем – чьё-то неосторожное действие, приведшее к некоторому беспорядку, однако живописному. Заметим, что во втором случае объект сравнения не называется, но читатель понимает, что речь идёт именно о снеге. Т. е. при образовании метафоры один из компонентов может присутствовать скрыто. В сравнении это встречается реже.

При образовании метафоры *хлопок неба порист* объектом и образом сравнения выступают явления природы. Облака отождествляются в сознании с хлопком, при этом назван признак сравнения – «пористость». Здесь мы имеем дело со зрительной метафорой.

Похожий случай встречаем при образовании метафорического эпитета *акации в серебряной крупе*. Стёртая языковая метафора «крупа» окрашивается в серебряный цвет, напоминающий иней. Т. к. речь идёт именно о цвете в сочетании со структурой, можно сделать вывод, что метафорический перенос построен на восприятии зрительных образов.

¹ Полозкова В. Н. Ступень или печать на кирпиче // Полозкова В. Н. Работа горя: сборник стихотворений. М.: Livebook, 2021. С. 99.

² Полозкова В. Н. Дожди стояли много дней // Полозкова В. Н. Работа горя: сборник стихотворений. М.: Livebook, 2021. С. 90–91.

Примером метафоры-олицетворения может послужить описание природы в стихотворении «Как тут уснёшь, покуда лодка...», где лирический герой сливается с природой, которая дышит, чувствует, как и он. Взаимосвязь внутреннего мира человека и окружающих явлений неразрывна: он и часть природы, и творение, и в каком-то смысле творец, созидающий новые смыслы. При этом образы окружающего мира, пропущенные через призму восприятия лирического героя, весьма яркие, полные загадок, пронизанные чувствами. Пример подобного вида метафор встречаем в строках: «Вот барчуку отвлечься нужно: // он из родительской конюшни / ведёт гнедого жеребца. / куда он едет, неизвестно. / за ним луна летит – невеста, / сбежавшая из-под венца. / её фата – весь полог звёздный»¹. Параллельно с вполне реальными действиями юноши, вздумавшего прогуляться ночью на коне, описаны полусказочные события в традициях «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя или «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина. Через метафору луна (объект сравнения), её движение (признак сравнения) по ночному небу описываются как сбежавшая невеста (образ сравнения), звёздное небо (образ сравнения) же, Млечный Путь – подвенечные одеяния. Таким образом, обычная ночь превращается через метафорические описания в авантюрную историю. Здесь природа и человек выступают на равных. В художественном мире отражены параллели не только между окружающими предметами: здесь становится возможным сопоставление миров различных художественных произведений.

Таким образом, в основе многочисленных метафор и эпитетов лежит олицетворение, т. е. природный и созданный человеком мир предстаёт как живое существо: *ступень или печать на кирпиче заговорят, янтарь поёт, беспечальный поезд, ветер рвёт платки, сумерки растут, сумерки*

*поют*², *и плесень ... и масло, и лимон, и дым ... заняты игрой*³ и др. Мир живёт и действует, он неразрывен с человеком.

В основе философских метафор лежит не олицетворение, придающее окружающей реальности способность самостоятельно действовать, а, наоборот, пассивность, указание на созданность кем-то. Такие метафоры основаны не только на восприятии органов чувств, но и на мировоззренческом анализе происходящего вокруг. Так, в стихотворении «Ступень или печать на кирпиче...» говорится, что *закат пролит*⁴: страдательное причастие акционального глагола указывает на наличие производителя действия, т. е. выводит описание из сферы чисто природных метафор в сферу Творца, создателя мира.

Пример ментальной метафоры, показывающей неразрывность внутреннего мира человека и внешних условий его жизни, встречаем в стихотворении «Дожди стояли много дней». Здесь описывается осеннее, холодное время, на фоне которого лирический герой размышляет о смерти как о переходе человека в иной мир: «и где-то там, в *отвалах снов, в карьерах тишины*, никто не стар, никто не нов, все только прощены, / все только выпущены вон / из подземелий тел»⁵. Метафорические выражения *отвалы снов, карьеры тишины*, где «отвалы» и «карьер» – результат деятельности человека (в словаре Д. Н. Ушакова *отвал* – «действие по гл. отвалить в 1 и 3 знач. – отваливать (спец. и мор.)»⁶; *карьер* – «место разработки неглубоко залегающих ископаемых»⁷).

² Полозкова В. Н. Дожди стояли много дней // Полозкова В. Н. Работа горя: сборник стихотворений. М.: Livebook, 2021. С. 90–91.

³ Полозкова В. Н. Садись поближе и глаза прикрой // Полозкова В. Н. Работа горя: сборник стихотворений. М.: Livebook, 2021. С. 71–72.

⁴ Полозкова В. Н. Ступень или печать на кирпиче // Полозкова В. Н. Работа горя: сборник стихотворений. М.: Livebook, 2021. С. 99.

⁵ Полозкова В. Н. Дожди стояли много дней // Полозкова В. Н. Работа горя: сборник стихотворений. М.: Livebook, 2021. С. 90–91.

⁶ Отвал // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/отвал> (дата обращения: 10.06.2022).

⁷ Карьер // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/карьер> (дата обращения: 10.06.2022).

¹ Полозкова В. Н. Как тут уснёшь, покуда лодка... // Полозкова В. Н. Работа горя: сборник стихотворений. М.: Livebook, 2021. С. 148–149.

Такое скрытое сопоставление на основании анализа лексического значения наводит на мысль о том, что сны и тишину кто-то создал: т. к. дальше речь идёт о прощении, возможно, речь идёт о Боге. В данном случае мы встречаем пересечение вещественной метафоры и олицетворения, что часто является базой для построения метафоры.

В строках «мир раздет»¹ *мир* снова выступает как объект воздействия, а не субъект действия: страдательное причастие прошедшего времени указывает на то, что он раздет кем-то. В строках «лодка сборт расстеленное гладко теченья тёмное сукно»² встречаем сразу два вида метафор: с одной стороны, олицетворение (акциональный глагол «сборит»), с другой – *сукно теченья*, расстеленное кем-то.

Во многих примерах, перечисленных выше, метафора выполняет миромоделирующую функцию: художественный мир В. Н. Полозковой не ограничивается предметно-вещной реальностью – за этим миром вырастает другой: кто-то (на что указывают страдательные причастия) стоит за всем этим. Мир природы дан через олицетворения и «овеществления».

Можно взглянуть на мир с точки зрения лирической героини, открыть новые горизонты в восприятии мира: «Сила метафоры – в способности ломать существующую категоризацию, чтобы затем на развалинах старых логических границ строить новые» [9, с. 442]. К группе ментальных метафор можно отнести и те, где человек, как и мир, – «создание Бога». Обратим внимание на метафоры, изображающие человека. Лирический герой размышляет о сущности человека и смысле жизни: он *случайный выдох божий*³, *прилежный свет*⁴, а

*воздух сам лирический герой*⁵, смерть же – *вылет из подземелий тел*⁶. Через ёмкие образы создаётся почва для глубоких размышлений. В случае со «случайным выдохом» происходит оживление стёртой метафоры: буквализация стёртого выражения *вдохнуть жизнь* сочетается с оживлением словообразовательной модели: душа / дух от «дыхание» (это поддерживает метафору). Таким образом, изображение человека, как и изображение мира, реализует представление о мире и человеке как о божественном создании. Метафора может выполнять миромоделирующую функцию, определяя взгляд поэта на жизнь и вбирая в себя остальные «воздушные» метафоры, а также функцию сюжетообразующую [4], причём ключевые слова-метафоры маркируют элементы сюжета.

В лирических прозаических миниатюрах, которые представляют собой небольшие по размеру произведения, имеющие глубину благодаря философскому содержанию и психологизму [5], через метафору изображаются жизненный путь и его завершение и неразрывно с этим время, отведённое человеку. Так, через метафору лирическая героиня рассуждает о жизни и смерти в стихотворении в прозе «Время быстро идёт». О том, что будет с человеком после его смерти, автор не говорит, однако и в этом произведении описывает человека как существо духовное, обитающее до поры до времени в своём смертном теле, а позже отправляющееся «в никуда»: «Нас вот так же, как их, рассадят по вертелам, повращают, прожгут, протащат через года. *И мы будем квартировать по своим телам*, Пока Боженька нас не выселит. В никуда»¹. Вопрос посмертной участи остаётся неразрешённым, отражая мировоззрение лирической героини, находящейся в поисках смысла. Человеческое тело сравнивается с помещением для ожидания в миниатю-

¹ Полозкова В. Н. Ступень или печать на кирпиче // Полозкова В. Н. Работа горя: сборник стихотворений. М.: Livebook, 2021. С. 99.

² Полозкова В. Н. Как тут уснёшь, куда лодка... // Полозкова В. Н. Работа горя: сборник стихотворений. М.: Livebook, 2021. С. 148–149.

³ Полозкова В. Н. Садись поближе и глаза прикрой // Полозкова В. Н. Работа горя: сборник стихотворений. М.: Livebook, 2021. С. 71–72.

⁴ Полозкова В. Н. Ступень или печать на кирпиче // Полозкова В. Н. Работа горя: сборник стихотворений. М.: Livebook, 2021. С. 99.

⁵ Полозкова В. Н. Садись поближе и глаза прикрой // Полозкова В. Н. Работа горя: сборник стихотворений. М.: Livebook, 2021. С. 71–72.

⁶ Полозкова В. Н. Дожди стояли много дней // Полозкова В. Н. Работа горя: сборник стихотворений. М.: Livebook, 2021. С. 90–91.

ре «А ведь это твоя последняя жизнь»: «А ведь это твоё последнее тело, *одноместный крепкий скелет. Зал ожидания перед вылетом к горным кушам*»². Тело человека сопоставляется с замкнутым пространством, из которого лирический герой когда-нибудь должен выбраться: «ничего страшнее *тюрмы твоей головы* никогда с тобой не случится»³. В этих метафорах выражается двойственность авторского отношения к земной жизни, бренному телу как «залу ожидания»: с одной стороны, человек не хочет, чтобы его «выселили» (не случайно В. Н. Полозкова использует слово с отрицательной коннотацией), с другой – ему тесно в «тюрме головы».

Заключение

Итак, основной функцией метафоры в изображении художественного мира стихотворений В. Н. Полозковой, в центре которого лирический герой, становится миромоделирующая. Метафора действует скорее на подсознание, позволяя обойти разумные логические цепочки, что делает шире простор для её воздействия на чувственную сферу. Такие свойства метафоры помогают говорить об абстрактных философских понятиях через привычные, обыденные и при этом свойственные современной среде образы.

Статья поступила в редакцию 16.06.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
2. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика: сборник статей / отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1979. С. 147–173.
3. Быкова Л. В., Таджибова А. Н. Функционирование развёрнутой метафоры в современной прессе // *Litera*. 2018. № 4. С. 125–137.
4. Геймбух Е. Ю. «Левша» Н. С. Лескова: радость словесной игры и серьёзность сюжета // Русский язык в школе. 1995. № 2. С. 72–78.
5. Геймбух Е. Ю. Поэтика жанра лирической прозаической миниатюры (лингвистилистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 401 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / пер. А. Н. Баранова, А. В. Морозова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Мирзоева Г. Т. Метафора в науке и языке художественной литературы // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 4 (16). С. 31–37.
8. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / пер. Н. Д. Арутюновой // Теория метафоры: сборник / сост. Н. Д. Арутюнова. М.: Прогресс, 1990. С. 68–81.
9. Рикёр П. Живая метафора / пер. А. А. Зализняк // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 435–455.
10. Розин В. М. Метафора как средство построения художественной реальности (на примере анализа метафоры «кентавр» в романе Меира Шалева «Эсав») // Культура и искусство. 2022. № 2. С. 31–42.
11. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–203.
12. Турко У. И. Метафоризация как способ осмысления действительности [Электронный ресурс] // Филология: научные исследования. 2020. № 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30606 (дата обращения: 10.06.2022).

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. [Metaphor and Discourse]. In: Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A., eds. *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 5–32.
2. Arutyunova N. D. [Language Metaphor (Syntax and Vocabulary)]. In: Grigor'ev V. P., ed. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 147–173.

¹ Полозкова В. Н. Время быстро идёт // Полозкова В. Н. Непоемание. М.: Livebook, 2017. С. 151.

² Полозкова В. Н. Чёлка // Полозкова В. Н. Непоемание. М.: Livebook, 2017. С. 155–156.

³ Там же. С. 155–156.

3. Bykova L. V., Tadzhibova A. N. [The Functioning of an Extended Metaphor in the Modern Press]. In: *Litera*, 2018, no. 4, pp. 125–137.
4. Geimbukh E. Yu. [N. S. Leskov's "Lefty": The Joy of the Word Play and the Seriousness of the Plot]. In: *Russkii yazyk v shkole* [The Russian Language at School], 1995, no. 2, pp. 72–78.
5. Geimbukh E. Yu. *Poetika zhanra liricheskoi prozaicheskoi miniatyury (lingvisticheskii aspekt): dis. ... d-ra filol. nauk* [Poetics of the Genre of Lyrical Prose Miniatures (Linguistic and Stylistic Aspect): Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2006. 401 p.
6. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By* (Rus. ed.: Baranov A. N., Morozov A. V., transl. *Metafory, kotorymi my zhivym*). Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.).
7. Mirzoeva G. T. [Metaphor in Science and the Language of Fiction]. In: *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philological Sciences at MGIMO], 2018, no. 4 (16), pp. 31–37.
8. Ortega y Gasset J. Two Great Metaphors (Rus. ed.: Arutyunova N. D., transl. *Dve velikie metafory*). In: Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A., eds. *Teoriya metafor* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 68–81.
9. Ricœur P. Living Metaphor (Rus. ed.: Zaliznyak A. A., transl. *Zhivaya metafora*). In: Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A., eds. *Teoriya metafor* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 435–455).
10. Rozin V. M. [Metaphor as a Means of Constructing Artistic Reality (On the Example of the Analysis of the Centaur Metaphor in the Novel Esau by Meir Shalev)]. In: *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art], 2022, no. 2, pp. 31–42.
11. Teliya V. N. [Metaphorization and Its Role in Creating a Linguistic Picture of the World]. In: *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language. Language and Picture of the World]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 173–203.
12. Turko U. I. [Metaphorization as a Way of Understanding Reality]. In: *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 2020, no. 4. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30606 (accessed: 10.06.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вилкова Александра Викторовна – аспирант кафедры русского языка Московского городского педагогического университета, учитель русского языка и литературы школы № 141 имени Героя Советского Союза Рихарда Зорге;
e-mail: vilkovaalex@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra V. Vilкова – Postgraduate Student, Department of the Russian Language, Moscow City Pedagogical University; Teacher of the Russian Language and Literature, School No. 141 named after the Hero of the Soviet Union Richard Sorge;
e-mail: vilkovaalex@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вилкова А. В. Миромоделирующая функция метафоры (на материале творчества В. Полозковой) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 36–43.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-36-43

FOR CITATION

Vilkova A. V. The World-Modeling Function of a Metaphor (Based on the Material of V. Polozkova's Creativity). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 36–43.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-36-43

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-44-54

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА И ИРОНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Захарова М. В.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировав функционирование и восприятие носителями языка языковой игры и иронии в реальной и виртуальной коммуникации, уточнить понимание данных терминов и взаимоотношения между обозначаемыми ими явлениями.

Процедура и методы. На основании экспериментальной, исследовательской и аналитической деятельности по изучению языковой игры и иронии в русском языке и языковом сознании носителей русского языка предлагается уточнение понимания сущности и взаимосвязи этих явлений. Основными методами являются эксперимент, аналитический и эмпирический методы.

Результаты. Сформулировано уточнённое непротиворечивое и в достаточной степени универсальное определение языковой игры. Описано соотношение понятий языковой игры и иронии в коммуникации и сознании носителей русского языка. Экспериментально подтверждено несоответствие между преимущественно положительной оценкой явления иронии и преимущественно отрицательной оценкой фактов использования иронии в конфликтной коммуникации.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в дополнении и уточнении понимания сущности языковой игры и иронии в коммуникативной деятельности носителей языка.

Ключевые слова: ирония, коммуникация, конфликтоген, языковая игра, языковое сознание

LANGUAGE GAME AND IRONY IN COMMUNICATION INTERACTION

M. Zakharova*Moscow City University**pr. Vtoroi Selskhoziajstvenny 4, Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract

Aim. By analyzing the functioning and perception of the language game and irony by native speakers in real and virtual communication, we clarify the understanding of these terms and the relationship between the phenomena designated by them.

Methodology. Relying on experimental, research and analytical activities to the study of the speech play and irony in the Russian language and the linguistic consciousness of Russian speakers, we clarify the understanding of the essence and relationship of these phenomena. The main methods are experimental, analytical and empirical.

Results. A refined, consistent and sufficiently universal definition of the speech play is formulated. The correlation of the concepts of speech play and irony in communication and consciousness of Russian speakers is described. The discrepancy between the predominantly positive assessment of the phenomenon of irony and the predominantly negative assessment of the facts of the use of irony in conflict communication is experimentally confirmed.

Research implications. The study supplements and clarifies the understanding of the essence of the speech play and irony in the communicative activity of native speakers.

Keywords: irony, communication, conflictogen, language game / speech play, language consciousness

Введение

Занимаясь изучением языковой игры в истории русского языка и, независимо от этого, иронии в коммуникативной деятельности носителей современного русского языка, мы постепенно пришли к заключению о невозможности описания иронии без использования термина «языковая игра», а затем и к выводу о близости и одновременно неоднородности явлений, описываемых этими терминами. Оба этих явления находятся в фокусе лингвистической мысли уже давно и многократно становились объектами разноаспектного анализа. *Ирония* как термин риторики и философии известна с античных времён, *языковая игра* как термин появляется только в 1953 г. в рамках философии языка Л. Витгенштейна [3]. Оба термина используются на протяжении своей истории в рамках двух терминосистем: применительно к конкретным языковым фактам в рамках риторики, литературоведения и лингвистики и применительно к особенностям мышления и миропонимания человеческой личности в рамках общей философии и философии языка. Для иронии, видимо, первично значение тропа, языковая игра же изначально обозначала тип человеческой деятельности. В современной лингвистике оба термина не имеют единого общепринятого значения и определяются в соответствии с ракурсом анализа. Наиболее значимыми работами в этой области, направленными на выработку единых подходов к осмыслению сущности интересующих нас явлений, в современной русистике нам представляются диссертационные исследования К. М. Шилихиной и З. А. Заврумова¹, касающиеся иронии, а также исследования Ю. О. Коноваловой в области языковой игры [10].

¹ См.: Заврумов З. А. Феномен иронии в художественном тексте: прагмасемантический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 2017. 56 с.; Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2014. 50 с.

В рамках данного исследования нам хотелось бы поделиться теми системными выводами, которые сложились в результате целого ряда исследований, начатых в 2006 г. и посвящённых языковой игре в истории русского языка, русском художественном тексте, интернет-коммуникации и языковом сознании носителей русского языка², и продолжающейся с 2018 г. серии психолингвистических экспериментов, направленных на изучение восприятия, понимания и использования иронии носителями современного русского языка³.

Языковая игра: проблема терминологии

В современной лингвистике термин «языковая игра» определялся и уточнялся многими исследователями. Интересно отметить, что при всём разнообразии трактовок и оценок все основные направления анализа так или иначе были намечены Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. И. Розановой при первом появлении термина в русистике в 1983 г. [9]. Однако с течением времени мы всё больше склоняемся к выводу, что наименее спорный смысл он имеет в случае понимания компонента *игра* в значении, которое вкладывалось в него Л. Витгенштейном. Игра

² Напр.: Захарова М. В. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка // Знамя. 2006. № 5. С. 159–168; Захарова М. В. Языковая игра в художественных текстах XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2011. № 2 (7). С. 15–20; Захарова М. В. Языковая игра в древнерусском культурном пространстве // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2012. № 1 (8). С. 18–23.

³ См.: Захарова М. В. Ирония в речевой деятельности носителя русского языка // Русский язык в глобальном и локальном измерениях. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2018. С. 50–55; Захарова М. В. Факторы формирования иронического контекста // Русистика и компаративистика: сборник научных трудов по филологии. Вып. XIV. М.: Книгодел, 2020. С. 103–118; Захарова М. В. Ирония как стратегия вербального воздействия // Речевое воздействие в разных курсах. Т. 5. Гданьск: Гданьский университет, 2021. С. 384–392.

как форма нормативной прагматической деятельности человека, базирующаяся на правилах, принятых в данном социуме. Или «способ использования языка» в терминологии Дж. Сёрля [12, с. 194]. Противопоставление же игры и нормативной языковой деятельности, закрепившееся в русистике, фактически замыкает языковую игру в области лингвистического эксперимента и творческой деятельности языковой личности (Н. Д. Голев, Т. А. Гридина, Б. Ю. Норман, С. Ж. Нухов, В. З. Санников)¹. Тогда как для полноценного носителя русского языка понимание и использование языковой игры, как нам представляется, далеко не всегда становится фактом творчества, часто являясь вполне обыденным. Современные исследования затрагивают практически все области речевой деятельности носителей языка, например, ведущий специалист в данной области Т. А. Гридина, глава екатеринбургской школы изучения языковой игры, обращается не только к детской речи периода активного лингвистического эксперимента и к креативным приёмам художественного текста, но и к интернет-коммуникации и к политическому дискурсу, но ключевым ракурсом рассмотрения является именно креативность языковой личности, т. е. её творческий потенциал, стимулирующий носителя языка выходить за пределы нормы в процессе эксперимента или творения – сосредоточения на форме. Как отмечает сама Т. А. Гридина в предисловии к пятой коллективной монографии «Лингвистики

креатива», определяя сущность этого, созданного ею и представителями её школы, направления (бесспорно, основного в современной русистике в области языковой игры): «исследования творческой природы языка, ... “пространства языкового креатива”»: широкого спектра дискурсивных практик социума, способствующих обновлению языкового канона и проявлению инициативы конкретной личности в использовании нестандартного речевого регистра» [11, с. 5].

И, действительно, когда языковая игра возникает в результате сознательной созидательной или разрушительной деятельности языковой личности, целью (или одной из целей) которой является порождение новой, значимой и эстетически ценной формы, об этом вполне целесообразно говорить в ракурсе креативности, но осознанное нарушение сложившейся нормы далеко не всегда таково, часто это обыденная практика рядового носителя языка, который ретранслирует понравившиеся искажения, игнорирует кажущиеся необязательными правила и создаёт неологизмы в процессе решения каждодневных коммуникативных задач, руководствуясь при этом простыми основными целями: быть как можно точнее, лучше и быстрее понятым собеседником, как можно эффективней стимулировать реципиента на необходимую деятельность, т. е. сосредотачиваться не на форме, а на практических задачах и целях коммуникативного акта. В этом плане удачным (максимально обобщённым) представляется определение, данное К. М. Шилихиной: «По своей сути игра является намеренным нарушением конвенций, связанных с использованием языковых знаков» [14, с. 38].

Наши наблюдения подтверждают, что во многих случаях говорящий не «играет с формой речи» [9, с. 172] в рамках некоего эстетического задания или эксперимента, реализуя эстетическую, гедонистическую, лудическую или комическую функцию языка, а прагматично ломает устоявшуюся норму для более действенного решения коммуникативной задачи. Любопытно, что

¹ В частности, Гридина Т. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Язык. Система. Личность: материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции, 25–26 апреля 2002 г. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2002. С. 22–27; Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. ГПИ, 1996. 215 с.; Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 344 с.; Нухов С. Ж. Языковая игра в словообразовании: на материале лексики английского языка: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 39 с.; Санников В. З. Лингвистический эксперимент и языковая игра // Вестник Московского государственного университета. Серия 9: Филология. 1994. № 6. С. 25–28; Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.

и эту ситуацию так или иначе отмечают исследователи «Русской разговорной речи»: «Но языковая игра может быть связана и с содержанием речи: она может служить для более точной и тонкой передачи мысли...» [9, с. 174–175].

Прагматический потенциал языковой игры стал объектом анализа в работах Ю. О. Коноваловой, С. В. Фуниковой, С. В. Ильясовой, Л. П. Амири, Н. Ю. Тимофеевой¹ и др. Н. Ю. Тимофеева определяет языковую игру как «речевое действие, заключающееся в намеренном отклонении от стандартного использования языка с целью поддержания коммуникативного контакта или создания эстетически значимой формы высказывания» [13, с. 8]. Ещё конкретнее определена прагматическая функция языковой игры у Ю. О. Коноваловой: «языковая игра рассматривается как осуществление определённых действий, способ для достижения цели при формировании значения говорящего» [10, с. 35].

Мы довольно долго определяли языковую игру как осознанное целенаправленное нарушение языковых, речевых, коммуникативных и лингвокультурных норм, акцентируя внимание на трёх значимых аспектах: **понимании** говорящим несоответствия того, что он говорит, существующим нормам; наличии у говорящего определённой **цели**, побуждающей его к такому решению; и собственно наличии языковой **неправильности**, очевидной для компетентного слушателя. В целом, это определение соответствует основополагающим, принятым большинством исследователей представлениям о сущности языковой игры, однако расширяет список норм, ко-

торые могут быть нарушены, включая не закреплённые в словарях и грамматиках, но осознаваемые, принимаемые или только ощущаемые носителями языка правила осуществления коммуникативного взаимодействия. К языковой игре, таким образом, будут относиться и примеры, содержащие не соответствующие норме языковые единицы (*Вы хотите песен, их есть у меня*), и нормативные с точки зрения языка примеры, невозможные в данном коммуникативном акте или данной культуре (*Идеальное решение, милорд!* – одобрение женой решения мужа есть блинчики с джемом). Все средства художественной выразительности, как мы полагаем, также должны рассматриваться как языковая игра, потому что их целью является привлечение и удержание внимания читателя для осуществления воздействия на его сознание, подсознание, чувства и эмоции, а это возможно только в том случае, если используемый языковой материал будет выполнять несвойственные ему функции или вообще отсутствовать в языковом сознании реципиента, следовательно, нарушать, сложившиеся в данном языке и социуме нормы.

В данной работе мы предлагаем несколько иное, как нам представляется, не столько более широкое, но более точное, определение: *языковая игра – это умышленное нарушение норм, существующих в сознании участников коммуникации, средствами языка с целью привлечения внимания реципиента языковой игры к нарушаемым нормам и возникающим на базе этих нарушений смыслам.*

Как показывают наши исследования, основным сигналом, позволяющим реципиенту опознать языковую игру, являются два одновременных ощущения: «так сказать нельзя» (или «так не говорят») и «говорящий делает это специально, с определённой целью, а не по ошибке». Отсутствие любого из двух компонентов делает невозможным интерпретацию языковой игры, т. к. при отсутствии первого ощущения текст маркируется реципиентом как нормативный, правильный (даже если это и

¹ Напр.: Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта: Наука, 2013. 294 с.; Тимофеева Н. Ю. Прагматический аспект понятия «языковая игра» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 5–9; Фуникова С. В. Языковая игра как актуальная тенденция в городской коммуникации (на материалах г. Белгорода) // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2016. Т. 2. № 3. С. 35–40.

не соответствует действительности), а при отсутствии второго – как ошибочный, демонстрирующий некомпетентность, необразованность или ненормальность говорящего.

Ирония в коммуникации

На данный момент в лингвистике существуют три магистральных направления осмысления иронии как способа коммуникативного поведения: *ирония как скрытая агрессия* (С. Аттардо, В. В. Дементьев, Дж. Хайман), *ирония как стратегия вежливости и смягчения критики* (П. Браун и С. Левинсон, Дж. Лич) и *ирония как способ доминирования* (П. Бурдые, К. М. Шилихина)¹. В любом случае сущность иронии определяется обобщённо как взаимодействие двух противоположных смыслов: смысла, который создаётся текстом (далее – смысл высказывания), и смысла, который вкладывает в него автор (далее – смысл автора). Акцентируя внимание на оценочном потенциале иронии и её когнитивных возможностях, З. А. Заврумов отмечает: «Ироническое высказывание всегда включает две оценки, противоположные по своему характеру: позитивную и негативную, первая репрезентирована эксплицитно, вторая содержится в таком высказывании имплицитно. Лингвориторическая суггестия иронии прямо пропорциональна глубине противоречий между вербализованным и подразумеваемым» [6, с. 222].

¹ См.: Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 375 с.; Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2014. 50 с.; Attardo S. Irony as Relevant Inappropriateness. // Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader. New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. P. 135–172; Bourdieu P. Language and Symbolic Power Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. 302 p. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1987. 345 p.; Haiman J. Talk is Cheap: Sarcasm, Alienation, and the Evolution of Language. Oxford: Oxford University Press, 1998. 220 p. Leech G. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1991. 250 p.

Наши эксперименты 2018–2019 гг. показали, что понимание иронии не зависит ни от уровня образования, ни от когнитивных способностей языковой личности. Ирония в коммуникации также в подавляющем большинстве случаев не отражает мировоззрения и выражает оценку говорящего в ценностном ключе (разумеется, это высшая ипостась и задача иронии и они реализуются в значимых для говорящего случаях, при условии, что он является элитарной языковой личностью с полностью сформированным мировоззрением), а направлена на решение приземлённых прагматических задач: уязвить собеседника как можно сильнее, защитить себя в зарождающемся конфликте, добиться своего, не вызвав ответной агрессии, повысить свой статус и т. д.

Именно этим обусловлены популярность терминов и неоднозначность реакции на реализацию описываемых явлений в языке. Ирония маркирована культурой как элитарный способ мышления, многие, прежде всего молодые, носители языка, воспринимают иронию как способ приобщиться к элитарности, хотя фактически не опознают иронии и негативно относятся к иронической коммуникации в реальной жизни. Большинство носителей языка, участвовавших в наших экспериментах, одновременно **декларировали** положительную оценку иронии, умение её понимать и использовать и **демонстрировали** неприятие иронии в поведении субъектов коммуникации, за которыми наблюдали. Более того, использование иронии в бытовой коммуникации чаще всего маркировалось как невежливость, невоспитанность, грубость, неумение коммуницировать грамотно, т. е. как поведение не элитарной, а, наоборот, ущербной языковой личности. Для иллюстрации приведём данные эксперимента 2022 г. В эксперименте приняли участие около 100 носителей русского языка, проживающих в Москве и представляющих три возрастные группы (от 17 до 22 лет – студенты-бакалавры московских вузов; от 23 до 30 лет – люди с высшим образованием (уровень – бакалавр), на-

чавшие трудовую деятельность по специальности или продолжающие обучение в магистратуре; небольшая группа старше 30 лет с высшим образованием; контрольная группа взрослых носителей языка старше 25 лет с уровнем коммуникативной компетенции выше среднего и высокий – люди с полным высшим образованием (уровень – специалист) и преподаватели вуза, в том числе имеющие научные степени). В интересующем нас сегменте эксперимента носителям языка предлагалось оценить коммуникативное поведение человека в следующей ситуации: *Человек в автобусе / поезде слушает музыку (смотрит какие-то ролики) без наушников. Его сосед Д. не выдерживает и говорит: “А что, наушники уже больше не производят?” Оцените поведение Д.* До этого момента участники основной группы в рамках эксперимента с иронией не сталкивались и не знали, что эксперимент связан с иронией. В этой фазе эксперимента участникам также никаких комментариев или дополнительных вопросов не задавалось.

Из 83 участников основной группы 45 назвали поведение Д. грубым, агрессивным, невежливым, некорректным. Три участника указали на то, что он выбрал для замечания вежливую, смягчённую форму, один из них использовал оценку «с юмором», второй (единственный из всей группы) указал, что это ирония. Ещё один участник отметил важность интонации для оценки поведения Д., указав, что если интонация правильная, то и поведение нормальное. Остальные участники поддержали поведение Д., не оценивая его формы.

В финальной стадии эксперимента участников прямо спросили, как они относятся к иронии (предшествующие стадии эксперимента с ними не обсуждались). Отрицательную оценку высказали всего 4 человека. 66 участников дали положительную оценку иронии.

Результаты участников экспериментальной группы, которые не получали информации о том, что исследуется ирония, в момент оценки поведения коммуникан-

та, совпали с результатами контрольной группы, в которой данный пример был приведён как иллюстрация иронического поведения в процессе разговора об иронии. Участники контрольной группы, высказавшие положительную оценку иронии вообще и негативно оценившие поведение коммуниканта, аргументировали это тем, что этот случай *не ирония* или что этот случай *неправильная ирония*. Фактически мы видим, что ирония в реальной коммуникации положительно оценивается и воспринимается лишь небольшой группой носителей языка, тогда как само явление иронии большинство носителей языка относит к правильным и уместным. В результате серии экспериментов мы предварительно выделили 4 группы носителей языка по отношению к иронии: понимает и принимает (фактическое принятие), понимает и не принимает (фактическое неприятие), не понимает и принимает (декларативное принятие), не понимает и не принимает (декларативное неприятие) [8, с. 131–132]. Большинство носителей языка относятся к третьей группе, декларируя положительную оценку иронии и при этом с трудом идентифицируя иронические контексты. В целом, в их реакциях мы видим либо неверное понимание замысла иронического высказывания, т. е. прямую интерпретацию сообщаемого, при которой смысл высказывания понимается, а его несоответствие со смыслом автора не осознаётся или игнорируется, либо оценку высказывания / поведения коммуниканта как агрессивного, невежливого, грубого.

Это обуславливает высокий конфликтный потенциал иронии в коммуникативном взаимодействии, т. к. небольшие группы второго и четвёртого типов так же реагируют на иронические высказывания одним из двух обозначенных способов: представители второго типа правильно интерпретируют текст как иронию и оценивают поведение коммуниканта как агрессию (обычно используют оценки типа *язвительно, сарказм, неуместный сарказм, презрительное отношение*); представители четвёртого типа иронии не видят и чаще

всего неправильно понимают говорящего, не понимают его совсем или начинают подозревать, что говорящий не уважает их, ставит себя выше (это, кстати, отмечается и как основное объяснение неприятия иронии вторым типом коммуникантов). В связи с этим появление иронии способствует успешному продолжению коммуникации, только когда в качестве реципиента выступают представители первого типа носителей языка, в остальных случаях наиболее частотным сценарием становится или коммуникативная неудача (реципиент не опознаёт иронии и, соответственно, не понимает смысла автора), или срыв коммуникации в конфликтную фазу. Это отмечали и сами участники описываемого эксперимента при оценке поведения Д.:

– *Правильно... Но вряд ли тот человек поймёт иронию* (единственный ответ, содержащий слово *ирония*, как мы отмечали выше);

– *Неагрессивное, но выражающее недовольство поведение. Оно, очевидно, провоцирует человека на конфликт, но я бы одобрила поведение Д.;*

– *Не самый тактичный подход, так Д. может начать конфликт.*

И только один из участников, указал, что поведение Д. предотвращает конфликт: *Д. очень раздражает такое поведение, поэтому он и делает замечание, но старается из нотации превратить это в шуточное замечание, чтобы сидящему рядом было не так неприятно.*

В рамках проблематики данной работы особенно интересно, что сходные данные по взаимосвязи способности правильно интерпретировать использованные говорящим средства и степени конфликтности коммуникации предоставляют и эксперименты, изучающие языковую игру: «Успешность смягчения угрозы напрямую зависит от языкового опыта коммуниканта и его способности дешифровать языковую игру. Непонимание языковой игры респондентами однозначно связывается с невежливостью – вплоть до того, что, даже если коммуниканты сами языковую игру поняли, но подозревают, что её мо-

гут не понять другие, они указывают на её потенциальную невежливость по отношению к этим людям. В связи с этим интересен тот факт, что "виновным" кажется тот коммуникант, который употребил речевой акт, непонятный собеседнику, а не тот коммуникант, который не смог его дешифровать»¹ [1, с. 191].

Языковая игра и ирония: проблема соотношения понятий

Проблема соотношения иронии и языковой игры активно осмыслялась в русистике прошлого десятилетия (З. А. Заврумов, А. В. Кузнецова², Л. В. Самыгина³, К. М. Шилихина и др.). В основном предлагаются два решения: ирония как вид / способ / приём языковой игры и, наоборот, языковая игра как средство реализации иронии. К примеру, З. А. Заврумов отмечает: «Эффект языковой игры усиливается за счёт реализации образных и стилистических приёмов, в числе которых ирония занимает одно из центральных мест» [7, с. 65], т. е. фактически рассматривает иронию как один из приёмов реализации языковой игры в тексте. Обратную ситуацию мы видим в работе К. М. Шилихиной: «Если в результате языковой игры создаются, например, иронические отношения, то такую игру уже нельзя назвать только развлекательной» [14, с. 39]. Языковая игра здесь представляется способом, механизмом порождения иронии: «языковая игра – один из приёмов создания иронии в дискурсе» [14, с. 44].

Нам кажется наиболее целесообразным рассматривать оба явления в системе ко-

¹ Маркирование коммуникативного поведения как невежливого выступает конфликтогеном и усиливает конфликтность (потенциальную или реальную) коммуникативного акта. И, наоборот, опознание и верная интерпретация языковой игры снижает конфликтность.

² См.: Кузнецова А. В. Языковая игра и ирония в художественном тексте: лингвокультурологический аспект // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 4 (25). С. 67–69.

³ См.: Самыгина Л. В. Ирония как метатекстовый феномен в рассказах С. Довлатова: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 212 с.

ординат теории непрямой коммуникации. Понимая непрямую коммуникацию вслед за В. В. Дементьевым как «содержательно осложнённую коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [5, с. 5], мы полагаем, что для обоих явлений характерно наличие минимум двух смысловых пластов: внешнего, собираемого из смыслов использованных языковых единиц, и внутреннего, соответствующего замыслу автора, контексту и коммуникативной ситуации в целом. Как называют это применительно к иронии Е. Г. Борисова и Ю. К. Пирогова в аннотации к своей статье 2013 г.: «сложный случай кодировки намерений говорящего» [2, с. 148]. К. М. Шилихина указывает на это же применительно к языковой игре: «языковая игра – это сигнал усложнения смысловой структуры сказанного» [14, с. 39].

Различаются же они, как нам представляется, внешним пластом. При языковой игре он во всех случаях оценивается реципиентом как невозможный, неправильный по разным основаниям: по форме входящих в него языковых единиц, по соответствию коммуникативной ситуации или нормам поведения, принятым в данном социуме и данной культуре. Внешний пласт иронии, напротив, по большей части этих показателей должен быть признан нормативным, правильным. Он не соответствует лишь представлению реципиента о том, что может считаться нормальным и правильным данным конкретным говорящим, находящимся в данных обстоятельствах. Как нам видится, на нижних уровнях несоответствий, т. е. при нарушении фонетической, графической, лексической, грамматической нормы (ненормативном создании и воспроизводстве языкового знака), языковая игра является механизмом воздействия на реципиента, в том числе иронического. На более высоких уровнях (коммуникативном, лингвокультурном, мировоззренческом) ирония и языковая игра сближаются, совпадая на

коммуникативном уровне, т. к. основным признаком иронии является не соответствие высказывания контексту и личности говорящего, что равнозначно языковой игре на коммуникативном уровне. А далее, видимо, можно говорить о том, что уже ирония становится механизмом языковой игры, т. к. сигналом нарушения нормы становится несоответствие сообщаемого и личности говорящего: этот человек (с таким уровнем образования, с таким воспитанием, имея такую профессию, так оценивающий мир и т. п.) не может так считать, следовательно, то, что он говорит, не соответствует тому, что он думает на самом деле, – значит, он либо говорит неправду, либо играет со мной. На этом уровне ирония и ложь сближаются настолько, что ряд исследователей предлагает рассматривать их как нечто единое или во всяком случае близкое (Р. Браун, О. П. Ермакова, Дж. Лич, В. М. Пивоев, В. О. Пигулевский, Б. Фрейзер и др.)¹. Однако, как отмечает А. А. Горностаева, «ирония, в отличие от лжи, не имеет намерения стать правдой, а передаёт сигнал о намеренной неискренности автора иронического высказывания» [4, с. 993].

Заключение

1. Языковая игра – это умышленное нарушение норм, существующих в сознании участников коммуникации, средствами языка с целью привлечения внимания реципиента языковой игры к нарушаемым нормам и возникающим на базе этих нару-

¹ Ермакова О. П. Ирония и её роль в жизни языка. Калуга: КГПУ имени К. Э. Циолковского, 2005. 204 с.; Пивоев В. М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. 106 с.; Пигулевский В. О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму: научное издание. Ростов-на-Дону: Фолиант, 2002. 418 с.; Brown R. L. The Pragmatics of Verbal Irony // Language Use and the uses of Language. Washington 1980. P. 111–127; Fraser B. The Domain of Pragmatics. Language and Communication. London: Longman, 1983. P. 29–59; Leech G. N. Principles of pragmatics. London, New York: Longman, 1983. 264 p.; Giora R. Irony and Its Discontent // Utrecht Publications in General and Comparative Literature. Vol. 35. Amsterdam, Philadelphia, 2001. P. 165–185.

шений смысл. Если реципиент не видит нарушения или не понимает его осознанности и наличия авторского замысла, это приводит к коммуникативной неудаче и является конфликтогеном как для автора сообщения, так и для его реципиента. Если реципиент опознаёт нарушение как умысел автора и предпринимает попытки понять цель, это не только делает коммуникацию успешной, но и способствует повышению доверия между коммуникантами.

2. Языковая игра на уровне разрушения, искажения, окказионального образования языкового знака определённо является инструментом иронии (как и прагматики, вербального воздействия и лингвокреативности). В то же время ирония может рассматриваться как частный случай языковой игры, когда умышленно и очевидно для всех или некоторых реципиентов нарушаются принципы кооперации Грайса, проявляется несоответствие между образом автора высказывания и смыслом этого высказывания, когда сказанное не соответствует той реальности, в которой происходит.

3. Ирония – это форма не прямой коммуникации, при которой смысл автора не соответствует, а часто и противоположен смыслу сообщаемого, причём обязательным условием иронии является как наличие особых маркёров, позволяющих опознать ироническую интенцию автора, так и сохранение хотя бы минимальной возможности прямой интерпретации сообщаемого. Например, Е. Г. Борисова и

Ю. К. Пирогова отмечают, что ирония используется в ситуациях, когда прямое высказывание может угрожать судебным преследованием, тогда как ироническое предметом судебного разбирательства быть не может именно потому, что ирония не может быть доказана, только почувствована говорящим [2, с. 158].

4. Ирония является одним из наиболее мощных вербальных конфликтогенов, особенно в случае, когда реципиент опознаёт себя объектом иронии. В то же время рядом носителей языка ирония воспринимается и как один из наиболее действенных способов смягчения критики и подачи советов. Конфликтный потенциал иронии очень высок во всех видах коммуникативного взаимодействия, включая художественный текст.

5. Большинство носителей русского языка декларируют положительное отношение к иронии, однако опознаёт, понимает и принимает иронию, особенно в свой адрес, гораздо меньшее количество людей. В бытовой коммуникации ирония воспринимается многими носителями языка как агрессивный и грубый вариант коммуникативного поведения, особенно в адрес незнакомого человека, и часто сам факт использования иронии выступает мощным конфликтогеном, провоцирующим переход коммуникации в конфликтную фазу, даже если говорящий прав, в том числе и по мнению самого адресата.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баев Е. В. Коммуникативная роль языковой игры в вежливой коммуникации (на русском языковом материале) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2021. № 2. С. 186–192.
2. Борисова Е. Г., Пирогова Ю. К. Моделирование нетривиальных условий понимания сообщения (на примере иронии) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013. С. 148–162.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2018. 352 с.
4. Горностаева А. А. Ирония как культурный и языковой феномен // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. № 4. С. 990–1002.
5. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 375 с.
6. Заврумов З. А. Ирония в художественном тексте: лингвостилистика или лингвориторика? // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. № 8. С. 219–226.

7. Заврумов З. А. Прагматическая структура иронии в аспекте языковой игры: интенциональность и оценочность // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 2 (177). С. 63–68.
8. Захарова М. В. Отношение к иронии как один из аспектов описания языковой личности // Филологические чтения. Человек. Текст. Дискурс. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 127–132.
9. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 172–214.
10. Коновалова Ю. О. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2008. 196 с.
11. Лингвистика креатива-5: коллективная монография / под общ. ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. 392 с.
12. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / пер. В. З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
13. Тимофеева Н. Ю. Прагматический аспект понятия «языковая игра» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 5–9.
14. Шилихина К. М. Ирония как эффект языковой игры // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 8. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010. С. 37–45.

REFERENCES

1. Baev E. V. [The Communicative Role of a Language Game in Polite Communication (On the Russian Language Material)]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2021, no. 2, pp. 186–192.
2. Borisova E. G., Pirogova Yu. K. [Modeling of Non-Trivial Conditions for Understanding a Message (On the Example of Irony)]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Vyp. 12 (19). T. 1* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies. Iss. 12 (19). Vol. 1]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2013, pp. 148–162.
3. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophische Untersuchungen]. Moscow, AST Publ., 2018. 352 p.
4. Gornostaeva A. A. [Irony as a Cultural and Linguistic Phenomenon]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics], 2019, no. 4, pp. 990–1002.
5. Dement'ev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect Communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 375 p.
6. Zavrumov Z. A. [Irony in a Literary Text: Linguo-stylistics or Linguo-Rhetoric?]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University], 2014, no. 8, pp. 219–226.
7. Zavrumov Z. A. [The Pragmatic Structure of Irony in the Aspect of the Language Game: Intentionality and Evaluation]. In: *Vestnik Aдыгейского gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adyge State University. Series 2: Philology and Art Criticism], 2016, no. 2 (177), pp. 63–68.
8. Zaharova M. V. [Attitude to Irony as One of the Aspects of the Description of a Linguistic Personality]. In: *Filologicheskie chteniya. Chelovek. Tekst. Diskurs* [Philological Readings. Human. Text. Discourse]. Yaroslavl, Filigran Publ., 2022, pp. 127–132.
9. Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Rozanova N. N. [Language Game]. In: *Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian Colloquial Speech: Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 172–214.
10. Konovalova Yu. O. *Yazykovaya igra v sovremennoi russkoi razgovornoj rechi* [Language Game in Modern Russian Colloquial Speech]. Vladivostok, Vladivostok State University of Economics and Service Publ., 2008. 196 p.
11. Gridina T. A., ed. *Lingvistika kreativna-5* [Linguistics of Creativity-5]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2020. 392 p.
12. Searle J. R. A Classification of Illocutionary Acts (Rus. ed.: Dem'yankov V. Z., transl. *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov*). In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17* [New in Foreign Linguistics. Iss. 17]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 170–194.

13. Timofeeva N. Yu. [Pragmatic Aspect of the Concept of "Language Game"]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2019, no. 2, pp. 5–9.
14. Shilihina K. M. [Irony as an Effect of a Language Game]. In: *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda. Vyp. 8* [Language, Communication and Social Environment. Iss. 8]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2010, pp. 37–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Захарова Мария Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Московского городского педагогического университета;

e-mail: mary-zaharova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria V. Zakharova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Russian Language, Moscow City University;

e-mail: mary-zaharova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Захарова М. В. Языковая игра и ирония в коммуникативном взаимодействии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 44–54.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-44-54

FOR CITATION

Zakharova M. V. Language Game and Irony in Communication Interaction. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 44–54.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-44-54

УДК 811

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-55-64

КАТЕГОРИЯ ВСЕОХВАТНОСТИ И ЕЁ ЭКСПРЕССИВНОЕ ПОЛЕ

Канафьева А. В.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить комплекс языковых средств понятийной категории всеохватности: субъектно-объектных, временных и пространственных фрагментов действительности. Представить функционирование дейктических знаков всеохватности в структуре предложения, определив особенности их синтагматики, позволяющей выявить оттенки обобщённого смысла.

Процедура и методы. Исследование проведено на основе выборки из художественных текстов предложений с основными языковыми знаками всеохватности – местоимениями *весь, всегда, везде, всюду*; проведён структурно-семантический анализ собранного материала, позволивший определить радиусы всеохватности, её экспрессивное поле.

Результаты. Установлено, что категория всеохватности, имеющая древнейшие эталонные кванторно-местоимённые знаки *весь, всегда, везде, всюду*, проясняет частные значения благодаря синтаксическим связям этих знаков в структуре предложения. Эти значения отличает субъективно-экспрессивный характер.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложенный в работе подход к раскрытию категории всеохватности может быть использован при анализе других понятийных языковых категорий.

Ключевые слова: временная всеохватность, категория всеохватности, кванторные местоимённые слова, пространственная всеохватность, синтагматика, субъективность, экспрессивность

THE CATEGORY OF ALL-INCLUSIVENESS AND ITS EXPRESSIVE FIELD

A. Kanafeva*State University of Education**ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. We study a complex of linguistic means of the conceptual category of the inclusiveness of subject-object, temporal and spatial fragments of reality, and present the functioning of deictic signs of inclusiveness in the structure of a sentence, defining the features of their syntagmatics, which allows one to reveal shades of a generalized meaning.

Methodology. The study is realized on the basis of a sample of sentences from literary texts with the main linguistic signs of inclusiveness, i.e., pronouns *весь, всегда, везде, всюду* (*all, always, everywhere*). Use is made of a structural-semantic analysis of the collected material, which makes it possible to determine the radii of inclusiveness and its expressive field.

Results. It is found that the category of inclusiveness, which has the most ancient standard quantifier-pronominal signs (*all, always, everywhere*), clarifies particular meanings due to the syntactic links of these signs in the sentence structure. These meanings are characterized by a subjective-expressive character.

Research implications. The proposed approach to the study of the category of inclusiveness can be used in the analysis of other conceptual linguistic categories.

Keywords: temporal inclusiveness, category of inclusiveness, quantifier pronominal words, spatial inclusiveness, syntagmatics, subjectivity, expressiveness

Светлой памяти Павла Александровича Леканта посвящается...

Павлом Александровичем был собран языковой материал, придумано название. Осуществлению задуманного помешали трагические события весны 2019 года...

Автор, взяв на себя ответственность осмысления и интерпретации собранного материала, в полной мере осознаёт, что Павлом Александровичем это было бы сделано – и объективно, и субъективно – на более высоком уровне. Однако оставить этот материал в ящике письменного стола считаем непозволительным: это долг перед памятью о большом Учёном и очень дорогом, родном Человеке.

Это – заключительный аккорд...

Введение

Категория всеохватности является важнейшей универсальной понятийной категорией, отражающей все сферы человеческой жизни. Всеохватность распространяется на разные фрагменты действительности: субъектно-объектные, событийные, временные, пространственные. «Понятийными категориями передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нём самом, в его лексике и грамматическом строе» [5, с. 237–238].

Основными языковыми знаками категории всеохватности являются кванторные местоимённые слова: *весь*, *всегда*, *везде*, *всюду* и их производные. «Класс местоимений образует основу смыслового строя языка» [14, с. 542]. Источником этого «генеалогического древа всеохватности» является древнейшее *весь*; *всегда*, *везде*, *всюду* – его суффиксальные производные¹. Все эти местоимения относят к разряду «совокупных» [10, с. 165].

Кванторное местоимение *весь* в экспрессивном поле всеохватности

«Прародителем» группы является местоимение *весь*, которому присуще прежде всего признаковое значение и соответственно морфологические свойства определительного местоимения, что подтверждается и словарями: «целый, полный, без изъятия»². А. А. Шахматов отмечает, что «местоиме-

ние *весь* употребляется атрибутивно (сохранено написание источника. – А. К.) при названии неодушевлённых предметов, а также при определении множества, совокупности, как неодушевлённых, так и одушевлённых предметов» [13, с. 298].

Атрибутивное значение с количественным оттенком местоимение *весь* реализует при сочетании с именами существительными разных лексико-грамматических разрядов, находясь обычно в препозиции к ним: *Сейчас отдать я рада **Всю** эту **ветюшь маскарада, Весь** этот **блеск, и шум, и чад** За полку книг, за дикий сад, за наше бедное жилище...³; **Вся** комната янтарным блеском Озарена. **Весёлым треском Тресчит затопленная печь**⁴.*

Наиболее отчётливо синкретизм атрибутивного и количественного компонентов значения проявляется у квантора *весь*, когда оно имеет в предложении двустороннюю зависимость – и от определяемого существительного, и от глагола: *Река шумит, **вся в искрах света, жасмином пахнет жаркий лес***⁵; *Шуршит глухая степь сухим быльём и рожью, **Вся** млеет травами, **вся** дышит мглой*⁶; *В розовато-коричневом дыме Не покрытых листьями ветвей, **Весь***

³ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Глава Восьмая // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4: Евгений Онегин. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 176.

⁴ Пушкин А. С. Зимнее утро // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2: Стихотворения 1823–1836. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 257.

⁵ Бунин И. А. Жасмин // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/26948/zhasmin> (дата обращения: 07.03.2023).

⁶ Волошин М. А. Гроза // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/33538/groza> (дата обращения: 07.03.2023).

¹ См.: Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 400 с.

² *Весь* // Толковый Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/весь> (дата обращения: 07.03.2023).

*пронизан лучами косыми, Бьёт крылом и поёт соловей*¹. В. В. Виноградов пишет об этом грамматическом явлении следующее: «Некоторая обособленность отдельных местоимённых форм сказывается и в своеобразии их синтаксического употребления» [3, с. 202]. Местоимение *весь* «тяготеет и к субъекту действия, и к самому действию, имея усилительно-обобщительный смысл. На этой почве в формах *весь, вся, всё* развиваются значения согласуемого наречия и категории состояния» [3, с. 202]. *Сейчас пройдёт дождь, и всё в природе освежится и вздохнёт*² – двусторонняя связь местоимения *всё*: с локативной синтаксемой *в природе* и глагольными предикатами *освежится и вздохнёт*. В синтагме *всё в природе* отмечается синкретизм субъектного и атрибутивного значения полноты охвата зоны неопределённых объектов, составляющих понятие «природа». *Осень в этом году стояла – вся напролёт – сухая и тёплая*³ – в синтагме *вся напролёт* наблюдается синкретизм атрибутивного и темпорально-обобщённого значения: *вся осень*.

Радиус всеохватности, её частные значения определяются синтагматикой местоимения *весь* с определёнными семантическими классами слов-партнёров. Как отмечает М. В. Панов, «в местоимениях лексическое значение переимчиво, принимает смысл, приготовленный ему позицией» [8, с. 250]. К примеру, гиперболизированный характер категория всеохватности имеет в атрибутивных словосочетаниях *весь* + отвлечённое имя существительное с пространственной семантикой: *весь мир, вся планета, вся земля* и др.: *И дик и чуден был вокруг **Весь** божий мир*⁴; *И вся планета распахнулась*

*для меня*⁵; *Едва туман белеет над долиной. **Весь мир** уснул. И далеко до дня*⁶.

Разнообразные смысловые оттенки формируются в прономинальных комплексах, включающих *весь* и местоимения других разрядов. Отметим некоторые из них: *все мы* – значение субъектной всеобщности (с включением я): ***Все мы, все мы** в этом мире тленны, Тихо льётся с клёнов листьев медь...*⁷; *все вы, все они* – значение субъектной всеобщности (с исключением, противопоставлением я): *Ты, ты и люди, которые окружали тебя, **все вы** не знаете, как ты была прекрасна*⁸; *Не **все они** речисты и памятливы, не все умели и хотели рассказывать, но девичьему бунту молча сочувствовали*⁹; *ты вся (вся ты)* – значение полноты проявления признака: ***Ты вся** – воплощённый испуг, **Ты вся** – вековая истома*¹⁰; *Зацелована, околдована, С ветром в поле когда-то обвенчана, **Вся ты** словно в оковы закована, Драгоценная ты моя женщина*¹¹; ограничительно-выделительное значение в сочетании с указательными местоимениями: ***Всё это** видел я когда-то, **И этот взор, и эту дрожь...** Но всё земное вечно свято, **И в жизни каждый миг хорош***¹² В приведённых текстах про-

¹ Заболоцкий Н. А. Поздняя весна // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/39067/pozdnyaya-vesna> (дата обращения: 07.03.2023).

² Чехов А. П. Дядя Ваня // WorldArt: [сайт]. URL: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=2675&public_page=4 (дата обращения: 07.03.2023).

³ Паустовский К. Г. Наедине с осенью // Константин Паустовский: [сайт]. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/rasskaz/naedine-s-osenyu.htm> (дата обращения: 07.03.2023).

⁴ Лермонтов М. Ю. Демон: Восточная повесть // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 4: Поэмы, 1835–1841. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 185.

⁵ Рождественский Р. И. Любовь настала // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/42530/lyubov-nastala> (дата обращения: 07.03.2023).

⁶ Маршак С. Я. Я вышел в ночь... // Маршак С. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1970. С. 265.

⁷ Есенин С. А. Не жалею, не зову, не плачу... // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/44266/ne-zhaleyu-ne-zovu-ne-plachu> (дата обращения: 07.03.2023).

⁸ Куприн А. И. Гранатовый браслет // Пибриу: [сайт]. URL: <https://ilibrary.ru/text/1022/p.13/index.html> (дата обращения: 21.03.2023).

⁹ Астафьев В. П. Обертон // Royallib: [сайт]. URL: https://royallib.com/read/astafev_viktor/oberton.html#40960 (дата обращения: 21.03.2023).

¹⁰ Некрасов Н. А. Мороз, Красный нос // WorldArt: [сайт]. URL: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=2229&public_page=2 (дата обращения: 07.03.2023).

¹¹ Заболоцкий Н. А. Признание // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/39055/priznanie> (дата обращения: 07.03.2023).

¹² Брюсов В. Я. На заре // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/15887/na-zare> (дата обращения: 07.03.2023).

номинальные комплексы выявляют субъектную сферу категории всеохватности в совокупности разнообразных смысловых оттенков.

Грамматическая форма среднего рода *всё* функционирует как субстантиват с субъектным или объектным значением: *Как в тумане всё поблекло, На минувших годах тень...¹; Всё покрыто было снегом²; Татьяна взором умиленным Вокруг себя на всё глядит, И всё ей кажется бесценным, Всё душу томную живит...³; И не всё свершил я до конца, чтоб имел я право умереть⁴; И всегда-то мне дня было мало, Даже в самые долгие дни, Для всего, что меня занимало⁵*. *Всё* в приведённых текстах представляет разную сферу всеохватности, определяемую позицией субъекта: его присутствием, восприятием события (перцепцией) или его отстранённостью (размышлением о событии).

Всё в значении частицы в сочетании с указательными местоимениями и частицей *же* выражает значение неизменности, постоянства: *Вдали – поля, поля России, Усталый труд, глухая лень, Всё те же нивы вековые Всё тех же скудных деревень⁶; А вокруг – всё тот же блеск природы, Всё тот же мерный бег минут⁷*.

¹ Брюсов В. Я. Голос прошлого // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/16304/golos-proshlogo> (дата обращения: 07.03.2023).

² Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Романы, повести. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 295.

³ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Глава Седьмая // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4: Евгений Онегин. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 138.

⁴ Щипачёв С. П. Что мне годы!.. // Лирика 50-х годов / сост. В. Я. Вакуленко. Фрунзе: Кыргызстан, 1976. С. 662.

⁵ Маршак С. Я. Неужели я тот самый... // Маршак С. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1970. С. 93.

⁶ Брюсов В. Я. Петербург // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/17018/peterburg-zdes-snov-ne-vayal-sansovino> (дата обращения: 09.03.2023).

⁷ Брюсов В. Я. В том же парке // Культура.рф: [сайт]. <https://www.culture.ru/poems/16728/v-tom-zhe-parke-i-v-tom-zhe-davnem-starom> (дата обращения: 09.03.2023).

Временная всеохватность

Смысловые категории времени и места обобщённо, всеохватно, вбирая частные смысловые значения, представлены в языке местоимёнными наречиями *всегда* и *везде*, своеобразными генерализаторами смысла. Н. Ю. Шведова отмечает эти категории как самые активные, «реализующие сообщение: *кто* как субъект существующий и воспринимающий всё, что его окружает, вписывает самого себя в то, что им воспринимается и познаётся, прежде всего по координатам “где” и “когда”» [14, с. 519].

Знаком временной обобщённости является *всегда* и его дериват *навсегда*, которые обозначают, что «время полностью заполнено действием» [8, с. 248]: *Знакомство всегда происходит по раз навсегда установленному обычаю⁸; А камень стал великою вершиной. Он овладел вселенной. Навсегда⁹; Я пытался следовать этим советам, но всегда или горелых ив оказывалось несколько, или не было никакого приметного холмища¹⁰*. «Смысл “всегда” внутренне расчленён на “постоянно”, “начиная от... и до конца” и “отныне и навсегда”» [14, с. 514]. Однако и временная всеохватность подвергается в отдельных случаях сужению, конкретизации, что выражается определительными наречиями меры и степени и частицами: *Почти всегда на этих столбах греются бабочки, сложив крылья, и озабоченно бегают муравьи¹¹*. Ср. также: *ехать почти весь день, ехать целый день, ехать чуть ли не весь день*.

Временное значение заполненности действием «от» и «до» имеют синтагмы, пред-

⁸ Паустовский К. Г. Мещёрская сторона // Константин Паустовский: [сайт]. URL: http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/mescherskaya-storona/storona_2.htm (дата обращения: 09.03.2023).

⁹ Бунин И. А. Сон // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/27127/son> (дата обращения: 09.03.2023).

¹⁰ Паустовский К. Г. Мещёрская сторона // Константин Паустовский: [сайт]. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/mescherskaya-storona/storona.htm> (дата обращения: 09.03.2023).

¹¹ Паустовский К. Г. Золотая роза. Словари // Константин Паустовский: [сайт]. http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/zolotaya-roza/roza_14.htm (дата обращения: 09.03.2023).

ставляющие собой сочетание *весь* с именами времени: *всё утро, весь день, весь вечер, вся неделя, вся жизнь* и др.: *Казалось, что **весь день** стоял над Москвой закат – так пасмурно и косо были освещены её розовые и низкие дома¹; Гора, **весь день** глядевшая с востока, Свой алый пик высоко унесла²; **Весь год** прошёл как сон кровавый. Как глухо дышащий кошмар³; **Всё прошлое** – мне только снилось, Разгадка жизни – впереди!⁴; Есть радиусы действия единственного слова. А я **всю жизнь** ищу его. И, может быть, найду⁵; **Всё** вспомнила, **по всей жизни** прошла⁶. Значение временного постоянства имеет сочетание *всё время* с одновидовыми глаголами несовершенного вида, обозначающими длящееся, не имеющее завершённости действие: *Насыщаясь, я **всё время** чувствовал потребность двигаться и делать что-то тяжёлое⁷*. Темпоральные синтагмы *весь день, весь год, вся жизнь, всё прошлое* и под. имеют ярко выраженный эмоционально-экспрессивный характер преувеличения временных пределов. П. А. Лекант допускает, что «в таких сочетаниях намечается аналитизм не столько формы, сколько содержания – значение (или оттенок полноты), предельности по*

отношению к смыслу длительности, который заключён в именах времени» [4, с. 31].

Не остаётся в стороне от выражения временной обобщённости [12], а точнее, продолжительности действия, и частица *всё*, производная от кванторного партнёра *всё*. Как и другие частицы, она имеет «скрытую семантику генерализации», представляющую собой обобщение человеческого опыта и осознаваемую социумом [6, с. 198]: *За тучу входит месяц полный, Холодным ветром дышат волны, И **всё растёт** их шумный плеск⁸; Она пила воду и **всё смеялась**, и снег с сосен **всё летел**, а внизу почему-то на виду, быстро, выростала трава, и розовый иван-чай касался плеч, а Иван Африканович зачерпнул фуражкой ещё воды и опять поднёс к губам Катерины, и она опять пила, смеялась и грозила ему указательным пальцем⁹; Говор негромкого грома Глухо рокочет вдали... **Всё** ещё веет истома От неостывшей земли¹⁰; Иван Африканович **всё ещё** не чувствовал голода¹¹. Сочетание частицы *всё* с глаголами придаёт предикату значение длительности, временной протяжённости. «В такого рода контекстах МВ (местоимения и местоимённые наречия всеобщности. – А. К.) *всё* маркирует непрерывность, продолженность или повторяемость действия на протяжении наблюдаемого (часто неопределённого) периода времени» [1, с. 825]. Отмеченные значения обнаруживаются при сочетании частицы *всё* с глаголами несовершенного вида, обозначающими длящееся, не имеющее временного предела действие, иногда с оттенком интенсивности.*

¹ Паустовский К. Г. Блстающие облака // Константин Паустовский: [сайт]. URL: http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/oblaka/oblaka_15.htm (дата обращения: 09.03.2023).

² Бунин И. А. Горный лес // Русская поэзия: [сайт]. URL: <http://russian-poetry.ru/Poem.php?PoeMId=11553> (дата обращения: 09.03.2023).

³ Брюсов В. Я. На новый 1905 год // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/15880/napovuyi-1905-god> (дата обращения: 09.03.2023).

⁴ Брюсов В. Я. Идут года. Но с прежней страстью... // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/16832/idut-goda-no-s-prezhnei-strastyu> (дата обращения: 09.03.2023).

⁵ Рождественский Р. И. Радиус действия // Роберт Рождественский: [сайт]. URL: <http://www.rogdestvenskij.ru/138.html> (дата обращения: 09.03.2023).

⁶ Абрамов Ф. А. Надежда // Библиотека фантастики: rulibs.com: [сайт]. URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_su_classics/abramov/6/j4.html (дата обращения: 09.03.2023).

⁷ Белов В. И. Плотнички рассказы // Вологодская областная универсальная научная библиотека: [сайт]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/005/058/002.htm> (дата обращения: 09.03.2023).

⁸ Бунин И. А. Перед бурей // Викитека: [сайт]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Перед_бурей_\(Бунин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Перед_бурей_(Бунин)) (дата обращения: 09.03.2023).

⁹ Белов В. И. Привычное дело // Вологодская областная универсальная научная библиотека: [сайт]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/005/058/001.htm> (дата обращения: 09.03.2023).

¹⁰ Брюсов В. Я. Летняя гроза // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://culture.ru/poems/15223/letnyaya-groza> (дата обращения: 09.03.2023).

¹¹ Белов В. И. Привычное дело // Вологодская областная универсальная научная библиотека: [сайт]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/005/058/001.htm> (дата обращения: 09.03.2023).

Пространственная всеохватность

Языковыми знаками пространственной всеохватности являются кванторные местоимённые наречия: *везде, всюду, повсюду*.

Конкретизация пространственной сферы определяется зрительным восприятием субъектом окружающей его реальной картины действительности: *Луна стала ещё круглее и ярче, звёзды же чуть посинели, и всюду мерцали снежные полотнища¹; Заря и вправду была тихая. Стоило замолчать тёплому Надёжкиному голосу, а Мишке погасить гармонь, как всё на свете топила в себе тишина, лишь комары еле-еле звенели в сумерках²; Повсюду стали слышны речи: «Пора добратся до картечи!»³*

Пространственная всеохватность стремится к конкретизации, детализации, выделению смысловых акцентов. Эту функцию выполняют ряды однородных членов при обобщающих словах *везде, всюду, повсюду* и др.: *Везде – над лесом и над пашней, И на земле, и на воде* Такою близкой и вчерашней Ты мне являешься – *везде⁴*; *Листья мы находили в карманах своих дождевых плащей, в кепках, в волосах – всюду⁵*; *Пойду в поля, пойду в леса И буду там везде один я, и будут только небеса Друзьями счастья и унынья⁶*. Многочленные ряды однородных членов расширяют семанти-

ческую структуру локативов *везде, всюду*, детализируя пространственную зону проявления предикативного признака.

Аналогичные значения определения сферы пространственной всеохватности имеет придаточная часть сложноподчинённого предложения местоимённо-соотносительного типа с коррелятом *везде – где*: *Мой дом везде, где есть небесный свод, Где только слышны звуки песен⁷*; в сложноподчинённом предложении с уступительно-противительными отношениями: *Куда ни ступи, везде неладно. Всё ползёт, за что ни возьмись⁸*.

Фразеологические единицы выражения категории всеохватности

Категорию всеохватности во всех её частных смыслах представляет и фразеологический уровень языка:

а) всеохватность объекта: *Приемлю всё, как есть всё принимаю. Готов идти по выбитым следам, Отдам всю душу октябрю и маю, Но только лиры милой не отдам⁹*;

б) всеохватность пространства: *Лишь сумерки ползли со всех сторон¹⁰*, *Они глясят во все концы¹¹*;

в) всеохватность как высшая степень интенсивности действия или признака: *во весь голос, во всю прыть, изо всех сил, во весь дух, во всю Ивановскую, во весь рост* и др.: *Вдруг – я во всю светаяю ночь – и снова день трезвонится¹²*; *Рубль! Когда же встанешь во весь свой рост, ты, отдающий жизнь свою им!¹³*;

¹ Белов В. И. Плотничьи рассказы // Вологодская областная универсальная научная библиотека: [сайт]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/005/058/002.htm> (дата обращения: 09.03.2023).

² Белов В. И. Привычное дело // Вологодская областная универсальная научная библиотека: [сайт]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/005/058/001.htm> (дата обращения: 09.03.2023).

³ Лермонтов М. Ю. Бородино // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2: Стихотворения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 81.

⁴ Блок А. А. Везде – над лесом и над пашней... // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/2686/vezde-nad-lesom-i-nad-pashnei> (дата обращения: 09.03.2023).

⁵ Паустовский К. Г. Жёлтый свет // Константин Паустовский: [сайт]. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/rasskaz/zheltyj-svet.htm> (дата обращения: 09.03.2023).

⁶ Брюсов В. Я. Мечтание // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/15940/mechtanie> (дата обращения: 09.03.2023).

⁷ Лермонтов М. Ю. Мой дом // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/36824/moi-dom> (дата обращения: 09.03.2023).

⁸ Белов В. И. Коч // CoolLib: [сайт]. URL: <https://coollib.com/b/239977-vasiliy-ivanovich-belov-dusha-bessmertna/read> (дата обращения: 09.03.2023).

⁹ Есенин С. А. Русь советская // Слова: [сайт]. URL: <https://slova.org.ru/esenin/russovetskaia> (дата обращения: 09.03.2023).

¹⁰ Бродский И. А. Я пепел посетил. Ну да, чужой... // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/31017/ya-pepel-posetil> (дата обращения: 29.03.2023).

¹¹ Тютчев Ф. И. Весенние воды // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/45540/vesennie-vody> (дата обращения: 29.03.2023).

¹² Маяковский В. В. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1983. С. 130.

¹³ Там же. С. 103.

г) всеохватность как исчерпанность: *Всего-всего, до последнего вздоха отдал себя болоту Сила Иванович, его на болоте мёртвым и нашли¹; На тебя вся надежда².*

Аналитические сочетания *вот и весь* (*всё, вся, все*) с именами существительными имеют значение исчерпанности, завершенности, ограниченности: *Вот, собственно, и весь рассказ. В нём нет ничего учительного³; Писарь, да урядник, да этот Кирило Кузмич – вот и всё начальство⁴.*

Эти заставшие дейктические речевые формулы хранят в себе ментальные представления о необъятном существе, о времени и о пространстве как о важнейших составляющих человеческой жизни.

Экспрессивно-поэтическое поле всеохватности

Обширное экспрессивное поле образуют языковые средства категории всеохватности в поэтическом языке, наделённом особой образностью и метафоричностью. Поэтический текст есть субъективно-эмоциональное восприятие человеком мыслящим и чувствующим всего, чем он окружён в реальной жизни, оценка собственного и общечеловеческого опыта, иногда – длиною в жизнь: *И вот, что грезилось, всё было. Я видел всё, всего достиг. И сердце жгучих ласк вкусило, И ум речей, мудрее книг⁵; «Проходит всё, и чувствам нет возврата», Мы согласились мирно и спо-*

койно, – С таким суждением всё выходит стройно, И не страшна любовная утрата. Амур-охотник всё стоит на страже, Возвратный тиф опаснее и злее. Проходит всё, моя любовь – не та же, Моя любовь теперь ещё сильнее⁶; Я б разбивал стихи как сад. Всей дрожью жилоч Цвели бы липы в них подряд, Гуськом, в затылок⁷; Вся наша белая дорога У них, мальчиночков, в горсти, Девчонке самой легконогой Всё ж дальше сердца не уйти⁸.

«Поэтическая речь имеет право на своеволие, на свободное следование – неследование нормам обычной речи» [8, с. 208].

Поэтическое осмысление земного пространства и времени рождает самые неожиданные поэтические формы с окказиональной субстантивацией наречий и даже глагольных форм: *За датую – дата. Простой человеческий путь...Всё больше «когда-то». Всё меньше «когда-нибудь». Погода внезапна, но к людям, как прежде, добра. Всё крохотней завтра. И всё необъятней вчера. Остаток терпенья колотится в левом боку... Всё реже: «успею». И всё невозможней: «смогу»⁹.*

Радиус, зона временной всеохватности определяется субъективным восприятием творца поэтического высказывания: «темпоральность возникает в акте высказывания и через высказывание. Высказыванию обязана своим появлением категория настоящего, а из категории настоящего рождается категория времени. ... непрерывность и темпоральность рождаются в непрерывно длящемся настоящем акта высказывания – настоящем самого бытия, и разграничиваются посредством вну-

¹ Абрамов Ф. А. Сказание о великом коммунаре // Библиотека фантастики: rulibs.com: [сайт]. URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_su_classics/abramov/6/j13.html (дата обращения: 09.03.2023).

² Чехов А. П. Оратор // Википедия: [сайт]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Оратор_\(Чехов\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Оратор_(Чехов)) (дата обращения: 09.03.2023).

³ Паустовский К. Г. Песчинка // Константин Паустовский: [сайт]. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/rasskaz/peschinka.htm> (дата обращения: 09.03.2023).

⁴ Белов В. И. Плотницкие рассказы // Вологодская областная универсальная научная библиотека: [сайт]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/005/058/002.htm> (дата обращения: 09.03.2023).

⁵ Брюсов В. Я. Блудный сын // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/16522/bludnyy-syn> (дата обращения: 09.03.2023).

⁶ Кузьмин М. А. Весенний возврат // 45 параллель: [сайт]. URL: https://45parallel.net/mikhail_kuzmin/vesenniy_vozvrat.html (дата обращения: 09.03.2023).

⁷ Пастернак Б. Л. Во всём мне хочется дойти... // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/14017/vo-vsem-mne-khochetsya-doiti> (дата обращения: 09.03.2023).

⁸ Цветаева М. И. Заря пылала, догорая... // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/35664/zarya-pylala-dogoraya> (дата обращения: 09.03.2023).

⁹ Рождественский Р. И. За датую – дата // Аскбука литературы: [сайт]. URL: <https://www.askbooka.ru/stihi/robert-rozhdestvenskiy/za-datoyu-data.html> (дата обращения: 09.03.2023).

тренней референции на то, что вот-вот станет настоящим, и то, что только перестало им быть» [2, с. 315]. Как замечает Т. Е. Шаповалова, характеризуя временные значения в поэтическом высказывании, «субъективное и объективное начала в словах со значением времени переплетаются, перетекают друг в друга» [11, с. 142].

Высшая степень обобщения субъектно-объектных и пространственно-временных координат нередко вызвана особым эмоциональным состоянием воспринимающего окружающую действительность субъекта: «Обобщение, которое делают люди в повседневной жизни и в ходе коммуникации, не следует правилам логического вывода и редко претендует на истинность. Оно подчинено эмоциям» [1, с. 824]: *А впрочем – что ж, коли не лень! Но всех перелюбя, Быть может, я в тот чёрный день Очнусь – белей тебя!*¹; *Мне всегда открывается та же Залитая чернилом страница. Все живые так стали далёки, Всё небытие стало так явно*²; *О счастье мы всегда лишь вспоминаем, А счастье всюду. Может быть, оно Вот этот сад осенний за сараем И чистый воздух, льющийся в окно*³; *Всегда безмолвно на долины Глядел с утёса мрачный дом*⁴; *Мы измеряем дорогу мерой своих аршиннов. Ибо уже установлено кем-то давным-давно: весь человеческий опыт – есть повторенье ошибок*⁵. Выделенные в приведённых текстах языковые знаки всеохватности имеют образно-метафорический характер, являются результатом

поэтического осмысления окружающей действительности.

Субъективное осмысление значения всеохватности приводит к самым неожиданным словесным сплетениям, подчас далёким от объективного: «референтная ситуация безгранична, объективно неисчерпаема. Её познание может продолжаться бесконечно, обнаруживая всё новые и новые аспекты и уровни. Речевое же её отображение всегда осуществляется выборочно и произвольно, в соответствии с мыслительным опытом данного народа строгими рамками языковых установлений» [7, с. 135–136].

Заключение

Проведённый анализ языкового материала показал, что понятийная категория всеохватности имеет свой круг языковых ресурсов с выделением ядерных, знаковых, образующих ядро: *весь, всегда, всюду* – и производных от них *навсегда, повсюду*. Их обобщённый смысл детализируется в высказывании синтагматически, благодаря словам-партнёрам, проясняющим зону всеохватности различных фрагментов окружающей действительности – субъектных, объектных, временных, пространственных. Поле всеохватности отличается эмоционально-субъективным характером, наделено экспрессивными качествами, что особенно проявляется в поэтической речи. Категория всеохватности и языковые средства её выражения подтверждают положение о неразрывном слиянии в языке объективных и субъективных, рациональных и эмоциональных факторов, что глубоко и последовательно развивал в своих научных исследованиях П. А. Лекант.

Статья поступила в редакцию 22.03.2023.

¹ Цветаева М. И. Суда поспешно не чини... // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/35618/suda-pospeshno-ne-chini> (дата обращения: 09.03.2023).

² Анненский И. Ф. Тоска припоминания // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/29844/toska-pripominaniya> (дата обращения: 09.03.2023).

³ Бунин И. А. Вечер // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/26933/vecher> (дата обращения: 09.03.2023).

⁴ Лермонтов М. Ю. Демон // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/36747/demon> (дата обращения: 09.03.2023).

⁵ Рождественский Р. И. Неправда, что время уходит... // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/42710/nepravda-cto-vremya-ukhodit> (дата обращения: 09.03.2023).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. Ю. Н. Караулова, В. П. Мурат, И. В. Барышевой, И. Н. Мельниковой. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947. 783 с.
4. Лекант П. А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке. М.: Московский государственный областной университет, 2015. 86 с.
5. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978. 386 с.
6. Николаева Т. М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. 680 с.
7. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего: от замысла к высказыванию. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2018. 232 с.
8. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука: Языки русской культуры, 1999. 275 с.
9. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2001. 432 с.
10. Пивоварчик Т. А. Прагматика выбора кванторных местоимений для указания на неопределённо-множественного субъекта авторизации в медиатексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 56–67.
11. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания [Электронный ресурс]. М.: Московский государственный областной университет, 2020. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
12. Шаповалова Т. Е. *Всегда и никогда* в произведениях В. В. Розанова // Шаповалова Т. Е. Этюды о времени. Избранные статьи: сборник научных трудов. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 242–248.
13. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
14. Шведова Н. Ю. Русский язык. Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005. 640 с.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 896 p.
2. Benveniste É. Problems in General Linguistics (Rus. ed.: Karaulov Yu. N., Murat V. P., Barysheva I. V., Mel'nikova I. N., transl. *Obshchaya lingvistika*. Moscow, Progress Publ., 1974. 447 p.).
3. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language. The Grammatical Doctrine of the Word]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1947. 783 p.
4. Lekant P. A. *Analiticheskie formy i analiticheskie konstruktсии v sovremennom russkom yazyke* [Analytic Forms and Analytical Constructions in Modern Russian]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2015. 86 p.
5. Meshchaninov I. I. *Chleny predlozheniya i chasti rechi* [Members of the Sentence and Parts of Speech]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 386 p.
6. Nikolaeva T. M. *Ot zvuka k tekstu* [From Sound to Text]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 680 p.
7. Norman B. Yu. *Grammatika govoryashchego: ot zamysla k vyskazyvaniyu* [Speaker's Grammar: From Conception to Utterance]. Moscow, LENAND Publ., 2018. 232 p.
8. Panov M. V. *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional Morphology of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 275 p.
9. Peshkovsky A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 432 p.
10. Pivovarchik T. A. [A. Pragmatics of the Choice of Quantifier Pronouns to Indicate an Indefinitely Plural Subject of Authorization in a Media Text]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2022, no. 1, pp. 56–67.
11. Shapovalova T. E. *Temporal'naya semantika poeticheskogo vyskazyvaniya* [Temporal Semantics of Poetic Utterance]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2020. 1 CD-ROM.
12. Shapovalova T. E. [Always and Never in the Works of V. V. Rozanov]. In: Shapovalova T. E. *Etyudy o vremeni. Izbrannye stat'i* [Etudes about Time. Selected Papers]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2022, pp. 242–248.

13. Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian Language]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 624 p.
14. Shvedova N. Yu. *Russkii yazyk. Izbrannye raboty* [Russian Language. Selected Works]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005. 640 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Канафьева Аля Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения; Почётный работник высшего профессионального образования;
e-mail: kanafeva.alya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alya V. Kanafyeva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Prof., Department of Modern Russian named after Prof. P. A. Lekant, State University of Education, Honorary Worker of Higher Professional Education;
e-mail: kanafeva.alya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Канафьева А. В. Категория всеохватности и её экспрессивное поле // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 55–64.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-55-64

FOR CITATION

Kanafyeva A. V. The Category of All-Inclusiveness and Its Expressive Field. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 55–64.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-55-64

УДК 81`28

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-65-69

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА С. КУНИЧА (РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА)

Попович Р. И.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана

105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить группу говоров, к которой можно отнести говор села Кунича (Республика Молдова).

Процедура и методы. В исследовании представлен анализ диалектного материала, собранного автором в июле-августе 2021 г. и в августе 2022 г. На основе трудов по фонетике говоров (Р. И. Аванесов, К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова, Н. А. Мещерский, В. В. Колесов, Л. Л. Касаткин) выявлены фонетические особенности говора села Кунича, с помощью сравнительного анализа определена более близкая группа говоров.

Результаты. На основе исследования определена принадлежность изучаемого говора к русским народным говорам, определена конкретная группа говоров, в которую можно включить изучаемый говор села Кунича (южная группа), а также выявлен регион, из которого пришли предки жителей села Кунича на территорию современной Республики Молдова.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют считать исследуемый говор одним из сохранившихся русских говоров южного наречия, а это значит, что его изучение может помочь в определении и понимании многих фактов истории русского языка в целом и исторической диалектной фонетики в частности. Результаты исследования несут вклад в изучение говоров южного наречия в целом и южной группы в частности.

Ключевые слова: группа говоров, диалектизмы, старообрядцы, фонетические особенности, Южное наречие

PHONETIC FEATURES OF THE KUNICHA VILLAGE DIALECT (REPUBLIC OF MOLDOVA)

R. Popovich

State University of Education

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Bauman Moscow State Technical University

ul. Baumanskaya 2, str. 5, Moscow 1105005, Russian Federation

Abstract

Aim. We identify a group of dialects to which the dialect of the village of Kunicha (Republic of Moldova) can be attributed.

Methodology. The paper analyzes the dialect material collected in July and August 2021 and in August 2022. Using works on the phonetics of dialects (R. I. Avanesov, K. F. Zakharova, V. G. Orlova, N. A. Meshchersky, V. V. Kolesov, L. L. Kasatkin), phonetic features of the dialect are identified, and a closer group of dialects is determined using comparative analysis.

Results. The relationship of the dialect to the Russian vernacular dialects is demonstrated. In addition, a specific group of dialects is identified, to which the studied linguistic phenomenon can be attributed, i.e. the Southern group, as well as the region from which the ancestors of the inhabitants of the village of Kunicha came to the territory of the modern Republic of Moldova.

Research implications. This Russian dialect can be considered one of the surviving Russian dialects of the Southern dialect, which means that its study can help determine and understand many facts of the history of the Russian language. The results of the study contribute to the study of the dialects of the Southern dialect in general and the Southern group in particular.

Keywords: group of dialects, dialectisms, Old Believers, phonetic features, Southern dialect

Введение

Диалекты хранят в себе богатый лингвистический материал, необходимый не только «для изучения языка, но и этнокультурной истории» [7, с. 41]. Любой русский говор – это памятник истории народа, который нуждается в бережном отношении и сохранении, это «культурное творение, которое нельзя объяснить, не обращаясь к истории народа, его традициям и религии» [4, с. 6]. Как точно отметила О. Г. Ровнова, с каждым годом растёт интерес к говорам русских старообрядцев, потому что в них в большей степени сохраняются диалектные особенности [8, с. 11]. Говор села Кунича также является одним из замечательных памятников истории русского народа, который требует внимания и изучения.

Русские народные говоры распространены не только в пределах Российской Федерации. Село Кунича Флорештского района, находящееся в Республике Молдова, также хранит живое народное русское слово. В этой местности живут русские старообрядцы. Наблюдения за их речью показывают её сходство с русскими народными говорами. Сегодня старообрядцы проживают в разных частях мира. Село Кунича по праву можно назвать одним из центров старообрядчества, его также называют книжным старообрядческим поселением [3, с. 119]. Местные жители рассказывают, что их предки бежали сюда после раскола русской церкви. Существуют разные точки зрения, когда и откуда пришли старообрядцы на молдавские земли, достоверной же информации, подтверждаемой какими-либо документами, нет.

Целью данной работы являются определение на основе их анализа фонетических особенностей группы говоров, к которой можно отнести говор жителей села Кунича, а вместе с этим и определение региона России, из которого пришли предки жителей села. Для выявления этих особенностей был использован языковой материал, собранный автором в селе Кунича в июле-августе 2021 г. и в августе 2022 г. (анализ аудиозаписей разговоров с местными жителями).

Диалектологи часто отмечают, что именно фонетический строй сохраняет в большей степени черты говора. Изучение фонетики диалектов может помочь решить задачу восстановления их истории [6, с. 24]. Проведённая нами работа по анализу лексики говора показывает его принадлежность к южным говорам.

При выявлении фонетических особенностей говора мы опирались на авторитетные работы, описывающие отличительные черты групп говоров русского языка. В работе «Очерки русской диалектологии» Р. И. Аванесова [2] даны не только группировка наречий и говоров русского языка, но и их лингвистические особенности. Это первый труд в диалектологии, в котором автор, опираясь на собственные многолетние исследования, описывает фонетику говоров, первая попытка сводного изложения фонетического строя всех говоров русского языка. В работе «Диалектное членение русского языка» под ред. К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой¹

¹ Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка: учебное пособие. М.: Просвещение, 1970. 165 с.

даны группировка говоров и их описание. Кроме того, мы опирались на труды по русской диалектологии, в которых уделено внимание фонетике говоров. В первую очередь это работы В. В. Колесова¹ и Л. Л. Касаткина². Эти труды привлекались нами при решении следующих задач:

1) определения основных фонетических особенностей исследуемого говора;

2) выявления сходств и различий с выделяемыми группами говоров на основе сравнительного анализа;

3) определения группы говоров, более близкой по сходству набора фонетических характеристик изучаемому говору.

Черты говора, характерные для большинства говоров южного наречия в области вокализма

На основе наших наблюдений и анализа диалектного материала выяснилось, что все выделяемые нами фонетические характеристики говора встречаются в говорах южного наречия. Более того, мы полагаем, что фонетика говора наиболее близка к говорам южной группы³.

1. Произношение [ы] в следующих позициях:

– после *д* вместо [а] в ударных и безударных слогах: *ды, адыхнуть, туды, аткуды, аттуды*;

– в приставке *при-* в предупредных слогах (как в собственно предупредном, так и в других безударных до ударного слога): *приходите, принесла, прыбег*;

¹ Русская диалектология: учебное пособие / под ред. В. В. Колесова. М.: Высшая школа, 1990. 207 с.; Русская диалектология: учебно-методические планы и материалы / под ред. Н. А. Мещерского. М.: Высшая школа, 1972. 304 с.

² Русская диалектология: учебник / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия, 2005. 288 с.

³ См.: Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1949. 340 с.; Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка: учебное пособие. М.: Просвещение, 1970. 165 с.; Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия, 2005. 288 с.; Русская диалектология / под ред. В. В. Колесова. М.: Высшая школа, 1990. 207 с.; Русская диалектология / под ред. Н. А. Мещерского. М.: Высшая школа, 1972. 304 с.

– в доударной позиции после твёрдых согласных: *дыхадить, пыламать, пыдхадить, пыдгатовица, пыдключи, пыдмастерье*;

– произношение *хыть* на месте *хоть*;

– замена [ы] на [у] в формах прошедшего времени глагола *быть*: *бул, була, було, були*.

2. Утрата [и] в начале слова в некоторых словах: *менины (именины), голка (иголка), граить (играет), сповёдаца (исповедаться)*.

3. Ударение на окончании *у* существительных в В. п.: *ногу, ваду*.

4. Произношение мягкого [р'] перед флексией множественного числа в некоторых словах: *комари, кампьютери*.

5. Произношение протетического [j] в формах местоимения *этот*: *эта, ётот, ети*.

6. Произношение [у] на месте [о]: *сусёди, кумпанья*.

7. Произношение *ны* вместо *ни* в конце слова (в некоторых словах): *аны, адны*.

8. Замена безударного [э] ударным [о] после мягкого согласного в слове *тёпло* (*тепло*).

9. Произношение *отсёда* вместо *отсюда*⁴.

Черты говора, характерные для большинства говоров южного наречия в области консонантизма

1. [у] фрикативный: *уоворю, урат* (град), *уорат* (город), *уотовить, улавный* (но *Бох*).

2. Твёрдое произношение губных согласных в конце слова: *сем, сын, руп*.

3. Диссимиляция *кт*: *хто, трахтор, дохтор, сехта, гихтар*.

4. Утрата переднеязычного зубного согласного [т'] на конце слова: *радость – радось, мудрость – мурдось, старость – старось, мягкость – мягкость, сладость – сладось*.

5. Произношение [к] на месте [ц]: *поясника*⁵.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Особенности говора, характерные для говоров южной группы

1. Диссимилятивное аканье: *чаты́ри, цѣна*.
2. Диссимилятивное яканье: *цвяты́, свякру́ха, ня хо́чем, бяры́те*.

3. Губно-губной характер [в], переход его в неслоговой [у]: *улива́ли, убрасыва́ть, вклю́чить свет, узя́ть, услед, устрѐл (встретил), унутри, мно́го дро́у, кроу, броу, черѣу, избау, стау, пригатоу; у сре́ду, у церкву, лаука, моркоука*.

4. Протетический [в] перед начальным [у]: *вухо, вутка, вуксус, вуборка, вужин, вукол, вужас*.

5. Произношение [во] вместо [jэво] при изменении личных местоимений *мой, твой, свой* в Р. п.: *маво, тваво, сваво*¹.

Результаты исследования

При изучении фонетики говора мы пришли к двум выводам:

1) анализ фонетического строя говора села Кунича является подтверждением того, что это один из говоров южного наречия;

2) фонетика говора показывает, что он более близок к южной группе говоров.

Результаты нашего исследования относят говор к южной группе, которая охватывает говоры Курской и Орловской областей. В книге, посвящённой истории села Кунича, отмечается, что его население формировалось несколькими миграционными потоками. Особенно много переселенцев здесь появилось начиная с 1770 г., это были выходцы из Московской, Рязанской, Тульской, Белгородской, Брянской, Орловской, Курской, Калужской, Черниговской и Воронежской губерний [1, с. 37].

Л. Л. Касаткин делает вывод о сходстве говора с говорами юго-западной диалектной зоны, к которой относятся современные говоры Белгородской, Калужской (кроме её крайней восточной части), юга Псковской, а также юго-запада Тверской, Смоленской, Брянской, Орловской, Курской и западной части Воронежской областей [5, с. 153]. В выводах, сделанных Л. Л. Касаткиным и Н. В. Абакумовой-Забуновой, отмечается Курско-Орловский регион.

Заключение

Изучение фонетического строя говора села Кунича приводит наше исследование к двум важным выводам.

1. По фонетическим особенностям говор можно относить к южной группе говоров южного наречия.

2. Предки современных жителей села пришли на молдавские земли именно из Курско-Орловского региона, эту точку зрения подтверждают и наше исследование, и выводы исследователей Л. Л. Касаткина и Н. В. Абакумовой-Забуновой.

Изучение фонетических особенностей говора села Кунича является одной из важных составляющих нашего исследования, цель которого – определить исходную территорию поселения первых жителей села Кунича. Отнесение говора села Кунича к русским народным говорам позволяет пополнить научные данные ещё одним сохранившимся живым русским говором, изучение которого вносит свой вклад в развитие русской диалектологии в целом.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова-Забунова Н. В. Кунича древлеправославная. Кишинев: Tipografia Centrală, 2020. 592 с.
2. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1949. 340 с.
3. Болученкова А. А. Особенности менталитета современных старообрядцев Республики Молдова // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. 2013. Вып. 10. С. 115–120.

¹ См.: Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1949. 340 с.; Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка: учебное пособие. М.: Просвещение, 1970. 165 с.; Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия, 2005. 288 с.; Русская диалектология / под ред. В. В. Колесова. М.: Высшая школа, 1990. 207 с.; Русская диалектология / под ред. Н. А. Мещерского. М.: Высшая школа, 1972. 304 с.

4. Вендина Т. И. Антропология диалектного слова. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 684 с.
5. Касаткин Л. Л. Русский говор села Кунича Флорештского района Молдавии // Касаткин Л. Л. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2018. С. 153–187.
6. Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Языки русской культуры, 1999. 528 с.
7. Новак И. П. Коллекция тверских карельских диалектных материалов в фонограммархиве ИЯЛИ КАРНЦ РАН // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 1. С. 41–51.
8. Ровнова О. Г. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2022. 608 с.

REFERENCES

1. Abakumova-Zabunova N. V. *Kunicha drevlepravoslavnyaya* [Kunicha of Old Orthodox]. Kishinev, Tipografia Centrală Publ., 2020. 592 p.
2. Avanesov R. I. *Ocherki russkoi dialektologii* [Essays on Russian Dialectology]. Moscow, State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR Publ., 1949. 340 p.
3. Boluchenkova A. A. [Features of the Mentality of Modern Old Believers of the Republic of Moldova]. In: *Lipovane: istoriya i kul'tura russkikh-starobryadtsev* [Lipovane: History and Culture of Russian Old Believers], 2013, no. 10, pp. 115–120.
4. Vendina T. I. *Antropologiya dialektного слова* [Anthropology of the Dialect Word]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020. 684 p.
5. Kasatkin L. L. [Russian Dialect of the Village of Kunicha, Floreshtsky District of Moldova]. In: Kasatkin L. L. *Izbrannye trudy. T. 2* [Selected Works. Vol. 2]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2018, pp. 153–187.
6. Kasatkin L. L. *Sovremennaya russkaya dialektnaya i literaturnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka* [Modern Russian Dialectal and Literary Phonetics as a Source for the History of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1999. 528 p.
7. Novak I. P. [Collection of Tver Karelian Dialect Materials in the Phonogram Archive of the IYALI KARC RAS]. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of the Petrozavodsk State University], 2021, vol. 43, no. 1, pp. 41–51.
8. Rovnova O. G. *Starobryadtsy Yuzhnoi Ameriki: ocherki istorii, kul'tury, yazyka* [Old Believers of South America: Essays on History, Culture, and Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2022. 608 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попович Руфина Ивановна – аспирант кафедры истории русского языка и общего языкознания Государственного университета просвещения, преподаватель кафедры русского языка как иностранного Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана;
e-mail: rufin.popowi4@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rufina I. Popovich – Postgraduate Student, Department of History of the Russian Language and General Linguistics, State University of Education, Teacher of the Department of Russian as a Foreign Language, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: rufin.popowi4@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Попович Р. И. Фонетические особенности говора с. Кунича (Республика Молдова) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 65–69.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-65-69

FOR CITATION

Popovich R. I. Phonetic Features of the Kunicha Village Dialect (Republic of Moldova). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 65–69.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-65-69

УДК 811.33

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-70-81

ФИТОМОРФНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД: СРЕДСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Холомеенко О. М.¹, Туник А. И.²

¹Южный федеральный университет

344006, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42,
Российская Федерация

²Независимый исследователь, Кабардино-Балкарская Республика, г. Прохладный,
Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть языковые способы репрезентации фитоморфного кода в текстах современной художественной литературы.

Процедура и методы. Методом сплошной выборки из текстов современной прозы отобраны примеры фитоморфных метафор. С помощью метода концептуального анализа и метода метафорического моделирования выявлены когнитивные модели, для реализации которых авторы используют когнитивные фитоморфные метафоры. Проанализированы языковые средства, репрезентирующие метафоры.

Результаты. Проведённый анализ показал, что лингвокультурологический подход позволяет выявить особенности определённой культуры в области представления фитоморфного кода, связанные с менталитетом её носителей. Архетипические представления носителей культуры находят отражение в универсальном фитоморфном коде. К типичным языковым средствам представления указанного кода в пространстве художественного текста можно отнести устойчивые выражения и сравнительные конструкции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал по исследованиям фитоморфного культурного кода. В качестве материала исследования были выбраны тексты современных авторов. Материалы исследования могут быть использованы при преподавании курсов по межкультурной коммуникации и лингвокультурологии.

Ключевые слова: когнитивная модель, концептуальная метафора, сравнительная конструкция, устойчивое выражение, фитоморфный культурный код, фитоним

PHYTOMORPHIC CULTURAL CODE: MEANS OF REPRESENTATION IN TEXTS OF MODERN FICTION

O. Kholomeenko¹, A. Tunik²

¹Southern Federal University

ul. Bolshaya Sadovaya 105/42, Rostov-on-Don 344006, Rostov Region, Russian Federation

²An Independent researcher, City of Prokhladnyi, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation

Abstract

Aim. We consider linguistic ways of representing the phytomorphic code in the texts of modern fiction.

Methodology. Use is made of the method of continuous sampling to select examples of phytomorphic metaphors from the texts of modern prose. Using the method of conceptual analysis and the method of metaphorical modeling, cognitive models are identified, for the implementation of which cognitive phytomorphic metaphors are used. Linguistic means representing metaphors are analyzed.

Results. The analysis shows that the linguoculturological approach will reveal the features of a certain culture in the field of representation of the phytomorphic code associated with the mentality of its carriers. Archetypal representations of culture carriers are reflected in the universal phytomorphic code. The typical linguistic means of representing the specified code in the space of a literary text include stable expressions and comparative constructions.

Research implications. Research on the phytomorphic cultural code is summarized. The texts of modern authors are chosen as the research material. The research materials can be used in teaching courses on intercultural communication and linguoculturology.

Keywords: cognitive model, conceptual metaphor, comparative construction, stable expression, phytomorphic cultural code, phytonym

Введение

Коды культуры имеют длительную историю изучения. В данных кодах отражены архетипические представления людей. Анализ языковых средств выражения культурных кодов позволяет увидеть развитие и изменение той или иной культуры, однако в то же время коды способствуют сохранению, поддержанию её устойчивости. Окружающие человека предметы (не только материальные) со временем могут стать элементами культурного кода. Однако не любой предмет может быть воспринят в качестве носителя кода. Это должно быть значимое для большого количества людей явление, вербально реализованное и несущее особый культурный смысл для того или иного народа. Как отмечает В. Э. Манапова, культурный код содержит ключ к пониманию культуры, которая состоит из культурных архетипов в основе этнического самосознания. Другими словами, культурный код – это «коллективное бессознательное» [8, с. 140].

Вопросами рассмотрения культурных кодов занимаются Д. Б. Гудков, В. В. Красных, В. А. Маслова, М. В. Пименова, С. М. Толстая и др. Приведём некоторые определения кода культуры: культурный код – это «ключ к пониманию данного типа культуры»¹; «несущая конструкция, которая позволяет всему “зданию культуры” конкретного этноса сохранять прочность, а её носителям осознавать

свою неразрывность с родной культурой» [1, с. 36]; «сетка», которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членил, категоризует, структурирует и оценивает его» [6, с. 5].

Для исследования культурных кодов необходима классификация данного явления или определение подходов к классификации. Одна из классификаций представляет деление кодов культуры на субстанциональные и концептуальные. Более подробно данные виды кодов рассмотрены в работе С. М. Толстой «К понятию культурных кодов». Субстанциональные коды культуры основаны на материальной сущности единиц, входящих в код. К данному виду кодов С. М. Толстая относит как простые коды (цифровой, цветовой), так и сложные (предметный, зооморфный, соматический) [17]. Субстанциональные культурные коды представляют собой исключительно материальное выражение закодированной информации о культуре. Например, конкретные предметы быта, растения, животные и т. п., т. е. их физическое воплощение. Концептуальные коды, в свою очередь, основаны на смысловых единицах, которые «соотносятся с разными материальными воплощениями этого смысла» [17]. Сущность концептуальных кодов составляет не материальное воплощение входящих в код элементов, а их смысловое воплощение, т. е. определённые концепты, идеи, смыслы, образы, мотивы (временной, пространственный, духовный код и т. п.). Однако, на наш взгляд, данная классификация довольно неоднозначна. Так, во многих культурных кодах пробле-

¹ Культурный код // Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии: [сайт]. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm> (дата обращения: 17.11.2021).

матично разграничить субстанциональную и концептуальную составляющую. Например, сущность соматического кода составляют не только лексемы, обозначающие конкретные части человеческого тела, но и концепты, ментальные образования (стереотипы, изображения, языковое обозначение и др.), которые имеют непосредственную связь с этими соматизмами. По мнению С. М. Толстой, концептуальные коды находят своё выражение в субстанциональных кодах. Так, мы можем говорить о том, что субстанциональные и концептуальные коды в некотором роде соотносятся как план выражения и план содержания соответственно. Однако в таком случае мы не можем аргументированно и логично провести границу между концептуальными и субстанциональными кодами, так как они находятся во взаимосвязи. Таким образом, данная классификация вызывает некоторые трудности в понимании и делении кодов культуры.

Исследователь Н. И. Толстой выделяет три кода, которые, по его мнению, присутствуют в культурном поле: «вербальный (словесный – слова), реальный (предметный – предметы, вещи) и акциональный (действенный – действия)» [18, с. 23]. Вслед за Н. И. Толстым данные виды кодов культуры выделяют Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова. Основу данной классификации составляют значимые для определённой культуры слова (устойчивые выражения, обороты, словосочетания и т. п.), предметы (одежда, аксессуары, посуда и т. п.) и действия (использование жестов, роль поклона в этикете и др.). Каждый выделенный код довольно обширен и включает в себя, по мнению учёных, и другие коды. Например, в состав реального кода входят «природно-ландшафтный, архитектурно-домообустроительный, вещный, зооморфный, соматический» и др. [4, с. 40]. Д. Б. Гудков отмечает, что акциональный и реальный коды могут иметь вербальное выражение и, таким образом, стать частью вербального кода, поэтому исследователь считает основным кодом именно вербальный. Например, акциональный код реализуется во фразеологизмах *кидать ка-*

мень в чужой огород, вить верёвки, плести кружева, выносить сор из избы и др. Отсюда представляется важным вопрос о связи единиц естественного языка и культурного кода. Наименования, которые имеют дополнительные смыслы и значения, могут рассматриваться с точки зрения двух вышеназванных групп. Единицы культурных смыслов включены в группу естественного языка и культурного кода.

Одна из классификаций основана на тематическом делении кодов культуры, однако количество выделяемых кодов варьируется и не имеет точного и окончательного числа. В. Н. Телия и другие авторы «Большого фразеологического словаря» выделяют более десяти культурных кодов, отмечая возможность пополнения данного списка. Так, тематическое деление кодов культуры В. Н. Телия включает в себя временной, пространственный, соматический, человеческий, зооморфный, растительный, природный, артефактно-вещный, вещно-костюмный, гастрономический, архитектурный, религиозно-антропоморфный, религиозно-артефактивный, числовой и цветовой коды¹. Вслед за В. Н. Телия многие исследователи используют подобную классификацию культурных кодов. Так, В. А. Маслова выделяет космогонический, соматический, пространственный, количественный, временной, предметный, природно-ландшафтный, архитектурный, гастрономический, обонятельный, код одежды и др. [9, с. 137–138]. М. Л. Ковшова, выделяя такие культурные коды, как соматический, антропный, природный, цветовой, пищевой и др., в своих работах главенствующей считает именно тематическую классификацию, «которая позволяет исследовать, как в объединённых общей темой и разных по субстанции знаках воплощаются те или иные культурные смыслы» [5, с. 68]. Таким образом, точное количество кодов культуры в настоящее время неизвестно. Более

¹ Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС, 2006. С. 13.

того, состав кодов постоянно обновляется, появляются новые значимые для какой-либо культуры элементы, которые приводят к образованию ранее не выделяемого кода культуры.

На современном этапе развития лингвокультурологии распространение получает классификация кодов культуры В. В. Красных, придерживаться которой мы будем в нашей работе. Исследователь выделяет следующие базовые коды культуры: соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный. Данные коды непосредственно основаны на архетипических представлениях. В. В. Красных отмечает, что коды культуры характерны в общем для человечества и что они являются универсальными по своей природе. Однако их реализация в разных культурах уже не универсальна, а специфична и обусловлена той или иной культурой [6, с. 5].

В нашем исследовании мы остановимся на фитоморфном (вегетативном, растительном, фитонимическом) коде культуры, особенностях его языкового воплощения в художественных текстах. Фитоморфный код входит в состав биоморфного. Внутри фитоморфного кода выделяют такие субкоды, как гербологический (цветы, злаковые и травянистые растения), дендрологический (деревья), фруктицелогический (кустарники), фитоценологический (растительные массивы) [13, с. 172]. Однако в данном исследовании мы будем рассматривать фитоморфный код в совокупности составляющих его частей.

Обратимся к терминологическому аппарату фитоморфного кода. Так, в качестве наименования определённого растения используется термин *фитоним*. Однако в настоящее время отсутствует единство в его понимании. Впервые термин *фитоним* был использован в 70-х гг. XX в. в работе А. В. Суперанской [16]. Позднее данный термин закрепился в ряде словарей («Словарь русской ономастической терминологии»¹, «Словарь лингвистиче-

ских терминов»²). В качестве синонима к понятию *фитоним* может использоваться термин *фитонимическая единица*, а также *фитонимика* как «совокупность фитонимических единиц» [7, с. 86]. Некоторые исследователи используют лексему *фитотермин*. Однако в её определении возникают разногласия. Так, с одной стороны, *фитотермин* может употребляться как синоним понятия *фитоним* [14]. А с другой – под фитотермином подразумевается исключительно научное наименование растения [2, с. 34–35], в то время как *фитоним* используется для обыденного наименования. Наряду с вышеназванными понятиями в научной литературе встречаем такие термины, как *фитосоматизм* (отдельные части растения) и *фитохарактеристика* («термины, которые характеризуют растение с точки зрения условий и способа его произрастания, размножения и плодоношения, внешнего вида»), в то время как весь комплекс подобных терминов может называться *фитолексикой* [2, с. 35]. Особенность фитонимов состоит в том, что нередко растение имеет несколько наименований: одно научное, другое – народное, закреплённое в сознании людей (например, *толстянка* – *денежное дерево*, *бальзамин* – *Ванька мокрый* и др.). В настоящее время открыт вопрос об отнесённости подобных наименований к терминам. Одни исследователи считают, что подобные названия являются терминами. Другие отрицают принадлежность наименований растений, употребляющихся в разговорной речи, к терминам, потому что нередко растение может иметь большое количество вариативных названий, а термин предполагает однозначность, отсутствие субъективности, в то время как большинство народных названий построено именно по этому принципу. В данной работе мы используем получивший наибольшее распространение термин *фитоним*, а также *фитонимическая лексика* в

¹ Фитоним // Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. С. 158.

² Фитоним // Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. С. 431.

качестве наименования различных видов растений, деревьев, кустарников.

За многими названиями растений закрепились особые дополнительные смыслы, образы, символичные характеристики. В фитоморфном коде культуры отражены представления людей о флоре, т. е. о мире растений. Различия в климате и ландшафте определили специфику употребления фитонимов представителями разных культур. Вторичное значение фитонимов основывается, как правило, на свойствах и качествах растений (например, *как огурчик, горе луковое, хуже горькой редьки*). Однако большинство сравнений имеет антропоморфный характер. Так, исследователи отмечают, что «обозначение растения – это иносказательное обозначение человека, черт его характера, отличительных признаков или же описание какой-либо ситуации» [3, с. 125–126]. В настоящее время немало работ, посвящённых анализу и сравнению вторичных значений растений и качеств человека [10; 11; 15; 19]. Подобные сравнения послужили основой для образования термина *фитоморфизм*. Под фитоморфизмом понимаем перенос качеств и свойств растений на человека или иные объекты для создания образности (например, молодая девушка – *цветок, бутон, ягодка*). Однако термин *фитоморфизм* в отличие от *зооморфизма* не получил широкого распространения.

В каждом языке есть средства, которые позволяют воплотить культурно значимые понятия и отношения. В сознании человека происходит соотношение явлений из разных сфер жизни, при интерпретации фактов «в их отстранении от материального мира» появляется вторичный смысл, который соотносится с имеющимися в определённой культуре мифологическими представлениями и стереотипами, включающими в себя метафорическое переосмысление действительности [12, с. 309]. Одним из способов репрезентации лингвокультурных кодов является концептуальная метафора, которая «начинает функционировать как код, когда больше не прибавляет новых сведе-

ний к уже имеющимся»¹. Концептуальные метафоры связаны с когнитивными моделями, с некоторыми стереотипными образами, которые организуют опыт. В качестве материала для анализа были выбраны тексты современной художественной литературы, поскольку текст представляет собой «сплав лингвистики и культурологии»².

Цель работы – проанализировать особенности языкового выражения фитоморфного кода в текстах современных писателей (В. Токарева, Л. Улицкая³, З. Прилепин, Е. Гришковец). Мы взяли тексты малой прозы указанных авторов, рассказы, которые можно назвать бытоописательными, в них переданы житейские ситуации, близкие и понятные читателям. Это тексты массовой культуры, так называемые «открытые», код которых должен быть понятным читателю.

Выбор авторов был обусловлен не только критерием современности, мы считаем, что существуют стереотипные средства выражения фитоморфного кода, поскольку он должен быть расшифрован носителями культуры без затруднений и соответственно тем смыслом, которые подразумевал автор. При такой стратегии, как «доминантное прочтение», предполагается, что читатель полностью разделяет код автора текста. Для того, чтобы читатель понял систему значений, культурный код должен быть универсальным, это подразумевает однородность и конвенциональность элементов кода и форм его материального выражения. Следовательно, выбор авторов художественных текстов может быть не ограничен какими-либо критериями: независимо от идиостиля писатели будут выбирать стереотипные языковые средства для выражения кода, поскольку обладают общностью языковой картины мира с читателем.

Методы, используемые в работе: метод сплошной выборки, описательный метод, метод концептуального анализа, метод метафорического моделирования.

¹ Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2018. С. 32.

² Там же. С. 4.

³ Включена Минюстом России в реестр иноагентов.

Языковые средства представления концептуальных метафор

Анализ примеров, отобранных методом сплошной выборки (было проанализировано более 90 рассказов, общее количество примеров – 384), показал, что в вегетативном коде есть система эталонов, которая связывает прототипические признаки растительного мира с ментальным и эмоциональным состоянием и характеристиками человека.

Рассмотрим языковые средства представления концептуальных метафор, способствующих развёртыванию когнитивных моделей фитоморфного кода. Вслед за В. А. Масловой и М. В. Пименовой¹ обратимся к признакам, которые характеризуют растения, они же являются прототипическими признаками концептов. Первую группу составляют морфологические признаки растений: **корни, ветви, цветы, плоды.**

1.1. Корни. Формирование и рост растения непосредственно зависит от его корневой системы, поэтому при метафорическом переносе корень ассоциируется с силой, надёжностью и стабильностью. Анализ примеров позволил выделить когнитивную модель «**корень – крепкие семейные связи**», например (здесь и далее выделено нами. – О. Х., А. Т.): «Павел Григорьевич был связан с ними вековыми нитями. Их корневая система перепуталась глубоко под землёй и стала общей. Это было одно дерево: Наташа Щеглова, Павлик, Кипса, Володя»²; «На вырученные деньги купил маленькую квартирку в Черногории, на берегу моря. Его манили корни предков»³; «За долгую совместную жизнь люди прорастают друг другом, у них становится общее кровообращение»⁴.

Следующая когнитивная модель включает в себя не только метафорическое употребление лексемы «прорастить», которая обозначает свойство корней, но и ассоци-

ативное переосмысление представления «место для роста – душа человека». В русской культуре пространство внутреннего мира человека представлено садом, где может вырасти как благоухающий цветок, так и сорняк, например: «... место, которое прежде занимал Веник со своими пустыми бутылками в портфеле ... с воровством семейных денег ... это пустое место проросло ужасными ссорами со старшим шестнадцатилетним Гришкой и полным отчуждением десятилетнего Давида...»⁵. Душевная пустота и семейный разлад обозначены метафорой «прорастить + существительное в Тв. п.» может реализовать диаметрально противоположные значения в зависимости от семантики существительного / местоимения (ср. *прорастить друг другом – прорастить ссорами*).

Отметим ещё одну когнитивную модель «**корень – начало, источник, основа чего-либо негативного**». Метафора реализуется в устойчивых конструкциях, имеющих отрицательную коннотацию, например: «Попытки помыкать мною пресёк на корню»⁶; «Фирма принадлежала Элизе, и здесь был корень всех зол»⁷; «Потом понял: вырвал с корнем рукав телогрейки»⁸.

Частотность использования данного фитонима можно объяснить амбивалентностью ассоциаций при метафорическом переосмыслении лексемы «корень», позволяющих выражать как положительную, так и отрицательную оценку в контексте.

1.2. Ветви. Контекст позволяет выявить ассоциативный комплекс «*физические свойства растения – физические свойства человека*», когнитивную модель **ветка – изящная молодая девушка / женщина**, например: «Она проснулась, веточка моя, и вид её меня ластит и нежит»⁹.

¹ Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2018. С. 49.

² Токарева В. С. Дом за посёлком: сборник. М.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 26.

³ Токарева В. С. Жена поэта: сборник. М.: Азбука-Аттикус, 2019. С. 59.

⁴ Токарева В. С. Дом за посёлком: сборник. М.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 41.

⁵ Улицкая Л. Е. Первые и последние: сборник. М.: АСТ, 2018. С. 19.

⁶ Гришковец Е. В. Следы на мне: сборник. М.: Автор, 2007. С. 26.

⁷ Улицкая Л. Е. Первые и последние: сборник. М.: АСТ, 2018. С. 33.

⁸ Прилепин З. Семь жизней. М.: АСТ: Редакция Е. Шубиной, 2018. С. 8.

⁹ Прилепин З. Грех. М.: АСТ: Редакция Е. Шубиной, 2015. С. 166.

1.3. Цветы. В данном случае речь идёт о родовом наименовании. Фитоним *цветок* в целом символизирует красоту, молодость, доброту и т. д., обладает обычно положительной коннотацией. Цветы также являются воплощением «жизненной силы и жизнерадостности»¹, что позволяет установить когнитивную модель *цветок – красота, проявление жизненной силы*, например: «Было ей лет семнадцать. Она расцветала, как цветок, и благоухала, как цветок, и все пчелы, слюмя голову, летели на её цветение»²; «Лицо её было нежно, влажно и сонно, как *цветок после дождя*»³; «Красота была при ней. Неброская, тихая, как *полевой цветок*»⁴. Языковое средство вербализации когнитивной метафоры – сравнительная конструкция «как цветок».

Однако можно выделить и когнитивную модель *цветок – начало, источник чего-то негативного*, которая репрезентируется в языке в форме устойчивого выражения *это ещё (только) цветочки*, имеющего значение «о чём-нибудь трудном или дурном, за которым надо ждать более трудного, худшего»⁵. Лексема *цветочек / цветочки* приобретает ироническую коннотацию, например: «Молодой чиновник с корочками – это *цветочки*. КГБ пользовался настоящими уголовниками, которые могли дать по голове в тёмном подъезде»⁶; «Он очень бурно в течение пары дней и ночей отмечал новоселье, но это, что называется, *были цветочки*. Его квартира почти сразу стала клубом одиноких милицейских сердец...»⁷.

¹ Бидерманн Г. Энциклопедия символов / пер. с нем.; общ. ред. И. С. Свенцицкой. М.: Республика, 1996. С. 291.

² Токарева В. С. Жена поэта: сборник. М.: Азбука-Аттикус, 2019. С. 68.

³ Прилепин З. Ботинки, полные горячей водкой: пацанские рассказы. М.: АСТ: Редакция Е. Шубиной, 2018. С. 40.

⁴ Токарева В. С. Жена поэта: сборник. М.: Азбука-Аттикус, 2019. С. 11.

⁵ Это ещё (только) цветочки // Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеологических единиц: в 2 т. Т. 2 / под ред. А. Н. Тихонова. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 720.

⁶ Токарева В. С. Жена поэта: сборник. М.: Азбука-Аттикус, 2019. С. 45.

⁷ Гришковец Е. В. Следы на мне: сборник. М.: Автор, 2007. С. 31.

В метафорических переосмыслениях различных этапов цветения («расцвести», «распуститься» – морфологические признаки любого цветка) можно отметить когнитивную модель **«процесс цветения – внутреннее состояние человека»**, например: «*Настроение вновь расцвело*, и сердце побежало»⁸; «И Маргоша чувствовала, как будто внутри живота у неё *распускается какой-то цветок* и стремится к Эмке...»⁹; «А дыхание какое... *Что мне весенних похматых цветов цветенье* – сын у лица моего сопит, ясный, как после причастия»¹⁰. В последнем примере герой противопоставляет особое внутреннее состояние стереотипному представлению о том, что в период «цветения» человек наслаждается запахом цветов, испытывает положительные эмоции, но они меркнут по сравнению с силой любви к своему ребёнку.

1.4. Плоды. Данный фитоним в обобщённом значении (вообще любой плод) в контексте используется в когнитивной модели *плод – результат неблагоприятного поступка*, проявляется в употреблении концептуальной метафоры, например: «... полковник сомневался в своём *плодородии*, обвинял жену в измене. Дескать, это *греховный плод* зреет во чреве»¹¹. В данном случае метафорический перенос основан на представлении об измене как нарушении одной из христианских заповедей «не прелюбодействуй», и результат обозначен оценочной лексемой «греховный».

К плодам относится и родовое наименование «овощи», которое встретилось в контексте однократно при развёртывании метафоры внутреннего мира человека посредством сравнительной конструкции с союзом *словно*: «... сидел недвижимо, но казалось, что внутри него всё шевелится и слегка бурлит, *словно это бурдюк с варёны-*

⁸ Прилепин З. Грех. М.: АСТ: Редакция Е. Шубиной, 2015. С. 105.

⁹ Улицкая Л. Е. Первые и последние: сборник. М.: АСТ, 2018. С. 25–26.

¹⁰ Прилепин З. Грех. М.: АСТ: Редакция Е. Шубиной, 2015. С. 165.

¹¹ Токарева В. С. Дом за посёлком: сборник. М.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 68.

ми, распавшимися от жара на разноцветные вялые волокна *овощами*»¹.

В русской языковой картине мира возраст человека передаётся путём метафорического переосмысления жизненного цикла плода или растения: юность – цветение, средний возраст – расцвет, полное развитие – зрелость, старость – увядание. Подобные ассоциативные ряды прочно закрепились в стереотипных представлениях, например: «Для сестёр настала *пора цветения*: шестнадцать, семнадцать, восемнадцать лет»²; «Мне позвонила одна девушка, – хотя, если сосчитать, сколько лет прошло, то теперь уже, наверно, *женщина в расцвете сил...*»³; «Избранник Маргариты был крестьянского происхождения, уже *в зрелом мужском возрасте*»⁴; «Юность проистекала в городе Ленинграде и давно прошла. Превратилась в *зрелость с оттенком перезрелости*»⁵; «Некоторые стареют красиво. ... Женщины, как правило, просто *вянут*».⁶

Вторую группу признаков концептов В. А. Маслова и М. В. Пименова⁷ обозначают как виды растений: **цветы, плоды, злаки, трава.**

2.1. Цветы. В данном случае речь идёт о конкретных видах растений, например: «У Светланы личико нежное, *как лепесток пиона*»⁸; «... *глазки – голубые и мелкие, как незабудки*. Скорее всего, она была некрасивая, но мне казалась спящей красавицей»⁹. В сравнительных конструкциях переосмысливаются физические характеристики цветов – бархатистость лепестков, цвет, размер – что позволяет определить когнитивную мо-

дель «**физические свойства цветка – красота человека**».

2.2. Плоды. Анализ примеров употребления фитонимов показал, что самым частотным является «яблоко». В культурной картине мира яблоко выступает в качестве символа плодородия, здоровья, красоты, любви, долголетия. В художественных текстах фитоним *яблоко* применяется при описании внешности или состояния человека, например: «Таточка любила поесть. Её щёчки стали тугими и блестящими, *как яблочко*»¹⁰; «Она проснулась через несколько минут – розовая и полная ожидания, *как только что сорванное яблоко*»¹¹. Сравнительная конструкция позволяет вербализовать концептуальную метафору, участвующую в реализации когнитивной модели **физические характеристики яблока – физические характеристики человека**.

Рассмотрим и авторское переосмысление фитонимов «яблонька» и «яблоня». Лексемы, реализующие указанную метафору, выступают в роли контекстных антонимов, подчёркивая взросление героини, например: «Ушло цветение. Прежде – *как яблонька в цветку*, а теперь – *яблонька с плодами*. Цветы – ку-ку. И уже *не яблонька, а яблоня*. Плоды полезнее, чем цветы, но цветы – красивее»¹².

Помимо указанных, в текстах можно отметить метафорическое переосмысление при употреблении следующих фитонимов: «*Нос грушей*, выражение лица нахальное»;¹³ «Всегда одинаковая, маленькая, *нос картошкой...*»¹⁴ В данных примерах форма творительного падежа имени существительного («нос грушей», «нос картошкой») вносит в контекст отрицательную или пренебрежительную оценку,

¹ Прилепин З. Семь жизней. М.: АСТ: Редакция Е. Шубиной, 2018. С. 13.

² Токарева В. С. Дом за посёлком: сборник. М.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 66.

³ Прилепин З. Семь жизней. М.: АСТ: Редакция Е. Шубиной, 2018. С. 77.

⁴ Улицкая Л. Е. Девочки: сборник. М.: АСТ, 2012. С. 13.

⁵ Токарева В. С. Жена поэта: сборник. СПб.: Азбука-Аттикус, 2019. С. 85.

⁶ Токарева В. С. Кругом один обман: сборник. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. С. 4.

⁷ Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2018. С. 50.

⁸ Токарева В. С. Дом за посёлком: сборник. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 65.

⁹ Токарева В. С. Муля, кого ты привёз?: сборник. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. С. 75.

¹⁰ Токарева В. С. Кругом один обман: сборник. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. С. 34.

¹¹ Прилепин З. Ботинки, полные горячей водкой: пацанские рассказы. М.: АСТ: Редакция Е. Шубиной, 2018. С. 30.

¹² Токарева В. С. Жена поэта: сборник. СПб.: Азбука-Аттикус, 2019. С. 15.

¹³ Токарева В. С. Кругом один обман: сборник. М.: Азбука-Аттикус, 2016. С. 2.

¹⁴ Токарева В. С. Муля, кого ты привёз?: сборник. М.: Азбука-Аттикус, 2015. С. 75.

реализует когнитивную модель **название плода – характеристика внешности человека**.

Фитонимы могут вербализовать концептуальную метафору, передающую субъективное отношение к кому-либо, например: «Господи, какой ласковый (о сыне). Как мякоть дынная»¹; «Пьющий мужик – бракованный товар, как помидор с гнилым боком».² В данном случае, на наш взгляд, реализуются авторские ассоциативные представления.

2.3. Злаки. В этой группе мы объединили примеры, которые участвуют в реализации когнитивной модели **семена – зародыш**, например: «... мать девочек, перенеся большую операцию, лишившую её возможности впредь *проращивать драгоценные зерна потомства...*»³; «Не растёт пока живот – веры не хватает, чтобы *прижилось там семечко*»⁴. Концептуальная метафора основана на ассоциации «зёрнышко, семечко – зародыш», характерно и сочетание с глаголами «проращивать», «приживаться».

2.4. Трава. Данная группа представлена одним фитонимом «ботва». В прямом значении это стебли, а также листья корнеплодов, ботва считается второсортным продуктом. Сфера-источник метафорического переноса – второсортность, отсутствие ценности, сфера-мишень – оценочная характеристика внутренних качеств человека, например: «Может, другая баба его полюбила бы и любить научила... Да что ты за баба, *ботва* одна...».⁵ Характеризуя подобным образом женщину, герой подчёркивает её неэмоциональность, отсутствие страсти и т. д.

В отдельную группу мы хотели бы выделить фитонимы с **антропоморфным компо-**

нентом. В русской картине мира растениям приписывают свойства и признаки человека. В рассматриваемых текстах современной художественной литературы употреблено 28 фитонимических единиц, в которых растения уподобляются человеку, наделяются физическими характеристиками и ощущениями, эмоциями и чувствами, свойствами человека, например: «... в супе плавают *уставшие овощи, чахлый картофель, расслабленная морковь...*»⁶; «... иногда из тонко порванной боковины вылуплялась маленькая, *легкомысленная картофелинка*»⁷; «Получалось вкусно, потому что мама глупоко *внедрялась ножом в картофельную плоть*»⁸. Человек переносит собственные эмоции, переживания, ощущения на состояние плодов, благодаря чему появляются авторские метафоры «уставшие овощи», «расслабленная морковь» и т. д.

Заключение

Фитоморфный код культуры является универсальным, имеющим конвенциональность элементов и форм выражения. В текстах современной художественной литературы данный код находит воплощение в когнитивных моделях, в основе которых лежит перенос свойств фитонимов на ментальные и физические характеристики человека. Концептуальные метафоры, участвующие в развёртывании когнитивных моделей, вербализуются посредством устойчивых выражений и сравнительных конструкций. Следует отметить, что ассоциативные связи, лежащие в основе фитоморфных концептуальных метафор, у разных авторов будут в большей степени сходны, поскольку общая языковая картина мира писателя и читателя предполагает сходный сценарий ментальных процессов ассоциирования.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023.

¹ Прилепин З. Грех. М.: АСТ: Редакция Е. Шубиной, 2015. С. 165.

² Токарева В. С. Дом за посёлком: сборник. М.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 11.

³ Улицкая Л. Е. Девочки: сборник. М.: АСТ, 2012. С. 12.

⁴ Прилепин З. Ботинки, полные горячей водкой: пацанские рассказы. М.: АСТ: Редакция Е. Шубиной, 2018. С. 114.

⁵ Улицкая Л. Е. Первые и последние: сборник. М.: АСТ, 2018. С. 24.

⁶ Прилепин З. Грех. М.: АСТ: Редакция Е. Шубиной, 2015. С. 103.

⁷ Прилепин З. Семь жизней. М.: АСТ: Редакция Е. Шубиной, 2018. С. 51.

⁸ Токарева В. С. Дом за посёлком: сборник. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова Г. А., Купцова И. А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сборник статей по материалам XLVII международной научно-практической конференции, 25 апреля 2015 г. № 4 (47). Новосибирск: СибАК, 2015. С. 28–37.
2. Алешина Е. К. Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира: к постановке проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 2. С. 34–37.
3. Гриченко Л. В. Особенности семантики и функционирования фитонимов в русских пословицах // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 5. С. 122–129.
4. Гудков Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. Вып. 26. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 39–50.
5. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: принципы моделирования // Теоретические и прикладные проблемы лингвокультурологии: межвузовский сборник научных трудов. Тула: Тульский полиграфист, 2009. С. 66–73.
6. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. Вып. 19. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 5–19.
7. Летова А. М. Метафорическая основа фольклорных фразеологизмов с фитонимическим компонентом // Русский язык: история, диалекты, современность: сборник научных работ. Вып. XII. М.: Московский государственный областной университет, 2012. С. 84–90.
8. Манапова В. Э. Трансформация культурных кодов: от образа к сигналу // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64). С. 155–158.
9. Маслова В. А. Русский язык как совокупность кодов: растительного, архитектурного, духовного и др. // Учёные записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. 2011. Т. 24. № 1–1 (63). С. 135–138.
10. Мишина Н. В. Этнокультурная специфика фразеологизмов с фитонимами // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2021. № 1. С. 125–129.
11. Писарская Т. Р., Якименко Н. Е. Особенности лингвокультурологического комментария паремий с компонентом-фитонимом // Изучение и преподавание русской словесности в эпоху языковой глобализации: материалы докладов и сообщений XXIII международной научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 30 марта 2018 г. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 57–61.
12. Поречная В. И. Пространственный код культуры как лингвокультурное понятие // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 4 (37). С. 307–311.
13. Савченко Л. В. Иерархическая модель биоморфного кода культуры // Культура народов Причерноморья. 2014. № 273. С. 170–172.
14. Сивакова Н. А. Слово – хранитель экстралингвистической информации // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы ежегодной научной конференции, Тюмень, 25 октября 2001 г. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2002. С. 66.
15. Сивова Т. В. Цвет полыни: от лексикографической традиции к массовому языковому сознанию // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26. № 1. С. 66–80.
16. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
17. Толстая С. М. К понятию культурных кодов // АБ-60: сборник статей к 60-летию Альберта Кашфулловича Байбурина. СПб.: Европейский университет, 2007. С. 23–31.
18. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 509 с.
19. Цзюй Х. Женьшень – Человек-корень (к истории происхождения слова женьшень) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 10 (143). С. 210–214.

REFERENCES

1. Avanesova G. A., Kuptsova I. A. [Codes of Culture: Understanding the Essence and Functional Role in Cultural Practice]. In: *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: sbornik statei po materialam XLVII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 25 aprelya 2015 g. № 4 (47)* [In the World of Science and Art: Problems of Philology, Art Criticism and Cultural Studies: Collection of Articles based on Materials of the XLVII International Scientific and Practical Conference, April 25, 2015, no. 4 (47)]. Novosibirsk, SibAK Publ., 2015, pp. 28–37.

2. Aleshina E. K. [Research of Plant Names and the National Language Picture of the World: To the Formulation of the Problem]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2009, vol. 8, no. 2, pp. 34–37.
3. Grichenko L. V. [Features of Semantics and Functioning of Phytonyms in Russian Proverbs]. In: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanitarian and Social Sciences], 2019, no. 5, pp. 122–129.
4. Gudkov D. B. [Units of Cultural Codes: Problems of Semantics]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sbornik statei. Vyp. 26* [Language, Consciousness, Communication: Collection of Articles. Iss. 26]. Moscow, MAKS Press Publ., 2004, pp. 39–50.
5. Kovshova M. L. [Linguistic and Cultural Method in Phraseology: Modeling Principles]. In: *Teoreticheskie i prikladnye problemy lingvokul'turologii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Theoretical and Applied Problems of Cultural Linguistics: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Tula, Tula polygraphist Publ., 2009, pp. 66–73.
6. Krasnykh V. V. [Codes and Standards of Culture (An Invitation to Conversation)]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. Vyp. 19* [Language, Consciousness, Communication. Iss. 19]. Moscow, MAKS Press Publ., 2001, pp. 5–19.
7. Letova A. M. [Metaphorical Basis of Folklore Phraseological Units with a Phytonymic Component]. In: *Russkii yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost'. Vyp. XII* [Russian Language: History, Dialects, Modernity. Iss. XII]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2012, pp. 84–90.
8. Manapova V. E. [Transformation of Cultural Codes: From Image to Signal]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2019, no. 8 (64), pp. 155–158.
9. Maslova V. A. [The Russian Language as a Set of Codes: Vegetable, Architectural, Spiritual, etc.]. In: *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo* [Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Taurida National University], 2011, vol. 24, no. 1–1 (63), pp. 135–138.
10. Mishina N. V. [Ethno-cultural Specificity of Phraseological Units with Phytonyms]. In: *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psihologiya* [Bulletin of the Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology], 2021, no. 1, pp. 125–129.
11. Pisarskaya T. R., Yakimenko N. E. [Peculiarities of Linguoculturological Commentary of Proverbs with a Phytonymic Component]. In: *Izuchenie i prepodavanie russkoi slovesnosti v epokhu yazykovoï globalizatsii: materialy dokladov i soobshchenii XXIII mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 30 marta 2018 g.* [Studying and Teaching Russian Literature in the Era of Linguistic Globalization: Proceedings of the XXIII International Scientific and Methodological Conference, St. Petersburg, March 30, 2018]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Publ., 2018, pp. 57–61.
12. Porechnaya V. I. [Spatial Code of Culture as a Linguocultural Concept]. In: *Baltiiskii humanitarnyi zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2021, vol. 10, no. 4 (37), pp. 307–311.
13. Savchenko L. V. [Hierarchical Model of the Biomorphous Code of Culture]. In: *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Peoples of the Black Sea Region], 2014, no. 273, pp. 170–172.
14. Sivakova N. A. [The Word as the Keeper of Extralinguistic Information]. In: *Problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii, Tyumen', 25 oktyabrya 2001 g.* [Problems of Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages: Proceedings of the Annual Scientific Conference, Tyumen, October 25, 2001]. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2002, pp. 66.
15. Sivova T. V. [Color of Wormwood: From Lexicographic Tradition to Mass Linguistic Consciousness]. In: *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [News of the Southern Federal University. Philological Sciences], 2022, vol. 26, no. 1, pp. 66–80.
16. Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General Theory of a Proper Name]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 366 p.
17. Tolstaya S. M. [On the Concept of Cultural Codes]. In: *AB-60: sbornik statei k 60-letiyu Al'berta Kashfullovicha Baiburina* [AB-60: A Collection of Articles on the 60th Anniversary of Albert Kashfullovich Baiburin]. St. Petersburg, Evropeiskii universitet Publ., 2007, pp. 23–31.
18. Tolstoi N. I. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoi mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 1995. 509 p.
19. Ju H. [Ginseng – Man-Root (To the History of the Origin of the Word Ginseng)]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University], 2019, no. 10 (143), pp. 210–214.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Холомеенко Ольга Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся Южного федерального университета;
e-mail: kholol2012@yandex.ru

Туник Анастасия Игоревна – учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 4 г. Прохладный;
e-mail: tuniknastya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga M. Kholomeenko – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Chair of Russian for Foreign Students, Southern Federal University;
e-mail: kholol2012@yandex.ru

Anastasiya I. Tunik – Teacher of the Russian Language and Literature, Secondary School no. 4, City of Prokhladny, Kabardino-Balkarian Republic;
e-mail: tuniknastya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Холомеенко О. М., Туник А. И. Фитоморфный культурный код: средства представления в текстах современной художественной литературы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 70–81.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-70-81

FOR CITATION

Kholomeenko O. M., Tunik A. I. Phytomorphic Cultural Code: Means of Representation in Texts of Modern Fiction. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 70–81.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-70-81

УДК 811.11

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-82-92

СРЕДСТВА НОМИНАЦИИ И ПРЕДИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ОТРАЖЕНИЯ ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ В ПОВЕСТИ Н. С. ЛЕСКОВА «ЖИТИЕ ОДНОЙ БАБЫ»

Цзян Юань*Синьцзянский педагогический университет**830017, г. Урумчи, р-н Шуймогоу, ул. Гуаньцзин, д. 100, Китайская Народная Республика*

Аннотация

Цель. Выявить роль средств номинации и предикации в создании женских образов и описании трагической судьбы женщины в повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы».

Процедура и методы. В работе проведён анализ средств номинации и предикации, с помощью которых Н. С. Лесков изображает в повести «Житие одной бабы» трагическую судьбу русской женщины: замужество против воли, избияния, бесправие и т. д. Отмечается, что основная часть средств номинации и предикации направлена писателем на описание чувств героини, испытываемых ею эмоций и её состояний. Данный приём позволяет автору показать, что для героини повести страшна не столько тяжёлая доля, сколько то, что она болезненно воспринимает свою судьбу, не может смириться с духовной кабалой. В ходе исследования использовались методы наблюдения, описания, анализа, сплошной и целенаправленной выборки языковых средств.

Результаты. Показано, что с помощью языковых средств главная героиня повести Настя изображена Н. С. Лесковым как способная испытывать сильные чувства женщина, а большинство героев в персонажной зоне противопоставлены ей как бесчувственные. Установлено, что среди средств характеристики её судьбы постепенно нарастает стилистическая значимость единиц, использованных в роли предикатов. Автор по мере развития сюжета стремится описывать не столько эмоции, сколько действия молодой женщины, что требует от читателя распознавания её чувств, осмысления их глубины и значимости в судьбе героини. Тяжёлая судьба русской женщины становится понятной читателям благодаря средствам номинации и предикации, которые отобрал для её описания Н. С. Лесков. Подтверждается значимость использованных разговорных ресурсов для представления имплицитной оценочной позиции автора.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты работы могут быть использованы при подготовке лекций, практических занятий по лингвокультурологии, языку художественной литературы в вузах, в том числе в КНР; обогащается представление о роли номинации и предикации в раскрытии образа персонажа, автора и выявлении его идейно-эстетического ядра.

Ключевые слова: номинация, образ женщины, повесть «Житие одной бабы», предикация, язык Н. С. Лескова

MEANS OF NOMINATION AND PREDICATION AS TOOLS FOR REFLECTING THE TRAGIC FATE OF A WOMAN IN N. S. LESKOV'S STORY "THE LIFE OF A WOMAN"

Jiang Yuan*Xinjiang Normal University**ul. Guanjing 100, Urumqi 830017, Shuimogou District, People's Republic of China*

Abstract

Aim. We identify the role of the means of nomination and predication in the creation of female images and the description of the tragic fate of a woman in N. S. Leskov's "The Life of a Woman".

Methodology. The paper analyzes the means of nomination and predication, with the help of which N. S. Leskov depicts the tragic fate of a Russian woman in the story "The Life of a Woman": themes of the story are the marriage against her will, beatings, inability to make decisions, etc. It is noted that the main part of the means of nomination and predication is aimed at describing the feelings of the heroine, her emotions, and her states. This technique allows N. S. Leskov to show that for the heroine of the story, it is not so much the hard fate of the Russian woman that is terrible, but the fact that she painfully perceives her fate, but cannot get rid of the hard fate. Use is made of the methods of observation, description, analysis, and continuous and purposeful sampling.

Results. With the help of linguistic means, the main character Nastya is shown as a woman capable of experiencing strong feelings, and most of the characters in the character zone are opposed to her as insensitive. It is significant that gradually, among the means of characterizing the fate of a woman, words as predicates begin to prevail in their stylistic significance. As the plot develops, N. S. Leskov describes the actions of a young woman rather than her emotions, which requires the reader to guess about her feelings and to understand their depth and significance in the fate of the heroine. The plight of a Russian woman becomes more understandable to the readers thanks to the means of nomination and predication that N. S. Leskov employs. The significance of the resources used to represent the implicit evaluation position of the author is confirmed.

Research implications. The results of the work can be used in the preparation of lectures and practical classes in linguoculturology and the language of fiction in universities, including in China; it can also enrich the idea of the role of nomination and predication in revealing the image of the author and revealing its ideological and aesthetic core.

Keywords: nomination, image of a woman, story "The Life of a Woman", predication, language of N. S. Leskov

Введение

Судьба женщины, чаще всего трагическая, нередко становилась предметом изображения в различных произведениях художественной литературы. Для современных исследователей несомненно, что «женщина – носитель идеи гуманизма, хранительница человечности и основа, помогающая не разрушиться жизни, какой бы сложной и невыносимой она ни была» [9, с. 79], а отношение к женщине – индикатор здоровья любого общества. В русских пословицах и поговорках выявлено отражение таких черт русской женщины, как «гармоничное сочетание мужских и женских качеств, решительность и проявление своей воли» [3, с. 263]. Их отражают и литературные произведения различных исторических периодов [15], запечатлевающие особенности восприятия образа женщины, которые сложились в национальной культуре.

Средства создания женских образов, описания женской судьбы выделяются и при литературоведческом, и при лингвистическом анализе художественного текста. Лингвистами отмечается, что для создания женских образов в текстах используются имена собственные [6], сравнительные конструкции [8], эпитеты, метафоры [2, с. 29; 11] и т. д. Ярчайшими инструментами создания женских образов и передачи автором отношения к судьбе женщины становятся в художественном тексте средства номинации и предикации [10, с. 185–204; 353–358].

Научная новизна работы состоит в определении круга и специфики средств номинации и предикации, посредством которых автор не только выражает в повести собственную оценку судьбы женщины, но и формирует отношение к проблеме угнетения женщины у читателей.

Женские образы в лесковских текстах

Женские образы в произведениях Н. С. Лескова уже являлись предметом изучения филологов [16; 17]. А. П. Кашкарева, анализируя их в романе Н. С. Лескова «Некуда», отмечает, что «писатель стремился к постижению особенностей характера русской женщины, выявлению разнообразных форм бытования женского начала» [7, с. 146]. Т. Е. Щенина изучает психологию женщины-преступницы в рассказе Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» и отмечает, что героиня рассказа Катерина Львовна оказалась подвластной «захолустным нравам с их неизбывной мертвящей скукой, с их всевластием над человеком, без стойких нравственных принципов» [17, с. 7]. И. Мюллер де Морог, рассмотрев образ идеальной женщины в творчестве писателя (на примере героини романа «Обойдённые»), отметила, что Н. С. Лесков «содействовал высокой оценке традиционной роли женщин и достижению ими равноправия» [13, с. 453]. О. С. Березиной на основе анализа женских образов в романе Н. С. Лескова «На ножах» выявлено, что «с женщиной связана вера писателя в духовное возрождение человечества, в торжество нравственных идеалов» [1, с. 83]. Как видим, значимость создаваемых Н. С. Лесковым образов женщин и выражаемых автором с их помощью смыслов несомненна для исследователей, однако вопрос о языковых средствах воплощения в трагической повести «Житие одной бабы» образа крестьянки Насти не в полной мере исследован в филологической науке.

Роль средств номинации и предикации в повести «Житие одной бабы»

Повесть «Житие одной бабы» является одним из таких произведений Н. С. Лескова, где в центре повествования оказывается женщина, а основу сюжета составляют события её жизни. Героиня рассказа – крепостная девушка Настя, которую выдают замуж против её воли (обычная для того времени ситуация) за

мужчину, вызывающего у неё только негативные чувства. Н. С. Лесков, однако, изобразил необычный характер: в отличие от большинства крепостных крестьянок, бесправных женщин, чью судьбу решают сильные люди, Настя не смиряется со своей участью и стремится к счастью; она устраивает побег вместе с возлюбленным, а когда предпринятое не удаётся, то сходит с ума и умирает, утратив жизненные силы.

Трагедия, описанная Н. С. Лесковым, выглядит как в целом типичная для эпохи крепостного права коллизия, однако автору удаётся, обрисовывая события, волнующе передать мысль об ужасе жизни лишённых свободы и воли людей. Среди языковых инструментов создания образа женщины и описания её судьбы в языке повести можно выделить отражающие интенцию автора и его прагматические установки средства номинации и предикации.

Номинация в словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой имеет следующее определение: «называние как процесс, конкретное соотнесение слова с данным референтом»¹. Предикация объясняется здесь же как «отнесение данного содержания, данного предмета мысли к действительности, осуществляемое в предложении (в отличие от словосочетания)»² [ср.: 11, с. 354–355]. В качестве средств номинации выступают обычно имена существительные, а в качестве средств предикации – прежде всего глаголы. По характеристике, использованной Е. И. Дашевской, «предикат обозначает существо ситуации, события (“положения дел”)» и при этом «обладает свойствами, способными репрезентировать литературно-художественный замысел автора произведения» [4, с. 8]. Средства номинации и предикации в предложении тесно связаны, особенно в том случае, когда предикат характеризует действие, состояние, бытие номинируемого.

¹ Номинация // Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. С. 270.

² Предикация // Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. С. 346.

Функции этих ресурсов могут быть различно акцентированными, например, в прозе Н. В. Гоголя – создание реалистической достоверности [14], в поэмах С. Есенина – трансляция ощущений, чувственных представлений [5]. Средства номинации и/или предикации в различных произведениях Н. С. Лескова рассматривали В. В. Леденёва [10], А. А. Михеева [12] и др. По мнению В. В. Леденёвой, использованные Н. С. Лесковым средства номинации и предикации ориентированы в первую очередь на «социум, сферу межличностных отношений» [10, с. 12]. Это подтверждает и наше исследование.

Мы установили, что важным художественно-стилистическим средством характеристики в повести «Житие одной бабы» является предикатная лексема *сухопарый* («разг. сухощавый, худощавый»¹), которая подчёркивает несоответствие героини традиционным для того времени представлениям о женской красоте – *сухопарая*, т. е. «с малой массой тела», имплицитно – «не очень привлекательная внешне, не соблазнительная». См.: *У нас всё в моде, чтоб девка была, что называется, “размоё-моё”, телеса чтоб были; ну, а у Насти этих телес не было, так её и звали Настька-сухопарая»*². Повествователь подчёркивает, что прозвище использовалось в отношении Насти окружающими чаще, чем её имя: *Иной раз за этими кличками и крещёное имя совсем забудут*³. Имплицитно это служит указанием на социальный отпечаток некоей неполноценности. Характеристика способствует переходу от изображения внешнего облика героини к рассказу о достоинствах её натуры.

Для описания характера Насти, её отношения к окружающим Н. С. Лесков использует разнообразные средства предикации: *Тихая была девка и на словах будто не речиста; а как нужно увернуться, что-*

*бы кого словом не охаять, так так умела она это сделать, что никому и невдомёк, что она схитрила*⁴. Автору удаётся с их помощью создать образ непростой, неразговорчивой, но сметливой, при этом доброй девушки, не держащей зла на других.

В тексте повести среди средств предикации, с помощью которых формируются образы женщин и создаётся представление об их трагической доле, выделяется слово *терпеть* («не противодействую, не жалуясь, безропотно переносить, сносить что-нибудь бедственное, тяжёлое, неприятное»⁵), *терпеливый* («обладающий терпением, способный терпеть»⁶), *чувствовать* («испытывать какое-нибудь чувство»⁷). Н. С. Лесков их использует и даже сталкивает в пределах одного микроконтекста: *У нас много есть таких женщин по сёлам, что вырастает она в нужде да в загоне, так после терпит всё, словно каменная, и не разберёшь никак: не то она чувствует, что терпит, не то и не чувствует. Настя тоже была терпеливая, только эта всё горячо чувствовала*⁸. Способность терпеть и чувствовать, по мнению автора, становится важнейшей причиной тех событий, которые происходят в жизни Насти.

Для наименования процесса заключения договора о свадьбе Насти и Григория Прокудина Н. С. Лесков использует предикатную лексему *продать*: *С радости всё целовался пьяный брат, продавши родную сестру за корысть, за прибитки*⁹. В семантике словоформы *продавши* ощущается контаминация двух значений узуального глагола: «отдать за определённую плату» и

¹ Сухопарый // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/suchoпарый> (дата обращения: 01.02.2023).

² Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 5.

³ Там же.

⁴ Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 10.

⁵ Терпеть // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/терпеть> (дата обращения: 01.02.2023).

⁶ Терпеливый // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/терпеливый> (дата обращения: 01.02.2023).

⁷ Чувствовать // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/чувствовать> (дата обращения: 01.02.2023).

⁸ Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 9.

⁹ Там же. С. 18.

«совершить предательство, поступить бесчестно по отношению к кому-чему-нибудь из корыстных побуждений»¹. Н. С. Лесков тем самым указал не только на корысть брата Насти Костика, но и на его нежелание хотя бы в какой-то мере учитывать мнение сестры, воспринимать её как личность.

Средства номинации и предикации, к которым прибегает автор, помогают ему точно передавать сильные чувства, испытываемые женщинами, например, чувства невестки Алёны, узнавшей о том, за кого Костик решил выдать Настю: *Смерть ей жаль было Насти, а пособить она ей ничем не придумала; она и сама была такая же горькая*². С помощью данных средств Н. С. Лесков создаёт картину полного бесправия женщины и её бессилия что-либо изменить в своей жизни, как-то влиять на свою судьбу (*пособить* – «помочь»³; *горький* – «с тяжёлой, несчастливой судьбой»⁴).

В речевой партии Насти автор демонстрирует то, что героиня не скрывает своих негативных чувств по отношению к нежеланному жениху и напрямую говорит об этом брату и невестке. Писатель транслирует её оценки с помощью аксиологически нагруженных предикатных лексем: *Противен он мне; смерть как противен! ...Он мне всё равно что вон наш кобель рябый. Зреть я его не могу; как я с ним жить стану*⁵ См. *противный*: «отвратительный, гадкий»⁶. Душевное состояние Насти накануне свадьбы Н. С. Лескову помогают пе-

редать средства предикации, указывающие на особенности характера и на трансформацию внешности героини: *Всегда Настя была добрая и кроткая, а тут, в эти три недели, совсем точно ангел небесный стала. И жалкая она такая была, что смотреть на неё никак нельзя...*⁷ Ср.: *жалкий* – «несчастный, возбуждающий сострадание, жалость, достойный жалости (иногда с оттенком пренебр.)». Выражающий слабость, беспомощность, страдание»⁸; *кроткий* – «отличающийся незлобием, незлобиво-покорный, смиренный»⁹. При характеристике Насти Н. С. Лесковым использованы сравнения, которые способствуют созданию психологизма: *... точно ангел небесный стала ...; Настя ко всем как ясочка всё ласкалась; Настя надела поданное ей колечко, а сама бледная как смерть...*¹⁰. Все языковые средства подчёркивают эфемерность облика Насти: *ангел* – «бесплотное существо, исполняющее приказания Бога»¹¹; *ясочка* – «ласковое обращение к девочке, девушке и женщине, душечка; искон. ум.-ласкат. от яска «звезда»¹²; *как смерть (бледный)* – «очень бледный»¹³. Ассоциативный план обуславливает предчувствие беды.

Автор передаёт сильные чувства и переживания героини. Плагольные предикаты также помогают автору изобразить душевные страдания Насти, её смятение: *По ночам она всё не спала, всё ей что-то чудилось. То, бывало, побежит к мате-*

¹ Отдать // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/отдать> (дата обращения: 01.02.2023).

² Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 19.

³ Пособить // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/пособить> (дата обращения: 01.02.2023).

⁴ Горький // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/горький> (дата обращения: 01.02.2023).

⁵ Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 18–19.

⁶ Противный // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/противный> (дата обращения: 01.02.2023).

⁷ Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 19.

⁸ Жалкий // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/жалкий> (дата обращения: 01.02.2023).

⁹ Кроткий // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/кроткий> (дата обращения: 01.02.2023).

¹⁰ Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 19–21.

¹¹ Ангел // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/ангел> (дата обращения: 01.02.2023).

¹² Ясочка // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/ясочка> (дата обращения: 01.02.2023).

¹³ Смерть // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/смерть> (дата обращения: 01.02.2023).

ри, то **бросится** в господскую детскую¹. Ср. *чудиться* – «казаться, мерещиться»². Обозначение хаотичных действий указывает на сильную тревогу героини, деструктивное состояние её духа. Предикаты в форме сравнительной степени предикатива подчёркивают усугубление тяжёлого состояния: *А Насте стало ещё горче, ещё страшнее*³. См.: *страшно* – «безл., в знач. сказуемого страшно, кому-чему. О чувстве страха, боязни, испытываемом кем-чем-нибудь»⁴.

Показу автором равнодушия окружающих к судьбе героини способствуют соотвествующие предикаты, использованные при построении их речевых партий. См. рассуждения матери: «*Девка, – думала, – глупа; а там обойдётся, и будет жить по-божьему*»⁵; реплику барыни: «*Что ты дурачишься?*»⁶ См. *дурачиться* – «(разг.) развлекаться, забавляться шутками, шалостями; вести себя несерьёзно»⁷. Н. С. Лесков фиксирует в художественном тексте, что традиции культуры, жизненный уклад того времени не допускал, что женщина (девочка, девушка) способна испытывать сильные чувства, которые необходимо принимать во внимание.

Средствами предикации при описании состояния Насти во время свадьбы Н. С. Лесков создаёт образ девушки, как бы утратившей свои живые чувства: *С самого утра этого дня она будто перестала мучиться и точно как умерла. ... она никому ни словечка не промолвила. ... стоит потупя глаза и не шелохнётся. ... сидела*

безмолвным *истуканом*⁸. Используются слова с семантикой 'покорности', 'отсутствия движения' 'равнодушия', 'смерти'. См.: «*стоять истуканом или как истукан (разг.) – стоять бессмысленно-неподвижно, не понимая ничего (о глупом, тупом человеке)*»⁹.

Н. С. Лесков уделяет большое внимание тому моменту свадьбы, когда молодых отводят «в пуньку» для ритуальной первой близости: он показывает цинизм окружающих, для которых не важны чувства невесты и жениха, довлеющую косность старых традиций. Наибольшее внимание он уделяет описанию Насти после этого действия: *Она несколько не изменилась и смотрела тем же равнодушно убитым взглядом*¹⁰. Использованный автором предикат тонко передаёт эмоциональное состояние героини, которая словно застыла, о чём говорит семантика контекстуальных партнёров (*равнодушно, убитый взгляд*). Ср.: *измениться* – «стать иным, перемениться»¹¹.

Для номинации подлинных чувств героини писатель использует негативно оценочные имена существительные, называющие её эмоциональную реакцию: *Опять молодые поцеловались, и на Настином лице выразилось и страдание и нетерпеливая досада*¹². Ср.: *досада* – «чувство раздражения и неудовольствия вследствие неудачи, обиды или какой-нибудь неприятности»¹³; *страдание* – «мучение, боль физическая или душевная»¹⁴.

¹ Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 19.

² Чудиться // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/чудиться> (дата обращения: 01.02.2023).

³ Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 21.

⁴ Страшно // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/страшно> (дата обращения: 01.02.2023).

⁵ Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 21.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Дурачиться // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/дурачиться> (дата обращения: 01.02.2023).

⁸ Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 27.

⁹ Истукан // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/истукан> (дата обращения: 01.02.2023).

¹⁰ Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 31.

¹¹ Измениться // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/измениться> (дата обращения: 01.02.2023).

¹² Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 37.

¹³ Досада // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/досада> (дата обращения: 01.02.2023).

¹⁴ Страдание // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/страдание> (дата обращения: 01.02.2023).

Номинации чувств вообще играют важнейшую роль в структуре повествования, поскольку именно способность сильно чувствовать не только отличает Настю от большинства окружающих, но и становится причиной её тяжёлой женской доли. Автор показывает, что страшно не столько то, что происходит в жизни женщины, сколько то, как она это переживает, потому что горячее сердце становится одной из причин женского несчастья.

Для описания состояния Насти после свадьбы Н. С. Лесков использует номинатив *порча* («обл. в поверьях – заболевание, причинённое колдовством»¹) и предикат *испорчена* (*испорченный* – «ставший скверным, негодным, изменившийся к худшему», т. е. подверженный порче²), с помощью которых окружающие начинают характеризовать женщину, не желающую исполнять свои супружеские обязанности.

Писатель в повествовании о женской доле предпочитает глагольные средства предикации: *Обижать-то бабу много кого найдётся, а пожалеть некому*³. Важными в тексте повести становятся глаголы, которые используются при самохарактеризации героини: *Погубили мою жизнь; продали моё тело, и душеньку мою продадут. Выпхнули на позор, на муку, да меня ж упрекают, на меня ж плачутся*⁴. Данная реплика героини показывает, что она понимает, в какую ситуацию попала, умно и трезво её оценивает, осмыслила действия окружающих. См.: *погубить* – «привести к гибели»⁵. Для самой героини несомненно, что в браке трансформация происходит в первую очередь в области её чувств, что она начинает испытывать *«покой человека, которому нечего больше терять и кото-*

*рый уже ничего не хочет пугаться»*⁶. Ср.: *пугаться* – «испытывать страх, бояться, опасаться»⁷.

О значимости средств предикации с эмоциональной семантикой

Средства номинации уступают по своей функционально-стилистической нагрузке в повести «Житие одной бабы» средствам предикации при описании семейной жизни героини без любви. О чувствах Насти читателю приходится догадываться по тем действиям, которые она совершает, например, по описанию её истерики: *Она хохотала, плакала, смеялась, рвала на себе волосы и, упав с лавки, каталась по полу*⁸. Писатель использовал цепочку предикатов, указывающих на острое переживание героиней эмоционального состояния (см.: *«волосы рвать на себе – сильно досадовать на себя, быть в отчаянии»*⁹). О попытках молодой женщины смирить свои чувства также говорят преимущественно глагольные средства предикации: *Она уж и не пыталась ничего за себя говорить и жила – сохла без всякой жалобы*¹⁰. Ср. *сохнуть* – «перен. Терять здоровье, худеть, чахнуть от болезни или от душевных потрясений, переживаний (разг.)»¹¹.

Актуализация средств с семантикой 'чувство / эмоция' связана с темой возрождения души героини для любви к Степану, что проявляется в использовании однокоренных лексем *любовь, любовный, полюбить*. См.: *полюбить* – «почувствовать любовь, влечение к кому-нибудь»¹².

¹ Порча // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/porcha> (дата обращения: 01.02.2023).

² Испорченный // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/испорченный> (дата обращения: 01.02.2023).

³ Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 49.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Погубить // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/погубить> (дата обращения: 01.02.2023).

⁶ Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 54.

⁷ Пугаться // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/пугаться> (дата обращения: 01.02.2023).

⁸ Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 58.

⁹ Волос // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/волос> (дата обращения: 01.02.2023).

¹⁰ Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 60.

¹¹ Сохнуть // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/сохнуть> (дата обращения: 01.02.2023).

¹² Полюбить // Толковый словарь Ушакова: [сайт].

Встречаются и другие лексические средства, именующие чувства, эмоции, например *тоска* («сильное душевное томление, душевная тревога в соединении с грустью и скукой»¹): *Всю ночь снился Насте красивый Степан, и тоска на неё неведомая напала*².

Писатель сгущает трагические краски в обрисовке образа Насти, показывая, что когда бежавшие Степан и Настя были пойманы и наказаны, то чувства женщины продолжали оставаться по-прежнему сильными. Настя была рада уже тому, что может иногда видеть любимого на этапе: *Она всё-таки видела Степана, и хоть не могла с ним говорить, не могла, даже и не рассчитывала ни на какое счастье, но видеть, видеть его было для неё потребностью*³. (Ср.: *видеть* – «воспринимать зрением»⁴). Писатель подчеркнул, что в этот период она стала более счастливой, чем в то время, когда была не под стражей, но лишалась возможности чувствовать, жить душой. Именно сфера эмоций, для выражения которой важнейшее значение имеют средства предикации, становится в повести Н. С. Лескова индикатором тяжёлой судьбы женщины, причём эмоциональная семантика является гораздо более значимой, чем социальные «маркеры» этой судьбы: несправие, замужество без любви, жизнь с немилым, побой и т. п. Н. С. Лесков употребляет стилистически значимые средства номинации и предикации для описания жизни не только главной героини, но и других персонажей-женщин. К примеру, для характеристики жены Костика, Алёны, используется комплекс средств, показывающих её тяжёлые роды и плохое состояние здоровья после них. Так

автор передаёт мысль о том, что крестьянство лишено нормальной медицинской помощи, страдает: *...Изгадила бабу так, что никуда она не стала годиться; Неи она у тебя какая ледащая, или не тебе с ней жить, а соседу? Глянь ты: баба сохнет, кровью исходит...*⁵. Ср.: *изгадить* – «перен. испортить, сделать гадким, уродливым (вульг.)»⁶, т. е. сделать негодным для жизни; *сохнуть* – «перен. терять здоровье, худеть, чахнуть от болезни или от душевных потрясений, переживаний (разг.)»⁷, т. е. терять жизнь, жизненные силы. Описание страданий, сквозящее в них сочувствие указывают на гуманистическую позицию Н. С. Лескова-реалиста.

Заключение

Нельзя не согласиться с А. А. Михеевой, что «состав и художественно-стилистические функции средств предикации позволяют установить психологическую доминанту произведения» [12, с. 6]. И психологической доминантой повести «Житие одной бабы» становится, по нашим наблюдениям, описание чувств главной героини, тех изменений, которые происходят в её эмоциональном состоянии в различные периоды жизни. Отражённые автохарактеристиками героини и оценками в речевых партиях других персонажей духовные страдания Насти, её несчастливая любовь формируют образ героини как трагический.

Итак, весь сложный жизненный путь главной героини повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы» изображается автором с помощью комплекса средств номинации и предикации. Они способствуют в тексте описанию сильных чувств героини, позволяющих представить ядро этого образа. Особенно значимыми в создании

URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/полюбить> (дата обращения: 01.02.2023).

¹ Тоска // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/тоска> (дата обращения: 01.02.2023).

² Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 89.

³ Там же. С. 113.

⁴ Видеть // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/видеть> (дата обращения: 01.02.2023).

⁵ Лесков Н. С. Житие одной бабы. М.: Гослитиздат, 1958. С. 7–8.

⁶ Изгадить // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/изгадить> (дата обращения: 01.02.2023).

⁷ Сохнуть // Толковый словарь Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/сохнуть> (дата обращения: 01.02.2023).

психологического плана произведения становятся глагольные предикаты и предикативы в форме сравнительной степени. Внимание автора к сфере чувств главной героини позволяет показать тяжёлую судьбу русской женщины, лишённой права определять свою судьбу самостоятельно. Эти чувства замкнуты в душе героини, не находя отклика и совершенно не волнуют окружающих, но приносят ей страдания. Невозможность испытывать и проявлять важные для духовной жизни эмоции является индикатором тяжёлой доли русской женщины в XIX в.

Благодаря средствам номинации и предикации, использованным Н. С. Лесковым,

крепостная девка Настя выступает в повести как неповторимая героиня, способная испытывать сильные, искренние чувства, страдая при их отсутствии.

Анализ средств номинации и предикации в повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы» позволяет не только выявить их роль в изображении трагической судьбы русской женщины, но и обогатить представление об идиостиле писателя, особенностях его творческого мышления, концептах, составляющих концептосферу языковой личности гуманиста.

Статья поступила в редакцию 09.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березина О. С. Типология женских образов в романе Н. С. Лескова «На ножах» // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 4 (24). С. 81–84.
2. Берзегова Л. З., Хачмафова З. Р. Языковые особенности представления женского образа в художественном дискурсе // Научно-методическое обеспечение преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах в свете теории и практики межкультурной коммуникации: межвузовский сборник. Майкоп: Электронные издательские технологии, 2018. С. 28–31.
3. Бычкова Е. А., Стебунова А. Н. Образ женщины в пословицах и поговорках русского языка // Язык и культура: сборник научных трудов V Республиканской научной конференции, г. Макеевка, 18 ноября 2019 г. Макеевка: Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, 2019. С. 261–264.
4. Дашевская Е. И. Средства предикации в романе В. Пелевина «Generation П» и их художественно-стилистическое использование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 22 с.
5. Жаркова О. С. Лексика ощущения, восприятия и чувственного представления как средство номинации и предикации в поэмах С. Есенина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 22 с.
6. Карташова Е. Н. Имя как средство репрезентации образа женщины в прозе В. М. Шукшина // Восточноукраинский лингвистический сборник имени Е. С. Отина: сборник научных трудов. Вып. 27. Горловка: Азбука, 2019. С. 203–207.
7. Кашкарева А. П. Типология женских образов в романе Н. С. Лескова «Некуда» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 146–154.
8. Крылова М. Н. Образ женщины в современном русском компаративе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 143–150.
9. Крылова М. Н. Образ женщины в творчестве В. Т. Шаламова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1 (40). С. 75–81.
10. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Постатор, 2022. 462 с.
11. Леденёва В. В., Симашко Т. В. Особенности отражения концепта «Женщина» в лирике И. А. Бунина периода «романтического реализма» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 15–25.
12. Михеева А. А. Художественно-стилистические функции средств номинации и предикации в романе Н. С. Лескова «Обойдённы»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 17 с.
13. Мюллер де Морог И. Марфа и Мария. Образ идеальной женщины в творчестве Лескова // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 442–453.
14. Рябиничева Т. Н. Роль средств предикации в создании реалистической достоверности прозы Н. В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 19 с.

15. Фесенко Э. Я. К вопросу о специфике женской прозы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 105–111.
16. Цзян Ю. Отображение короткого счастья в трагической жизни средствами номинации и предикации в очерке «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 66–72.
17. Щенина Т. Е. Психологические аспекты обвиняемой-женщины в художественном образе (на примере творчества Н. С. Лескова) // Культура: управление, экономика, право. 2009. № 3. С. 6–9.

REFERENCES

1. Berezina O. S. [Typology of Female Characters in N. S. Leskov's Novel "On Knives"]. In: *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Mari State University], 2016, no. 4 (24), pp. 81–84.
2. Berzegova L. Z., Khachmafova Z. R. [Linguistic Features of the Representation of the Female Image in Artistic Discourse]. In: *Nauchno-metodicheskoe obespechenie prepodavaniya inostrannykh yazykov na neyazykovykh fakul'tetakh v svete teorii i praktiki mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Scientific and Methodological Support for Teaching Foreign Languages at Non-Linguistic Faculties in the Light of the Theory and Practice of Intercultural Communication]. Maikop, Elektronnye izdatel'skie tekhnologii Publ., 2018, pp. 28–31.
3. Bychkova E. A., Stebunova A. N. [The Image of a Woman in Proverbs and Sayings of the Russian Language]. In: *Yazyk i kul'tura: sbornik nauchnykh trudov V Respublikanskoj nauchnoi konferentsii, g. Makeevka, 18 noyabrya 2019 g.* [Language and Culture: A Collection of Scientific Papers of the V Republican Scientific Conference, Makeevka, November 18, 2019]. Makeevka, Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture Publ., 2019, pp. 261–264.
4. Dashevskaya E. I. *Sredstva predikatsii v romane V. Pelevina "Generation P" i ikh khudozhestvenno-stilisticheskoe ispol'zovanie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Means of Predication in V. Pelevin's Novel "Generation P" and Their Artistic and Stylistic Use: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2007. 22 p.
5. Zharkova O. S. *Leksika oshchushcheniya, vospriyatiya i chuvstvennogo predstavleniya kak sredstvo nominatsii i predikatsii v poemakh S. Esenina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Vocabulary of Sensation, Perception and Sensory Representation as a Means of Nomination and Predication in the Poems of S. Yessenin: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2005. 22 p.
6. Kartashova E. N. [The Name as a Means of Representing the Image of a Woman in V. M. Shukshin's Prose]. In: *Vostochnoukrainskii lingvisticheskii sbornik imeni E. S. Otina. Vyp. 27* [Eastern Ukrainian Linguistic Collection named after E. S. Otin. Iss. 27]. Gorlovka, Azbuka Publ., 2019, pp. 203–207.
7. Kashkareva A. P. [Typology of Female Images in N. S. Leskov's Novel "Nowhere"]. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Series 2: Humanities], 2016, vol. 18, no. 2 (151), pp. 146–154.
8. Krylova M. N. [The Image of a Woman in Modern Russian Comparative]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics], 2020, no. 1, pp. 143–150.
9. Krylova M. N. [The Image of a Woman in the Work of V. T. Shalamov]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki* [Topical Issues of Modern Philology and Journalism], 2021, no. 1 (40), pp. 75–81.
10. Ledeneva V. V. *Osobennosti idiolekta N. S. Leskova* [Features of the Idiolect of N. S. Leskov]. Moscow, Postator Publ., 2022. 462 p.
11. Ledeneva V. V., Simashko T. V. [Features of the Reflection of the Concept of "Woman" in the Lyrics of I. A. Bunin of the Period of "Romantic Realism"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2020, no. 4, pp. 15–25.
12. Mikheeva A. A. *Khudozhestvenno-stilisticheskie funktsii sredstv nominatsii i predikatsii v romane N. S. Leskova "Oboidennye": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Artistic and Stylistic Functions of the Means of Nomination and Predication in the Novel by N. S. Leskov "The Bypassed": Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2008. 17 p.
13. Myuller de Morog I. [Martha and Maria. The Image of an Ideal Woman in the Work of Leskov]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics], 1998, no. 5, pp. 442–453.

14. Ryabnicheva T. N. *Roľ sredstv predikatsii v sozdanii realisticheckoi dostovernosti prozy N. V. Gogolya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Role of Predication Tools in the Creation of Realistic Authenticity of N. V. Gogol's Prose: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2010. 19 p.
15. Fesenko E. Ya. [On the Issue of the Specifics of Women's Prose]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2022, no. 3, pp. 105–111.
16. Jiang Yu. [Displaying Short Happiness in a Tragic Life by Means of Nomination and Predication in the Essay "Lady Macbeth of the Mtsensk District" by N. S. Leskova]. In: *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2020, no. 1 (20), pp. 66–72.
17. Shchenina T. E. [Psychological Aspects of the Accused Woman in the Artistic Image (On the Example of the Work of N. S. Leskov)]. In: *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, parvo* [Culture: management, economics, law], 2009, no. 3, pp. 6–9.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цзян Юань – преподаватель русского языка Синьцзянского педагогического университета;
e-mail: 1173628093@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Jiang Yuan – Teacher of Russian, Xinjiang Normal University;
e-mail: 1173628093@qq.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Цзян Юань. Средства номинации и предикации как инструменты отражения трагической судьбы женщины в повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 82–92.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-82-92

FOR CITATION

Jiang Yuan. Means of Nomination and Predication as Tools for Reflecting the Tragic Fate of a Woman in N. S. Leskov's Story "The Life of a Woman". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 82–92.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-82-92

УДК: 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-93-101

ПОДСИСТЕМА ШИПЯЩИХ В КОСТРОМСКИХ И ПОШЕХОНСКИХ ГОВОРАХ НАЧАЛА XVII В. И ЕЁ ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ

Шатин В. Ю.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотрение подсистем шипящих согласных костромских и пошехонских говоров начала XVII в., а также их сравнение с ситуацией в современных севернорусских говорах на рассматриваемой территории (Кострома – Солигалич – Пошехонье – Ярославль).

Процедура и методы. Исследование Костромской отказной книги 1619–1634 гг. и Пошехонской отказной книги 1615–1650, 1653 гг. и сравнение полученных результатов с данными, представленными в Дialeктологическом атласе русского языка (ДАРЯ).

Результаты. Подсистемы шипящих в севернорусских костромских и пошехонских говорах, как оказалось, развивались каждая по-своему: костромской вариант развития с более ранним отверждением реализаций краткого <ш> привёл к расхождению в развитии долгих (сложных) шипящих и большей асимметрии рассматриваемой подсистемы, а относительно синхронное отверждение кратких шипящих в пошехонских говорах могло способствовать синхронности и параллелизму развития долгих (сложных) шипящих.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается во введении в научный оборот ранее не исследованного материала, который может быть использован в преподавании историко-лингвистических дисциплин.

Ключевые слова: историческая диалектология русского языка, историческая фонетика русского языка, костромские говоры, пошехонские говоры, русская деловая письменность, севернорусские говоры

SUBSYSTEM OF APICAL POSTALVEOLAR SIBILANT PHONEMES IN KOSTROMA AND POSHEKHONYE DIALECTS OF THE EARLY 17TH CENTURY AND ITS FURTHER DEVELOPMENT

V. Shatin

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. We consider the subsystems of apical postalveolar sibilant consonants in Kostroma and Poshekhonye dialects of the early 17th century and compare them with a situation in modern Northern Russian dialects in the territory under consideration (Kostroma – Soligalich – Poshekhonye – Yaroslavl).

Methodology. An assessment is presented of both Kostroma Registry book of 1619–1634 and Poshekhonye Registry book of 1615–1650 and 1653 and the results of this assessment are compared with the data presented in a Dialectological Atlas of the Russian Language.

Results. The subsystems of sibilants in North Russian Kostroma and Poshekhonye dialects, as it turned out, developed separately. A Kostroma way with an earlier velarization of short phoneme /s/ realizations led to a divergence in long (complex) sibilants development and to a greater asymmetry of the considered subsystem. Relatively synchronous velarization of both short sibilants in Poshekhonye dialects could contribute to the synchronism and parallelism of the long (complex) sibilants development in the Poshekhonye system.

Research implications. An introduction into scientific circulation of previously unexplored material can be used in teaching historical and linguistic disciplines.

Keywords: historical dialectology of the Russian language, historical phonetics of the Russian language, Kostroma dialects, Poshekhonye dialects, Russian business style documents, Northern Russian dialects

Введение

Рассмотрение вопроса о шипящих согласных делится на две взаимосвязанные части: судьба фонем <ш> и <ж> и судьба долгих (или сложных) шипящих фонем. В обоих случаях мы будем двигаться от обнаруженных в рукописях примеров к данным современной диалектологии.

Материалом исследования послужили Костромская отказная книга 1619–1634 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086. Исследованы лл. 1–948 об. Далее – **Костр.**) и Пошехонская отказная книга 1615–1650, 1653 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 12540. Исследованы лл. 1–438 об. Далее – **Пош.**).

Для начала рассмотрим имевшиеся у писцов возможности отражения мягкости шипящих или же их отвердения, а также решим, какой из возможных трактовок обнаруженных написаний мы будем придерживаться.

С. И. Котков полагал, что сочетания **жя**, **жю** и **شيا**, **шю** отражают мягкость реализаций фонем <ж> и <ш> и имеют фонетическое значение. За написаниями **жа**, **жу** и **ша**, **шу** он фонетической значимости не признавал, т. к. они использовались в ту эпоху, когда мягкость шипящих была сплошной. Неоспоримо свидетельствующими о твёрдом характере шипящих С. И. Котков считал сочетания **жы** и **шы**, а написаний с буквами **ъ** и **ь** не рассматривал вовсе, т. к. придерживался следующей точки зрения: в скорописи XVI–XVII вв. у букв **ъ** и **ь** были совпадающие графические варианты [5, с. 105–107]. Последнее замечание имеет значение также и для нас:

в дальнейшем при приведении примеров мы в случае невозможности уверенной идентификации буквы будем использовать символ **h**.

Следует отметить, что и Л. Ф. Копосов, исследовавший севернорусскую деловую письменность, считает написания **шю**, **شيا**, **жю** и **жя** отражающими реликтовую мягкость [4, с. 114–115].

Г. А. Хабургаев, отчасти полемизируя с С. И. Котковым, приписывал фонетическую значимость лишь написаниям **жы** и **шы**, тогда как сочетания **жя**, **жю**, **شيا**, **шю** считал традиционными и ни о чём не свидетельствующими [7, с. 175].

Мы склонны принять точку зрения С. И. Коткова, и, таким образом, интересоваться нас будут и написания, отражающие реликтовую мягкость (**шю**, **شيا**, **жю** и **жя**), и написания, безоговорочно свидетельствующие об отвердении (**шы** и **жы**). Однако последние по причине их нетрадиционности будут при трактовке обнаруженных примеров иметь больший вес.

О качестве долгих (сложных) шипящих выводы можно делать на основании следующих написаний: для глухого коррелята диагностическими являются сочетания **щя**, **щю** и **щы**, замены **щ** на **шш** и взаимная мена в паре **ш** – **щ**; для звонкого, в свою очередь, существенны написания с сочетаниями **зжя**, **зжю**, **зжя**, **зжю**, **зжы**, **зжы** и с буквой **ж** на месте долгого звонкого шипящего (если удалось установить качество краткого звонкого шипящего), а также написания с сочетаниями **жд** и **ждж** [2, с. 224].

Краткие шипящие в костромских говорах начала XVII в.

Обратимся к примерам, обнаруженным в **Костр.**

В исследованной рукописи нам встретилось лишь одно написание, свидетельствующее о твёрдости <ж>: *приложы*¹ 213.

Написания, указывающие на мягкость <ж>: *жжюребем*¹ instr. sg. 598; *жюко*^в nom. sg. 138; *жюкь* nom. sg. 144 об.; *жюлебина* gen. sg. 308 об.; *жябина* gen. sg. 305 об., 306.

Написания, отражающие твёрдость <ш>: *кашыны*^х gen. pl. 75 об.; *паш^тряш^дшы* gen. sg. 121 х2; *пустошы* gen. sg. 344.

Встретились в **Костр.** и примеры, свидетельствующие о мягкости <ш>: *мишю^тнино* nom. sg. 641 об.; *ошянина* gen. sg. 305 об.; *ошянину* dat. sg. 306, 307 об.; *пустошя^х* loc. pl. 266, 454; *шювалова* gen. sg. 723; *шю^тгино* nom. sg. 148 об.; *шюми^тко* nom. sg. 135 об.; *шюрина* gen. sg. 282 об., 283 об.; *шюхомаскою* loc. sg. п. р. 107 об.; *шюхомъшьскою* loc. sg. 151 об.; *шя^тков'ке* loc. sg. 165; *шяче²* dat. sg. 452 об.; *шяче* loc. sg. 453 об., 454 об.; *шячи* gen. sg. 455; *шячь* loc. sg. 265 об.; *шябиново³* nom. sg. 265 об.

Многие из приведённых примеров особенно показательны, т. к., не имея традиционного орфографического облика, записывались определённо со слуха. Случаи мены **ш** и **щ**, обнаруженные в **Костр.** в небольшом количестве, будут приведены далее.

По данным Диалектологического атласа русского языка⁴, в районе Костромы мягкие и полумягкие реализации рассматриваемых шипящих сейчас представлены шестью небольшими островами, расположенными севернее Костромы, западнее, юго-западнее и южнее Галича и двумя рядом с Солигаличем. Число примеров здесь редко превышает десять, а мягкие шипящие звуки [ш'], [ж'], [ш^х], [з'] представле-

ны преимущественно перед парными мягкими согласными и [j] или перед гласными переднего ряда.

Таким образом, отверждение шипящих в костромских говорах начала XVII в. было очень непоследовательным (примеры с сочетаниями **шы** и **жы** крайне немногочисленны), но уже несомненно началось. Причём глухой коррелят, если судить по несколько большему числу примеров, отражающих его твёрдость, отвердевал, по всей видимости, быстрее.

О том, что в некоторых рукописях при отражении отверждения <ж'> сохранение мягкости <ш'> прослеживается до XVII в., пишет в своей «Истории русского языка» В. В. Колесов⁵. Краткие шипящие в говорах, таким образом, действительно могли отвердевать с разной скоростью.

Краткие шипящие в пошехонских говорах начала XVII в.

Теперь обратимся к примерам, обнаруженным в **Пош.**

Написания, свидетельствующие о твёрдости <ж>: *приложы*¹ п. р. 130, п. р. 130 об.; *ржы* gen. sg. 85.

Единственное написание, отражающее мягкость <ж>: *промежю* 41.

Написания, отражающие твёрдость <ш>: *починокь демешыха* 420; *по полу пустошы* 420 об.; *пустошы* gen. sg. 418 х2, 418 об. х3, 419.

Пример, свидетельствующий о мягкости <ш>, встретился в **Пош.** лишь один: *с щюриномъ* 99. Чистым его назвать нельзя, поскольку на выбор писцом буквы гласного могла повлиять замена **ш** на **щ** и выучка.

Число примеров, отражающих твёрдость реализаций рассматриваемых кратких шипящих фонем, в **Пош.**, несмотря на вдвое меньший объём материала, вдвое больше: пять в **Костр.** против одиннадцати в **Пош.**

В настоящее время в районе Пошехонья мягкие и полумягкие реализации <ш> и

¹ В данном случае следует предполагать лабиализацию и повышение подъёма безударного гласного, что, однако, не мешает усматривать здесь отражение мягкости предшествующего звонкого шипящего.

² Река Шача.

³ Топоним, название пустоши.

⁴ Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986. С. 63.

⁵ Колесов В. В. История русского языка: учебное пособие. М.: Academia, 2005. С. 155.

<ж>, по данным ДАРЯ¹, представлены тремя островами: самый компактный из них (мягкость преимущественно перед гласными переднего ряда) расположен к юго-востоку от города; второй по величине (мягкость преимущественно перед парными мягкими согласными и [j]) лежит к востоку от Пошехонья; третий же (самый крупный, мягкость независимо от позиции, порой более десяти примеров) растянулся по направлению к Вологде.

Можно сделать вывод, что отверждение реализаций <ш> и <ж> в пошехонских говорах начала XVII в. было более последовательным и параллельным, чем в костромских того же времени. Данная тенденция в пошехонских говорах, если сравнить ситуацию с соседней костромской, сохраняется и сегодня.

Долгие (сложные) шипящие

Перейдём к долгим (сложным) шипящим. Р. И. Аванесов писал, что их реализации по говорам могут быть очень разнообразны и являются следствием различных стадий одного процесса, которому подверглись исходные мягкие сочетания [ш'т'ш'] и [ж'д'ж'] (с аффрикатой во второй части), которые в ряде говоров представлены и сейчас. В результате ослабления смычки и последующей её утраты появлялись звуки [ш'ш'] и [ж'ж'], имевшие тенденцию к отверждению и последующему превращению в твёрдые [шш] и [жж]. Данное направление изменения рассматриваемых сочетаний, широко представленное в русских говорах, Р. И. Аванесов называет основным [1, с. 127].

Но имеется также и два побочных пути развития: во-первых, в исходном звуковом комплексе мог ослабляться конечный фрикативный элемент (в ряде говоров он мог и вовсе исчезать), и тогда возникали сочетания типа [ш'т'] и [ж'д'], свойственные, к примеру, некоторым говорам Вологодской области; во-вторых, исходные сочетания могли

отвердевать, и тогда появлялись звуковые комплексы типа [шч] и [ждж] – такая реализация свойственна, например, олонецким и вологодским говорам [1, с. 126–127].

Долгие (сложные) шипящие в костромских говорах начала XVII в.

Число обнаруженных в **Костр.** замен **ш** на **щ** очень велико (здесь и далее речь идёт лишь о примерах в почерках с последовательным различием **ш** и **щ**), поэтому мы приведём далеко не все из них: *бо^лщи^м* instr. sg. 909; *бо^лщое* nom. sg. 908 об.; *е^р-щова* gen. sg. 196 об.; *иващ^ко* nom. sg. 434; *нащ^е* gen. sg. 69 об.; *о^нд^рюща* nom. sg. 126; *нащ^енаго* gen. sg. 804 x4, 806 x2; *нащ^ено^е* gen. sg. 476, 907 об.; *нащ^и* gen. sg. 441; *на^ш-ню* acc. sg. 423 об., 440 об.; *пустоща^х* loc. pl. 129, 825; *ну^стоще^у* gen. pl. 397 об., 906, 937; *пустощи* gen. sg. 75, 441, 855; *пустощи* loc. sg. 441 об.; *тутощ^иними* instr. pl. 436 о.; *ще^здеся^т* nom. sg. 441; *щест^ь* nom. sg. 397, 413 об., 470; *ще^стьнаца^т* acc. sg. 786 об.; *ще^стьнаце^т* nom. sg. 396; *щуми^лка* nom. sg. 217; *щурино^м* instr. sg. 896 и др.

Но в **Костр.** имеются также и многочисленные обратные замены **щ** на **ш**: *ем^шшиково* nom. sg. так в ркп. «ямшиково» 920 об.; *заими^ш* gen. pl. 349; *заимише* nom. sg. 824 об.; *о^тмкаши^к* nom. sg. п. р. 290; *пом^тшико^в* nom. sg. 941 об. x2; *пом^тшиково* nom. sg. 940 об.; *пом^тшиковы* gen. sg. 941 об.; *прикаши^к* nom. sg. п. р. 118, п. р. 835–837; *при\каши^к* nom. sg. п. р. 80–81; *прикаш^ь* nom. sg. п. р. 471; *про^звише* nom. sg. 831; *ро^зде^лши^к* nom. sg. п. р. 896–898; *сели^ш* gen. pl. 801, 909 об. и др.

Взаимная мена в паре **ш** – **щ** свидетельствует о близости в произношении нормального краткого и, по всей видимости, долгого шипящего.

Имеется также и ещё один тип буквенных замен, обнаруженных в **Костр.** и указывающих на долгий характер шипящих.

Замены **щ** на **шш**: *пом^шшиковы* gen. sg. 755 об.

Замены **щ** на **шщ**: *колоди^шще* nom. sg. 423; *на^шще^наго* gen. sg. 805; *прика^шши^к* nom. sg. 429, 768 об.; *прика^ш-*

¹ Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986. С. 63.

щикъ ном. sg. 865 об.; *пусто^шщи^ш* асс. pl. 782 об.; *ро^шщи* gen. sg. 467, 472; *усади^шщу* dat. sg. 100, 804 x2, 804 об.; *усади^шще* асс. sg. 806; *хмели^шцава* ном. sg. 470 об.

Замены **щ** на **шш**: *паи^ше^шнага* gen. sg. 805.

Но в **Костр.** встретилось также и небольшое число замен, которые можно трактовать как отражение сложного глухого шипящего.

Замены **щ** на **шч** (здесь мы наблюдаем также мену в паре **ш-щ**): *ро^шщи* gen. sg. 291 об.

Замены **щ** на **щч**: *ро^шщи* ном. pl. 292 об.

Появившийся в результате ассимиляции звуковой комплекс [ш'ч'] можно предполагать в следующем примере: *ще^шве^ртию* instr. sg. 100 об. Здесь, однако, могло произойти и упрощение исходного кластера: [сч'] → [ш'ч'] → [ш'ш']. Данное написание, таким образом, нельзя считать безоговорочно свидетельствующим о сложном характере реализации рассматриваемой фонемы.

Отдельно выделим следующий пример, за которым, по всей видимости, стоит комплекс звуков [ш'т']: *ш^шщи* так в ркп. «шести» dat. sg. 98 об., – и где вряд ли можно предполагать упрощение [ш'т'] → [ш'ш']. Форма дательного падежа *шти*, появившаяся в результате редукции гласного в корне и упрощения группы согласных, зафиксирована в памятниках XVII в., происходящих с различных территорий [3, с. 195].

Хотя число примеров и не велико, но следует отметить, что в рассматриваемых костромских говорах XVII в. сложные реализации глухого шипящего, так или иначе, присутствовали.

Большинство же замен, поскольку смешение букв **ш** и **щ** очевидно, позволяет предполагать именно долгий, а не сложный характер рассматриваемого звука, чьи реализации по длительности могли, вероятно, приближаться к реализациям нормально краткого <ш>.

Написаний, свидетельствующих о мягкости рассматриваемого согласного, в **Костр.** обнаружено не было, но к ним можно отнести случаи смешения **ш** и **щ**, ведь реализации <ш> в костромских говорах

XVII в., как мы выяснили, реликтивно сохраняли мягкость.

Встретились, однако, написания, свидетельствующие о твёрдости рассматриваемого согласного: *нищы^х* gen. pl. 135; *помъщыко^б* ном. sg. 323 об.; *прика^зщык^х* ном. sg. 267 x3, 267 об., 321 x2; *прика^зщыки* instr. pl. 325; *рощы* gen. sg. 322, 324.

Перейдём к звонкому корреляту. В **Костр.** нам встретились лишь примеры, свидетельствующие о его долготе.

Написания с **ж** на месте долгого звонкого шипящего: *дожда^л* 73; *дожда^л* 710 об.; *недожда^я* 639 x2; *порожи^х* gen. pl. 708 об.; *приежа^л* 431, 432; *приежа^л* 596, 655.

Написания с **жж** на месте долгого звонкого шипящего: *дое^жжа^л* 719 об.

Примеров, которые могли бы свидетельствовать о твёрдости либо мягкости рассматриваемого согласного, а также о его сложности, в **Костр.** обнаружено не было, но и в данном случае не следует забывать о наличии мягких реализаций <ж>.

Картина, представленная в ДАРЯ¹ и отражающая ситуацию на территории к северо-востоку от Костромы, является достаточно пёстрой, но основные тенденции здесь таковы: при продвижении на северо-восток заметно увеличивается территория, на которой представлена исключительно реализация [шш], с которой на большей части остальной территории примерно на равных сосуществует реализация [ш'ш'], более характерная для ареалов в районе Углича и Вологды. За этими двумя вариантами следует реализация [шч], представленная небольшими разрозненными ареалами в районе самой Костромы, а также на северо-востоке в районе Солигалича, но всегда сосуществующая с долгими реализациями.

О качестве звонкого коррелята по данным ДАРЯ² можно сказать следующее: преобладает реализация [жж], однако ареалов, на которых она сосуществует с [ж'ж'], здесь на порядок меньше. В районе Солигалича и

¹ Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986. С. 48.

² Там же. С. 52.

Чухломы есть достаточно обширный ареал, на котором с двумя упомянутыми реализациями, сосуществует также и реализация [ждж], однако он разрежен другими незначительными вкраплениями и не представляет собой цельного острова.

По данным коллективной монографии [6, с. 302, 303, 306], характерной особенностью консонантизма говоров костромской группы является произношение именно долгих шипящих фонем. Долгие мягкие реализации ([ж'ж'] и [ш'ш']) более распространены на западе ареала, сложные же реализации ([шт], [шч], [ш'ч'], [ж'д'] и [ждж]) присутствуют лишь в восточных и северных говорах группы, более близких к вологодским.

Таким образом, на основании данных исследованных текстов и современных говоров мы можем заключить, что рассматриваемые глухой и звонкий шипящие согласные в костромских говорах XVII в. были определённно долгими, хотя некоторое число сложных реализаций глухого согласного на интересующей нас территории присутствовать всё же могло. Их доля, судя по отсутствию в рукописи соответствующих примеров, а также по незначительности подобных реализаций на рассматриваемой территории в настоящее время, была, как кажется, крайне мала уже в XVII в.

В **Костр.** имеются лишь примеры, указывающие на твёрдость долгого глухого шипящего согласного. Учитывая меню букв **ш** и **щ** и наше предположение о реликтовой мягкости <ш>, мы можем предположить, что интересующий нас долгий глухой шипящий согласный мог быть остаточно мягким, однако его отверждение в XVII в. уже несомненно началось.

Картина, наблюдаемая в современных говорах, свидетельствует о том, что существенных изменений это звено фонетической системы костромских говоров не претерпело: уменьшилась лишь доля мягких долгих реализаций, в то время как окказиональные реализации, засвидетельствованные в памятниках деловой письменности, на рассматриваемой территории продолжают существовать.

То же самое можно сказать и о долгом звонком шипящем согласном, который, отражаясь в **Костр.** посредством буквы **ж**, мог быть в костромских говорах XVII в. мягким хотя бы реликтивно. В исследованной рукописи отсутствуют какие-либо указания на его твёрдость, а потому мы склонны предположить, что дальнейшее его отверждение и засвидетельствованное в современных костромских говорах опережение им на этом пути глухого коррелята произошло позднее и является, скорее всего, следствием общей закономерности разветвения этих двух согласных.

Долгие (сложные) шипящие в пошехонских говорах начала XVII в.

Обратимся к примерам из **Пош.** Замены **ш** на **щ** многочисленны и здесь: *ву щехо^Hскои воло^сти* 316; *гор^дюцка* nom. sg. 10; *грища* nom. sg. 84; *ивацко* nom. sg. 65; *ме^Hцое* nom.sg. 88; *ме^Hщ¹ое* nom. sg. 88 об.; *петрущи^H* nom. sg. 10; *пе^рвуцка* nom. sg. 36; *пустоца^M* dat. pl. 89 об. x2, 90 об.; *пустоца^x* loc. pl. 79 об., 89 об. x4, 90, 92; *пустоцеи* gen.pl. 239; *пустоци* nom. pl. 63 об.; *пустоц^ии* gen. sg. 37; *ще^сть* nom.sg. 139; *щубина* gen. sg. 139 об.; *щумило* 130 об.

Имеются в **Пош.** и обратные замены **щ** на **ш**: *б(о)г^д(а)цко* nom. sg. 15; *боя^рши^Hскому* dat. sg. 160 об.; *голеннишева* gen. sg. 46 об., 49 об. x2; *голеннишеву* dat. sg. 50; *зимише* nom. sg. 309; *от^ткаши^K* nom. sg. п. р. 172, 308; *помт^ьшико^б* nom. sg. 204 об.; *помт^ьшико^б* gen. pl. 47; *росы^лшик^ь* nom. sg. 70 об., 187; *сवेशеника* gen. sg. 46 об., 50; *свяше^Hству* dat.sg. 52 об.; *шеко^лдина²* gen. sg. 187 об. x2; *ш³е^Hково* nom. sg. 27.

Смешение букв **ш** и **щ** несомненно и в данном случае. Таким образом, можно предполагать, что в начале XVII в. глухой коррелят и в пошехонских говорах не был сложным и мог по длительности приближаться к реализациям <ш>. Примечательно, что в **Пош.** нам не встретилось ни одного примера, который мож-

¹ Исправлено на **ш**.

² Ср. *щeko^лдина* gen. sg. 188.

³ Исправлено на **щ**.

но было бы трактовать как отражение сложной реализации.

В **Пош.** встретились три написания, которые могли бы свидетельствовать о мягкости рассматриваемого согласного: *городиция* gen. sg. 391; *горо^диция* gen. sg. 390; *живущую* acc. sg. 172.

Имеются также и три примера, свидетельствующие о его твёрдости: *помтыцько*^В nom. sg. 417 об., 418 об. и *помтыцьцы*^Н nom. sg. 299 об. Не следует в данном случае забывать также и о предполагаемом более последовательном отвердении <ш> в пошехонских говорах начала XVII в. и многочисленных менах в паре **ш** – **щ**.

Мы, таким образом, склонны предположить, что глухой шипящий в пошехонских говорах XVII в. был несомненно долгим и уже начинал отвердевать.

Перейдём к звонкому корреляту. В **Пош.** встретились следующие примеры.

Написания с **ж** на месте долгого звонкого шипящего: *выжена* nom. sg. 12; *наъже*^Ю instr. sg. 33 об.; *прежали* так в рукописи «приезжали» 208 об.; *прежа*^Л 207; *приежа*^Л 212, 324; *притьже*^В nom. sg. 12 об.; *притьжи*^М instr. sg. 18 об.

Написания с **жж** на месте долгого звонкого шипящего: *прие^{жж}жа*^Л 38.

В **Пош.** был также обнаружен один пример, свидетельствующий о наличии в пошехонских говорах начала XVII в. сложных реализаций рассматриваемой фонемы и отражающий также и мягкость хотя бы отдельных реализаций данного согласного: *прие^{жж}дял* 141. Примеров же, отражающих его твёрдость, обнаружено не было вовсе, но в данном случае следует иметь в виду уже упоминавшееся отверждение реализаций <ж> в пошехонских говорах.

В окрестностях Пошехонья, по данным ДАРЯ², реализация [ш'ш'] сосуществует с [шш] практически на всей территории, но на севере мягкая реализация исчезает вовсе. Отдельными раздробленными ареала-

ми представлены и сложные реализации (мягкие и твёрдые) рассматриваемой фонемы, однако везде лишь на фоне преобладающих долгих.

О качестве звонкого коррелята в современных пошехонских говорах можно, основываясь на данных ДАРЯ³, сказать следующее: в северной части интересующей нас территории преобладает [жж], в то время как на юге [ж'ж'] всегда сосуществует с твёрдой долгой реализацией. В центре имеются также четыре ареала с различными (твёрдыми и мягкими) сложными реализациями рассматриваемой фонемы, однако представлены они исключительно на фоне долгих, и доля их крайне незначительна.

В коллективной монографии [6, с. 302, 303, 306] о пошехонских говорах как таковых информации нет, территория их распространения трактуется как северо-западная часть костромских говоров, об особенностях консонантизма которых уже было сказано выше.

Примеры, обнаруженные в **Пош.** показывают, что в пошехонских говорах начала XVII в. глухой коррелят был определённо долгим и уже начинал утрачивать мягкость. Сложные реализации глухого коррелята, в настоящее время представленные на интересующей нас территории, в исследованной отказной книге отражения не нашли. Можно предположить, что их доля в основном массиве пошехонских говоров всегда была крайне незначительной.

Звонкий коррелят (как и в случае с краткими шипящими в пошехонских говорах) развивался параллельно с глухим, но, как показывают примеры, мог несколько лучше сохранять окказиональные сложные реализации, которые могли быть также и мягкими.

Дальнейшее развитие глухого и звонкого коррелятов в пошехонских говорах было следующим: усиливались тенденции, нашедшие отражение в исследованной отказной книге (отверждение), но окказиональные (мягкие и сложные) реализации на рассматриваемой территории сохранились и по сей день.

¹ Стандартная описка под влиянием буквы гласного следующего слога.

² Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986. С. 48.

³ Там же. С. 52.

Заключение

Сгруппировав результаты по территориям (Кострома и Пошехонье) и типам фонем (краткие и долгие либо сложные), мы можем прийти к следующим выводам.

– Отверждение кратких шипящих в костромских говорах начала XVII в. было чрезвычайно непоследовательным (либо же только начиналось). Отверждение реализаций фонемы <ш> опережало, по всей видимости, отверждение реализаций <ж>. Остаточная мягкость кратких шипящих в костромских говорах сохраняется и по сей день, но зачастую этому способствует положение перед следующим мягким согласным или гласным переднего ряда.

– В пошехонских говорах начала XVII в. отверждение реализаций <ш> и <ж> было более последовательным и синхронным, чем в костромских, что справедливо и для ситуации в современных говорах на данной территории. И здесь на сохранение мягкости влияет положение перед следующим мягким согласным либо гласным переднего ряда.

– В костромских говорах XVII в. глухой и звонкий шипящие согласные были определённо долгими, но некоторое число сложных реализаций глухого коррелята в них всё же должно было присутствовать, что можно видеть и в современных костромских говорах, неплохо сохранивших их в сосуществовании с долгими. Сложные реализации звонкого коррелята, судя по отсутствию примеров, способных свидетельствовать о них, в **Костр.** и незначительному их числу в современных костромских говорах, вряд ли были широко распространены на данной территории в начале XVII в. Глухой коррелят, так же как и звонкий, сохранял мягкость (хотя бы и реликтивно). Дальнейшее отверждение звон-

кого коррелята и засвидетельствованное в современных костромских говорах опережение им на этом пути глухого произошло, как кажется, позднее. В костромских говорах, таким образом, уменьшилась доля мягких долгих реализаций обоих коррелятов (в особенности звонкого), в то время как окказиональные сложные реализации (в особенности глухого) продолжают существовать на рассматриваемой территории и сейчас.

– В пошехонских говорах начала XVII в. глухой коррелят был определённо долгим и начинал утрачивать мягкость. Сложные реализации, если судить по современной ситуации в пошехонских говорах, должны были сохраняться, однако доля их, как кажется, всегда была крайне незначительной. Звонкий коррелят развивался параллельно с глухим, но несколько лучше сохранял окказиональные сложные и мягкие реализации. Впоследствии в пошехонских говорах лишь усиливались тенденции, нашедшие отражение в исследованной отказной книге (распространение отверждения и исчезновение сложных реализаций), однако отдельные окказиональные реализации на рассматриваемой территории сохранились и по сей день.

– Таким образом, в пошехонской системе, где краткие шипящие отвердевали относительно синхронно, они могли тем самым способствовать синхронности и параллелизму развития долгих (сложных) шипящих. Костромской вариант развития с более ранним отверждением реализаций краткого <ш> привёл, в свою очередь, к расхождению в развитии также и долгих (сложных) шипящих и, как следствие, большей асимметрии рассматриваемой подсистемы.

Статья поступила в редакцию 11.08.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1949. 335 с.
2. Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Московский университет, 2002. 271 с.
3. Галинская Е. А. Склонение количественных числительных в псковском диалекте первой половины XVII в. // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 187–203.

4. Копосов Л. Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М.: Московский педагогический университет, 2000. 287 с.
5. Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: фонетика и морфология. М.: Издательство АН СССР, 1963. 234 с.
6. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии) / отв. ред. В. Г. Орлова. М.: Наука, 1970. 476 с.
7. Хабургаев Г. А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (Консонантизм) // Учёные записки Московского областного педагогического института. 1967. Т. 204. Вып. 14. С. 167–183.

REFERENCES

1. Avanesov R. I. *Ocherki russkoi dialektologii. Ch. 1* [Essays on Russian Dialectology. Pt. 1]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1949. 335 p.
2. Galinskaya E. A. *Istoricheskaya fonetika russkikh dialektov v lingvogeograficheskom aspekte* [Historical Phonetics of Russian Dialects in the Linguo-Geographical Aspect]. Moscow, Moscow University Publ., 2002. 271 p.
3. Galinskaya E. A. [Declension of Cardinal Numbers in the Pskov Dialect of the First Half of the 17th Century]. In: *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language in Scientific Coverage], 2011, no. 2 (22), pp. 187–203.
4. Kopusov L. F. *Severnorusskaya delovaya pis'mennost' XVII–XVIII vv. (orfografiya, fonetika, morfologiya)* [North Russian Business Writing of the 17th–18th Centuries (Spelling, Phonetics, Morphology)]. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 2000. 287 p.
5. Kotkov S. I. *Yuzhnovelikorusskoe narechie v XVII stoletii: fonetika i morfologiya* [South Great Russian Dialect in the 17th Century: Phonetics and Morphology]. Moscow, AS USSR Publ., 1963. 234 p.
6. Orlova V. G., ed. *Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov (po materialam lingvisticheskoi geografii)* [Formation of the North Russian Dialect and Central Russian Dialects (Based on Materials of Linguistic Geography)]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 476 p.
7. Khaburgaev G. A. [Notes on the Historical Phonetics of the South Great Russian Dialect: (Consonantism)]. In: *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific Notes of the Moscow Regional Pedagogical Institute], 1967, vol. 204, no. 14, pp. 167–183.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шатин Владимир Юрьевич – преподаватель кафедры русского языка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: vl.shatin@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir Yu. Shatin – Lecturer, Department of the Russian Language, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: vl.shatin@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шатин В. Ю. Подсистема шипящих в костромских и пошехонских говорах начала XVII в. и её дальнейшее развитие // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 93–101.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-93-101

FOR CITATION

Shatin V. Yu. Subsystem of Apical Postalveolar Sibilant Phonemes in Kostroma and Poshekhonye Dialects of The Early 17th Century and Its Further Development. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 93–101.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-93-101

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.512. 162

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-102-110

АЗЕРБАЙДЖАНСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ И ВЗАИМОБОГАЩЕНИЕ ЛИТЕРАТУР

Алиев Н. Н.

*Фонд содействия экономическому развитию имени Байбакова Н. К.
119296, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 63/2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть азербайджанско-русские литературные связи с точки зрения взаимообогащения литератур в широком контексте социокультурной среды, в которой осуществляется деятельность личностей и групп людей в собственно культурной, научной и в других сферах.

Процедура и методы. В работе используются следующие методы: описательный, сравнительно-исторический, проблемного анализа социокультурных факторов и системный подход при их рассмотрении.

Результаты. В работе обобщён ряд сведений об азербайджанско-русских литературных связях, и наряду с этим приводятся новые и в целом систематизированные данные о социокультурных факторах, способствующих взаимодействию двух литератур. Новизна исследования заключается в комплексном освещении основных социокультурных факторов азербайджанско-русских литературных связей и их роли во взаимодействии литератур. Данная работа позволяет интегрировать традиционные направления взаимообогащения литератур, использовать современные организационные, технологические формы и способствует поиску перспективных направлений азербайджанско-русского литературного взаимодействия.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость проведённого исследования состоит в том, что оно расширяет представление об азербайджанско-русских литературных связях, обобщает и выделяет основные социокультурные факторы, влияющие на литературные контакты. Практическая значимость заключается в том, что социокультурные факторы могут рассматриваться как основные направления литературоведческого спецкурса азербайджанско-русских литературных связей, существенно обогащающих межкультурный обмен.

Ключевые слова: взаимообогащение литератур, литературные связи, личные контакты, переводческая деятельность, писатели, поэты, социокультурные факторы

AZERBAIJANI–RUSSIAN LITERARY RELATIONS: SOCIO-CULTURAL FACTORS AND MUTUAL ENRICHMENT OF LITERATURES

N. Aliev

*Fund for Assistance to Economic Development named after N. K. Baibakov
prosp. Leninsky 63/2, Moscow 119296, Russian Federation*

Abstract

Aim. We consider the Azerbaijani-Russian literary relations from the point of view of mutual enrichment of literatures in the broad context of the socio-cultural environment in which the activities of individuals and groups of people are carried out in the cultural, scientific and other spheres.

© CC BY Алиев Н. Н., 2023.

Methodology. The paper relies on the following methods: descriptive, comparative-historical, problem analysis of socio-cultural factors. Use is made of a systematic approach to their consideration.

Results. The paper summarizes information about Azerbaijani-Russian literary ties, and along with this, new and generally systematized data on sociocultural factors contributing to the interaction of the two literatures are presented. The novelty of the paper lies in the comprehensive coverage of the main socio-cultural factors of Azerbaijani-Russian literary ties and their role in the interaction of literatures. This work allows integrating the traditional directions of mutual enrichment of literatures, using modern organizational and technological forms and contributes to the search for promising areas of Azerbaijani-Russian literary interaction.

Research implications. The theoretical significance of the study is that it expands the idea of Azerbaijani-Russian literary ties, and generalizes and highlights the main socio-cultural factors affecting literary contacts. The practical significance lies in the fact that socio-cultural factors can be considered as the main directions of the literary special course of Azerbaijani-Russian literary relations, which significantly enrich the intercultural exchange.

Keywords: mutual enrichment of literatures, literary connections, personal contacts, translation activity, writers, poets, sociocultural factors

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что азербайджанско-русские литературные связи играют важную роль во взаимодействии двух литератур и культур. Данной проблематике, целому направлению в литературоведении посвящено множество работ [2; 4; 5; 6; 8; 9; 10; 12; 13; 14; 16; 17; 18; 19; 20 и др.]. В этих и других исследованиях рассматриваются в отдельности следующие вопросы азербайджанско-русских литературных связей: различные исторические периоды этих связей, взаимодействие литератур в прозе и поэзии, деятельность выдающихся представителей, внёсших вклад во взаимодействие азербайджанской и русской литератур, художественный перевод в двух направлениях, сравнительное литературоведение, личные контакты деятелей азербайджанской и русской литератур, культурологический контекст азербайджанско-русских литературных связей и другие аспекты.

В данной работе с использованием системного подхода выделяются основные социокультурные факторы, способствующие развитию азербайджанско-русских литературных связей. Показать их – главная задача работы.

Как показали аналитический обзор ряда исследований и обращение к ху-

дожественным произведениям, русская литература оказала заметное влияние на творчество азербайджанских прозаиков и поэтов; воздействие азербайджанской литературы, культуры на русскую литературу было взаимным. Этим процессам способствовали различные социокультурные факторы: обширные личные контакты поэтов и писателей обеих литератур, переводческая работа в области художественной и другой литературы в двух направлениях, самобытный феномен внушительного массива художественных произведений азербайджанских авторов, пишущих на русском языке, учёба литераторов и представителей других сфер деятельности в российских, советских учебных заведениях, а также функционирование культурных, научных и других структур в обеих странах.

Личные контакты поэтов и писателей Азербайджана и России. Русские поэты и писатели об Азербайджане

Баку, Азербайджан в своё время посетили Максим Горький, Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Роберт Рождественский, Константин Симонов и др.

Географическая близость азербайджанского и русского народов и исторические процессы, происходящие в русле

общего культурного взаимодействия, обусловили азербайджанско-русские литературные связи, взаимообогащение литератур.

Декабрист А. А. Бестужев-Марлинский настолько хорошо знал азербайджанский язык, что в тексте повести «Мулла-Нур» использовал выражения на азербайджанском языке в русской транслитерации, с переводом на русский язык в авторском повествовании, а также в тексте встречаются целые предложения на азербайджанском языке с переводом на русский во многих диалогах персонажей¹.

А. С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» использовал отдельные фразы «по-татарски», т. е. по-азербайджански (как известно из многих источников, в России в XIX в. азербайджанский язык называли татарским)².

Выдающийся российский лермонтовед Ираклий Андроников доказывает, что М. Ю. Лермонтов имел встречи с азербайджанским писателем-просветителем XIX в., философом-материалистом и общественным деятелем Мирза Фатали Ахундовым и именно со слов «учёного татарина Али» записал сюжет знаменитой сказки «Ашик-Кериб» [1, с. 133–145]. Такого же мнения придерживаются другие исследователи русско-азербайджанских литературных связей, считая, что под «Али» подразумевался Мирза Фатх-Али Ахундов.

М. Ю. Лермонтов в письме своему другу генералу С. А. Раевскому сообщил о том, что начал учиться по-татарски, т. е. по-азербайджански³.

Учёный, поэт и прозаик XIX в. Аббас-Кули-ага Бакиханов, владевший несколькими языками, находясь на военной

службе в русской армии, познакомился с видными деятелями культуры, находившимися в то время на Кавказе: с А. С. Грибоедовым, А. А. Бестужевым, Я. П. Полонским и др.

Поэт советского периода Алиага Вахид прославился лирическими стихами и жанром «мейхана» (песенно-речитативная импровизация, рождаемая в споре песенников-исполнителей друг с другом, некий аналог специфических частушек). Вероятно, его независимость и бесшабашность стали основой дружбы с близким ему по духу Сергеем Есениным. В 1924 г. Сергей Есенин прожил в пригороде Баку, в селении Мардакяны, где его по рекомендации Москвы поселили, опасаясь проявления неспокойного характера за границей, убедив в том, что это Персия, куда он пытался попасть. Здесь появились строки Сергея Есенина, посвящённые Баку.

Переводы русской литературы на азербайджанский язык и азербайджанской литературы на русский язык. Азербайджанские писатели, пишущие на русском языке

Литературное влияние А. С. Грибоедова нашло отклик в комедии драматурга, врача, впоследствии видного советского государственного деятеля Наримана Нариманова «Шамдан-бек» (1913), которая в первоначальной редакции называлась «Горе от языка» (1895).

Первые переводы А. С. Пушкина на азербайджанский язык относятся к 1830 гг. и принадлежат перу известного азербайджанского учёного-востоковеда, проф. Мирза Казем-Бека. Перевод «Бахчисарайского фонтана» был осуществлён им в 1835 г. под впечатлением от личной встречи с А. С. Пушкиным.

Известный азербайджанский советский поэт Самед Вургун писал, что его работа над переводом «Евгения Онегина» на азербайджанский язык помогла ему осуществить творческие замыслы, которые он в

¹ Бестужев-Марлинский А. А. Мулла-Нур. Быль / соч. А. Марлинского (А. А. Бестужева). 3-е изд. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1890. 239 с.

² Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум. Во время похода 1829 года. СПб.: В Типографии Главного Штаба Его Императорского Величества по Военно-Учебным Заведениям, 1855. С. 30.

³ Лермонтов М. Ю. Лермонтов – Раевскому С. А. (вторая половина ноября – начало декабря 1837 г. Из Тифлиса в Петрозаводск) [Электронный ресурс]. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/pisma/pismo-42.htm> (дата обращения: 08.11.2022).

дальнейшем реализовал в своих произведениях [11, с. 149–162].

В 1837 г. выдающийся азербайджанский поэт, писатель, просветитель, общественный деятель, полковник русской армии, основоположник современной азербайджанской прозы Мирза Фатали Ахундов написал «Восточную поэму на смерть Пушкина» и сам же сделал её перевод на русский язык в прозе. Его друг Александр Бестужев-Марлинский подготовил стихотворный перевод этой поэмы. Позже стихотворный перевод поэмы на русский язык представили Павел Антокольский, Александр Соколов и Георгий Строганов.

Во второй половине XIX в. осуществляются следующие переводы русской литературы на азербайджанский язык: поэзия А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова; проза и драматургия Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя в переводческом исполнении А. О. Черняевского, Г. Карадаги, М. А. Новраса, Р. Эфендиева, С. Гаджибекова, Ф. Кочарли, Дж. Унсиаде, М. Г. Эфендиева, С. М. Ганиаде и др.

В 1920–1930-е гг. с русского языка на азербайджанский язык были переведены произведения М. Горького, А. Фадеева, М. Шолохова, Ф. Гладкова, В. Маяковского и др., что, несомненно, стало вкладом в литературную сокровищницу Азербайджана.

С другой стороны, одним из наиболее заметных переводчиков азербайджанской лирики на русский язык был Константин Симонов. Всего в различных изданиях им было опубликовано свыше 70 произведений из азербайджанской поэзии: фольклорной, классической поэзии и современных ему авторов.

Имена целого ряда азербайджанских поэтов связаны с определёнными переводчиками. Например, стихи крупнейшего азербайджанского поэта-сатирика М. А. Сабира переводили на русский язык в середине 1930-х гг. Георгий Крейтан, Борис Серебряков, Григорий Строганов, Павел Антокольский, Михаил Светлов и в значительной степени Павел Панченко.

Поэтический сборник «Ветка чинары» (1988) охватил период с XI по XX вв., а составителями его в творческом, межкультурном тандеме были народный поэт Азербайджана Наби Хазри и поэт-переводчик Александр Лаврин [3, с. 427–438].

Из творческих деятелей современного Азербайджана, писавших на русском языке, большую известность получили кинодраматург Рустам Ибрагимбеков, по сценарию которого снят культовый фильм «Белое солнце пустыни», советский и азербайджанский писатель, кинодраматург, а также сценарист, в своё время президент общества «Азербайджан – Россия» Максуд Ибрагимбеков. Среди самых известных произведений Максуда Ибрагимбекова «За всё хорошее – смерть», «И не было лучше брата», «Кто поедет в Трускавец», на основе которого снят фильм, и др.

В детективном жанре особо популярен автор романов на русском языке, сюжеты которых основаны на фактах реальной действительности и жизненном опыте, Чингиз Абдуллаев. Поэту, драматургу Алиага Кюрчайлы принадлежат успешные переводы произведений Сергея Есенина на азербайджанский язык.

В советское время стали известны также русскоязычные произведения Имрана Касумова, Гасана Сеидбейли, Мансура Векилова, Натика Расулзаде, Льва Аскерова и др.

После распада СССР в Азербайджане появились и молодые азербайджанские русскоязычные писатели: Самит Алиев, Шахин Мургузов, Нателла Османли, Тамилла Ахундова, Бахтияр Мамедов, Ниджат Дадашов, Эль Тамилин, Ниджат Мамедов, Исмаил Сафарали и др. Традиция азербайджанской русскоязычной литературы продолжилась благодаря не только двуязычию, но и нередко многоязычию авторов прозы и поэзии. Современная русскоязычная азербайджанская литература оказалась в сфере совмещения богатых культурных традиций – российской, западной и восточной, – вызвав тем самым появление уникальных художественных произведений [15, с. 84–107].

Учёба азербайджанских литераторов в российских, советских учебных заведениях

Целый ряд азербайджанских писателей обучался в России, в СССР. Только Литературный институт имени А. М. Горького окончили следующие деятели азербайджанской литературы: Джабир Новруз, Наби Хазри, Мамед Араз, Фикрет Годжа, Халил Рза, – что, естественно, способствовало изучению русской литературы, развитию личных контактов, переводческой деятельности и взаимообогащению азербайджанской и русской культур.

Надо заметить, что среди азербайджанских литераторов были выпускники и нефилологических профилей российских и советских вузов. Так, например, Нариман Нариманов окончил медицинский факультет Новороссийского университета, Рустам Ибрагимбеков обучался в аспирантуре Института кибернетики АН СССР и т. д. Таким образом, образовательная подготовка к деятельности в различных областях представителей Азербайджана в России и Советском Союзе способствовала и способствует взаимодействию литературы и культур.

Однако нельзя не отметить, что наиболее яркими периодами взаимодействия азербайджанской и русской литератур были XIX–XX в., и в наибольшей степени, безусловно, советская эпоха. Косвенным подтверждением является снижение в последующие годы количества исследований, посвящённых этой теме. Вместе с тем эти связи в настоящее время не сошли на нет и в ряде случаев отразились в современных изданиях и организационных формах. Так, уникальным сборником на русском языке является книга «Звёздная гроздь. Фольклор и литературные памятники Азербайджана» в серии «Классика литератур СНГ», изданная в Москве¹. Не менее интересен сборник, название которого говорит само за себя: «Я не вечен, а ты на-

всегда: Русские поэты об Азербайджане. Поэты Азербайджана в русском слове»².

Изучение русской литературы и языка в Азербайджане. Функционирование различных гуманитарных структур в Москве и в Баку

Созданию условий для изучения русской литературы, культуры и расширению переводческой деятельности способствуют различные научные, образовательные и культурные структуры в Азербайджане и России.

Отдел литературных связей, открытый в 1961 г. в Институте языка и литературы имени Низами АН Азербайджанской ССР, действует и сегодня, сохраняя своё значение. В Национальном музее Азербайджанской литературы имени Низами Гянджеви успешно функционирует Центр русско-азербайджанских литературных связей имени С. А. Есенина. Свыше чем в 300 школах Азербайджана изучают русский язык, в Баку функционируют филиалы крупных российских вузов.

К современным организационным и технологическим формам взаимообогащения азербайджанской и русской литературы можно отнести и нижеследующие.

С одной стороны, Бакинский международный центр мультикультурализма в 2016 г. начал публикацию серии книг «Истоки азербайджанского мультикультурализма», главным редактором которой является доктор филологических наук, акад. Камал Абдулла [7, с. 387–389], в своё время окончивший аспирантуру Института языкознания АН ССР.

В Баку успешно реализует гуманитарные проекты Российский информационно-культурный центр – Представительство Россотрудничества с приоритетом обучения русскому языку, ознакомлению с русской культурой.

С другой стороны, в Москве активно функционирует павильон «Азербайджан»

¹ Звёздная гроздь. Фольклор и литературные памятники Азербайджана / сост. А. М. Багиров. М.: Художественная литература, 2009. 616 с.

² Я не вечен, а ты навсегда: Русские поэты об Азербайджане. Поэты Азербайджана в русском слове / сост. М. Синельников, И. Шкляревский. Баку: Азернешр, 2006. 160 с.

на ВДНХ, постоянно расширяя сферу своей культурной деятельности.

В Москве также плодотворную работу ведёт Центр изучения азербайджанского языка, литературы и культуры при МГЛУ. А в ведущих вузах России студенты из Азербайджана изучают русскую литературу, филологию.

Кроме того, определённый вклад в изучение азербайджанской литературы и культуры в России вносят общественные азербайджанские диаспорские структуры в различных регионах страны, когда проводят культурные мероприятия в Московском Доме национальностей и на других площадках.

Региональной национально-культурной автономией азербайджанцев Московской области по согласованию с руководством филологического факультета Российского университета дружбы народов была оформлена и открыта аудитория азербайджанской литературы имени поэта и мыслителя Низами Гянджеви. Ключевыми идеями концепции этого проекта, разработанной автором данной статьи, стали следующие: представление национальной литературы по историческим эпохам, а также индивидуальная информация о 40 выдающихся литераторах, заключённая по современной цифровой технологии в QR-кодах, и освещение азербайджанской литературы в широком контексте азербайджанской культуры в целом. Другими основными составляющими концепции этого проекта явились отражение азербайджанско-русских литературных связей как залог дружбы народов, ознакомление с некоторыми фактами проявления азербайджанской литературы в мировой культуре.

Заключение

Различные социокультурные факторы: личные контакты писателей и поэтов; переводческая деятельность в двух направлениях (с русского языка на азербайджанский и с азербайджанского языка на русский); богатое творчество на русском языке азербайджанских литераторов; обучение азербайджанской молодёжи в вузах России, функционирование различных культурных, образовательных, научных и других структур в Азербайджане и в России – способствуют взаимообогащению азербайджанской и русской литературы, культуры, а значит, и взаимопониманию народов.

Эвристическое наблюдение в сочетании со сравнительно-историческим методом анализа показывают, что в настоящее время проявляются две разные тенденции в рамках исследуемой проблематики.

С одной стороны, появилось больше форм взаимодействия азербайджанской и русской литератур. Это современные цифровые технологии (электронные каталоги литературы, различные электронные источники и средства обмена текстами, электронные переводчики и др.), которые облегчают профессиональные, творческие и личные контакты. Стали функционировать более разнообразные социокультурные гуманитарные структуры в Азербайджане и России.

А с другой стороны, активность взаимодействия азербайджанской и русской литератур за последнее тридцатилетие в целом уменьшилась. Можно предположить, что это объясняется сменой общественно-политических условий в обеих странах, так что необходимо время для постепенной социокультурной адаптации представителей литератур к новой исторической обстановке.

Освещённые в работе азербайджанско-русские литературные связи демонстрируют, что различные контакты, основанные на исторической и географической близости народов, способствуют их культурному взаимодействию. Дальнейшее развитие азербайджанско-русских литературных связей видится в сохранении традиционных направлений взаимодействия, в использовании современных организационных, технологических форм взаимообогащения и в поиске новых перспективных направлений азербайджанско-русских литературных контактов.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адыгезалов Г. В. Азербайджанские страницы творчества М. Ю. Лермонтова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (30). С. 133–145.
2. Ахундова Э. Г. Реализм Джалила Мамедкулизаде и опыт русской литературы XIX – начала XX века: (Проблемы сравнительной типологии). Баку: Язычы, 1988. 148 с.
3. Багиров А. М. История художественного перевода азербайджанской литературы на русский язык в контексте русско-азербайджанского культурного диалога // Преподаватель XXI век. 2017. № 3. С. 427–438.
4. Бакиханова Г. Этюды о Гудси: А. Бакиханов и его связи с передовыми представителями России первой половины XIX века. Баку: Язычы, 1984. 131 с.
5. Гаджиев А. Д. Этапы литературного братства. Из истории литературных связей России с Кавказом. Баку: Язычы, 1986. 234 с.
6. Гулиев Г. М. Традиции М. Ф. Ахундова и русская литература: критико-биографический очерк: к 200-летию великого азербайджанского классика. Баку: Нурлан, 2012. 147 с.
7. Жериборов Д. С. Азербайджанский мультикультурализм: литературно-художественные истоки // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 387–389.
8. Исмаилова А. М. Россия и Азербайджан. Векторы взаимоотношений (70-е годы XIX – начало XX вв.). М.: Директ-Медиа, 2014. 236 с.
9. Кафарова Э. М. Содружество литератур: Азербайджанская советская поэзия в русской критике. Баку: Гянджлик, 1972. 161 с.
10. Курбанов Ш. К. Этапы развития азербайджанско-русских литературных связей в XIX веке. М.: Наука, 1976. 303 с.
11. Мамедова Л. Р. Шихали Курбанов – видный специалист по азербайджанско-русским литературным связям // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2009. № 6. С. 149–162.
12. Новрузов Р. М. Художественный перевод и проблема взаимодействия, взаимообогащения литератур. Баку: Элм, 1990. 342 с.
13. Садыхов М. З. Писатели-декабристы и Азербайджан. Баку: Азернешр, 1967. 142 с.
14. Садыхов М. З. Русские писатели об Азербайджане: Русско-азербайджанские литературные связи первой трети XIX в. Баку: Гянджлик, 1970. 144 с.
15. Сорокина В. В. Русскоязычная проза Азербайджана начала XXI в. Литературные связи и художественные особенности // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 2. С. 84–107.
16. Талыбзаде К. А. Горький в Азербайджане. Баку: Элм, 1970. 234 с.
17. Турабов С. Ф. Азербайджан в русской поэзии. Баку: Азернешр, 1964. 130 с.
18. Фейзуллаева А. Г. Азербайджанские писатели в России: роль контактных связей в историческом развитии национальной литературы. Баку: Элм, 2006. 321 с.
19. Халил Рза. Литературные связи в драматургии. Роль литературных взаимоотношений в развитии азербайджанской и русской драматургии. Баку: Элм, 1987. 279 с.
20. Шарифли Т. М. В дружбе наша сила. Азербайджанско-русские литературные связи в послевоенный период. Баку: Гянджлик, 1972. 144 с.

REFERENCES

1. Adygezalov G. V. [Azerbaijan Pages of Creativity of M. Yu. Lermontov]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* [News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanitarian Sciences], 2014, no. 2 (30), pp. 133–145.
2. Akhundova E. G. *Realizm Dzhailila Mamedkulizade i opyt russkoi literatury XIX – nachala XX veka: (Problemy sravnitel'noi tipologii)* [The Realism of Jalil Mamedkulizade and the Experience of Russian Literature of the 19th – Early 20th Century: (Problems of Comparative Typology)]. Baku, Yazychy Publ., 1988. 148 p.
3. Bagirov A. M. [History of Literary Translation of Azerbaijani Literature into Russian in the Context of the Russian-Azerbaijani Cultural Dialogue]. In: *Prepodavatel' XXI vek* [Lecturer 21st century], 2017, no. 3, pp. 427–438.
4. Bakikhanova G. *Etyudy o Gudsi: A. Bakikhanov i ego svyazi s peredovymi predstavitelyami Rossii pervoi poloviny XIX veka* [Etudes about Goods: A. Bakikhanov and His Connections with the Leading Representatives of Russia in the First Half of the 19th Century]. Baku, Yazychy Publ., 1984. 131 p.

5. Gadzhiev A. D. *Etapy literaturnogo bratstva. Iz istorii literaturnykh svyazei Rossii s Kavkazom* [Stages of Literary Brotherhood. From the History of Literary Relations between Russia and the Caucasus]. Baku, Yazychy Publ., 1986. 234 p.
6. Guliev G. M. *Traditsii M. F. Akhundova i russkaya literatura: kritiko-biograficheskii ocherk: k 200-letiyu velikogo azerbaidzhanskogo klassika* [Traditions of M. F. Akhundov and Russian Literature: A Critical Biographical Essay: To the 200th Anniversary of the Great Azerbaijani Classic]. Baku, Nurlan Publ., 2012. 147 p.
7. Zheriborov D. S. [Azerbaijani Multiculturalism: Literary and Artistic Origins]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2016, no. 10 (58), pp. 387–389.
8. Ismailova A. M. *Rossiya i Azerbajdzhan. Vektory vzaimootnoshenii (70-e gody XIX – nachalo XX vv.)* [Russia and Azerbaijan. Vectors of Relationships (70s of the 19th – early 20th Centuries)]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 236 p.
9. Kafarova E. M. *Sodruzhestvo literatur: Azerbaidzhanskaya sovetskaya poeziya v russkoi kritike* [Commonwealth of Literature: Azerbaijani Soviet Poetry in Russian Criticism]. Baku, Gyandzhlik Publ., 1972. 161 p.
10. Kurbanov Sh. K. *Etapy razvitiya azerbaidzhansko-russkikh literaturnykh svyazei v XIX veke* [Stages of Development of Azerbaijani-Russian Literary Relations in the 19th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 303 p.
11. Mamedova L. R. [Shikhali Kurbanov as a Prominent Specialist in Azerbaijani-Russian Literary Relations]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 9: Philology], 2009, no. 6, pp. 149–162.
12. Novruzov R. M. *Khudozhestvennyi perevod i problema vzaimodeistviya, vzaimoobogashcheniya literatur* [Artistic Translation and the Problem of Interaction, Mutual Enrichment of Literatures]. Baku, Elm Publ., 1990. 342 p.
13. Sadykhov M. Z. *Pisateli-dekabristy i Azerbaidzhan* [Writers-Decembrists and Azerbaijan]. Baku, Azerneshr Publ., 1967. 142 p.
14. Sadyhov M. Z. *Russkie pisateli ob Azerbaidzhane: Russko-azerbaidzhanskii literaturnye svyazi pervoi treti XIX v.* [Russian Writers about Azerbaijan: Russian-Azerbaijani Literary Relations in the First Third of the 19th Century]. Baku, Gyandzhlik Publ., 1970. 144 p.
15. Sorokina V. V. [Russian-Language Prose of Azerbaijan at the Beginning of the 21st Century. Literary Connections and Artistic Features]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology], 2015, no. 2, pp. 84–107.
16. Talybzade K. A. *Gor'kii v Azerbaidzhane* [Gorky in Azerbaijan]. Baku, Elm Publ., 1970. 234 p.
17. Turabov S. F. *Azerbaidzhan v russkoi poezii* [Azerbaijan in Russian Poetry]. Baku, Azerneshr Publ., 1964. 130 p.
18. Feizullaeva A. G. *Azerbaidzhanskii pisateli v Rossii: rol' kontaknykh svyazei v istoricheskom razvitii natsional'noi literatury* [Azerbaijani Writers in Russia: The Role of Contact Ties in the Historical Development of National Literature]. Baku, Elm Publ., 2006. 321 p.
19. Khalil Rza. *Literaturnye svyazi v dramaturgii. Rol' literaturnykh vzaimootnoshenii v razvitii azerbaidzhanskoi i russkoi dramaturgii* [Literary Connections in Dramaturgy. The Role of Literary Relationships in the Development of Azerbaijani and Russian Dramaturgy]. Baku, Elm Publ., 1987. 279 p.
20. Sharifli T. M. *V druzhbe nasha sila. Azerbaidzhansko-russkie literaturnye svyazi v poslevoennyi period* [Friendship is our Strength. Azerbaijani-Russian Literary Relations in the Post-War Period]. Baku, Gyandzhlik Publ., 1972. 144 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алиев Низами Назимович – доктор педагогических наук, член-корреспондент Российской Академии естественных наук, советник Председателя Правления Фонда содействия экономическому развитию имени Байбакова Н. К.;
e-mail: alievnn55@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nizami N. Aliev – Dr. Sci. (Pedagogy), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Advisor to the Chairman of the Management Board, Fund for Assistance to Economic Development named after N. K. Baibakov;
e-mail: alievnn55@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алиев Н. Н. Азербайджанско-русские литературные связи: социокультурные факторы и взаимобогащение литератур // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 102–110.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-102-110

FOR CITATION

Aliev N. N. Azerbaijani-Russian Literary Relations: Socio-Cultural Factors and Mutual Enrichment of Literatures. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 102–110.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-102-110

УДК 82.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-111-117

«БАРСУКИ» ЛЕониДА ЛЕОНОВА: АВТОР ПРОТИВ УСЛОВНОГО ОБРАЗА ПИСАТЕЛЯ

Заваров Д. В.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование рассудочного, «идейного» начала, за которое отвечает «писатель Леонов», и обобщённого, включающего интуитивные, эмоциональные проявления, носителем которых выступает «Леонов автор», в дебютном романе Л. М. Леонова «Барсуки».

Процедура и методы. «Писатель», действующий в системе координат литературного поля, поневоле вступает в противоречие с «автором», стремящимся «рассказать историю» без узких смысловых и морально-этических надстроек. Эти противоречия во взаимоотношениях *писатель / автор* ярко проявились в первом крупном романе Леонова, в чём убеждает проведённый анализ. Используются текстологический, культурно-исторический и герменевтический методы исследования.

Результаты. Результатом работы стало раскрытие ключевых особенностей системы взаимоотношений между автором и образом писателя в творчестве Л. М. Леонова, что имеет принципиальное значение для понимания его художественного метода.

Теоретическая и/или практическая значимость. Использование концепции «литературного поля» позволило по-новому взглянуть на поэтику повествования Л. М. Леонова и осмыслить характерные особенности его творческой манеры.

Ключевые слова: имплицитный автор, Леонид Леонов, литературное поле, образ писателя, роман «Барсуки», творческая манера, художественный метод

LEONID LEONOV'S "BADGERS": THE AUTHOR IS AGAINST THE CONDITIONAL IMAGE OF THE WRITER

D. Zavarov*State University of Education**ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. We study the rational ideological principle, for which the “writer-Leonov” is responsible, and the generalized principle, including intuitive emotional manifestations, the carrier of which is “Leonov-author”, in L. M. Leonov’s debut novel “Badgers”.

Methodology. A “writer” acting in the coordinate system of the literary field inevitably comes into conflict with the “author” who seeks to “tell a story”, without narrow semantic and moral and ethical superstructures. The performed analysis shows that these contradictions in the writer / author relationship are clearly manifested in Leonov’s first major novel. Textual, cultural-historical and hermeneutic methods of research are used.

Results. The result of the work is the disclosure of the key features of the system of relationships between the author and the image of the writer in the work of L. M. Leonov, which is of fundamental importance for understanding his artistic method.

Research implications. The use of the concept of the “literary field” allows us to take a fresh look at the poetics of L. M. Leonov’s narrative and to note the characteristic features of his creative method.

Keywords: implicit author, Leonid Leonov, literary field, image of the writer, novel “Badgers”, creative manner, artistic method

Введение

Роман «Барсуки» – первое крупное произведение Леонида Леонова. Традиционно именно с «Барсуков» ведётся отсчёт пути писателя в «большой» литературе. Для начинающего прозаика, пусть и получившего уже определённую известность, выход в свет первой объёмной вещи, пожалуй, самое главное событие в литературной жизни.

Разумеется, та степень ответственности, которую ощущает писатель, не может не диктовать ему особого отношения к своему дебютному произведению. Здесь, помимо повышенных художественных требований, которые предъявляет автор к своему творению, огромное значение имеет внешний аспект: попытка не только выдать продукт, востребованный читателем, но и стремление предугадать реакцию критики [2], дать как можно меньше поводов для негативных отзывов. Автор своим дебютным романом задаёт контуры некоей системы, в которой он будет существовать в дальнейшем, т. е. повышенное внимание к «внешней» стороне творчества закономерно. Эта ситуация уникальна тем, что максимально обостряет и кристаллизует в чистом виде две плоскости художественного мира: писателя и автора. В сложившихся условиях отличия и границы проявляются максимально выпукло, что не только облегчает анализ, но, учитывая, что первая вещь, как правило, всегда «программная», позволяет проанализировать систему взаимоотношений *писатель / автор* в наиболее «чистом виде», тогда как в последующих произведениях эта система будет подвергаться (почти всегда сознательно) деформации.

Автор против писателя

Ряд современных литературоведов вводит понятие «писатель» в социальную категорию как надстройку, в большей степени отвечающую за адаптацию изначального замысла произведения к культурному «мейнстриму», или литературному полю. Задача писателя, по мнению сторонников этой точки зрения, – создать вещь, имею-

щую определённую «добавленную стоимость». Писатель как никто другой заинтересован в том, чтобы результат его трудов приносил хорошие плоды: речь не только о материальном доходе, в эту категорию можно с полным основанием занести и авторитет, который приобретает создатель произведения.

Следствием этого становится работа писателя на биографию – на тот личный «информационный след», который сопутствует литературному творчеству и позволяет автору претендовать на определённое отношение как к себе самому, так и к результатам своей литературной деятельности. В этой связи приведём размышления Ю. М. Лотмана о соотношении авторской личности и биографии писателя в литературе XX в.: «Во-первых, само создание текста становится действием личной активности и, следовательно, переводит автора в разряд тех выпадающих из универсальных кодов личностей, которым свойственно иметь биографии. Во-вторых, создаваемые им произведения уже не могут вызывать у аудитории автоматического доверия, и критерий истинности сообщения приобретает исключительно острый и актуальный характер. ... Личная человеческая честность автора делается критерием истинности его сообщения. Биография автора становится постоянным – незримым или эксплицированным – спутником его произведений» [4, с 369]. Роман «Барсуки» воспринимался начинающим писателем Леоновым как заявка на признание, имеющее решающее значение для его писательской биографии. Дело в том, что тот «ярлык», который «приклеит» ему критика, во многом определит отношение к его творчеству в дальнейшем.

Здесь также нужно упомянуть понятие «литературного поля», которое ввёл Пьер Бурдьё [1]. Термин определяет литературную «жизнь», опять же, как явление социального порядка: пространство, в котором существуют все, кто занят в производстве и реализации «контента». Поле литературы – та среда, которая формирует авторитетность в значении – ценность, вес,

стоимость. Авторитетность писателя программирует отношение к его творчеству едва ли не в большей степени, чем собственно литературный контент.

В этой системе координат следует рассматривать категорию «автора» как внутреннее – сугубо творческое – начало в литературном произведении. Если писатель ориентируется на «запросы рынка», стремится (пусть зачастую и неосознанно) вписать свою работу в литературное поле с максимальной для себя выгодой, то задача автора лежит совершенно в другой плоскости.

Автор в литературном произведении – это начало, изолированное от внешнего мира. Он пишет не так, как «выгодно», а так, как это «соответствует истине», разумеется, в его собственном понимании. В своём творческом подходе автор всегда предельно честен, потому что по определению не способен лукавить: он живёт и действует внутри созданного им самим пространства, поэтому любая нечестность – попытка обмануть себя – для автора неприемлема. История, рассказанная автором, всегда история «в чистом виде», без тенденциозных смысловых и морально-этических надстроек, адресованных читателю.

Замысел романа «Барсуки» принадлежит писателю Леонову. Он выбирает для этого («Барсуки» созданы в 1924 г.) наиболее актуальную в реалиях современной ему России тему. Герои романа – два брата, представители пролетариата и, что важно, выходцы из крестьянской среды. Т. е. писатель ставит в основу сюжета своеобразный литературный стандарт того времени [5]. Формирование их личностей пришлось на пору, предшествующую революции. Коренной перелом, произошедший в жизни страны, окончательно сформировал характеры героев и обострил жизненные приоритеты, которые начали формироваться на фоне предреволюционных реалий. Один брат становится революционером, второй революцию не принимает и переходит к активному противостоянию новой власти. На уровне писателя замысел

выглядит так: взять историю двух героев, проследить их взросление и жизненный путь на фоне революции, выстроить сюжет на столкновении разных идеологий и привести к развязке. Характерно, что финал романа нельзя в полной мере отнести к «победе большевистской идеи». Связано это с тем, что писатель Леонов никогда не считал революцию сугубо положительным явлением для России. Но, тем не менее, не мог не признать её закономерности. Писатель Леонов делает ставку на актуальность темы и обеспечивает полное соответствие романа литературной повестке дня. Только что закончилась гражданская война, отголоски крестьянских восстаний продолжают волновать общество. «Брат против брата» – литературный конфликт, продиктованный реальностью исторического времени. Иметь целью создать популярный роман вполне естественно для литератора, и писатель Леонов предпринимает злостный шаг. Но практически «с первых шагов» реализации замысла в дело вступает автор Леонов.

Для описания взаимоотношений автора Леонова с писателем Леоновым вполне уместно использовать фрейдистские категории сознания и подсознания. У Фрейда читаем: «“Быть сознательным” есть чисто описательный термин, ссылающийся на наиболее непосредственные и наиболее надёжные восприятия. Но дальше опыт показывает нам, что психический элемент, например представление, обычно не осознаётся длительно. Напротив, характерно то, что состояние сознательности быстро проходит, осознанное сейчас представление в следующий момент делается неосознанным, но при известных легко осуществимых условиях может снова вернуться в сознание. И мы не знаем, чем оно было в промежутках: мы можем сказать, что оно было латентно, и подразумеваем под этим, что оно в любой момент было способно быть осознанным» [7, с. 352–353]. Здесь есть принципиальное сходство: писатель Леонов – это внешний, рациональный (прагматичный) создатель, тщательно выстраивающий свой образ на литературу-

ном поле. Автор Леонов – носитель всего иррационального: того, что реальный Леонов стремился утаить от посторонних. Писатель Леонов действует в полном согласии с реальным Леонидом Леоновым, автор Леонов противостоит им обоим.

На этом противостоянии в определённом смысле построено всё творчество Леонова. Предположительно можно выделить только один его роман, где автор и писатель действовали сообща, – «Скутаревский». Но в остальных это всегда борьба, прошедшая через всю литературную жизнь и закончившаяся победой писателя Леонова в «Пирамиде». Правда, эту победу у исследователей принято определять как особую философскую глубину с элементами эсхатологии [3, с. 80].

Замысел романа «Барсуки» никоим образом не претендовал на контрреволюционность. Полемиические черты, всесторонний анализ произошедшего слома государственного строя – это, безусловно, имеет место. Писатель Леонов не мог позволить себе показать действительность однобоко – это недопустимо для истинного мастера.

Но если писатель Леонов смотрит на революцию амбивалентно, то автор Леонов революцию не принимает, считает её безусловным злом. Вместо того, чтобы методично и всесторонне рассмотреть конфликт братьев, автор незаметно для писателя смещает смысловой акцент в сторону собственного мироощущения и деформирует замысел романа в соответствии с ним. Автор Леонов рисует иные аспекты конфликта «брат на брата». Он держится в русле изначальной задумки ровно до того момента, пока на сцену не выходит «революция». После этого автор начинает работать по своей теме. Прежде всего, он полностью упускает из виду брата-большевика, выводит за скобки перевоплощение Павла в «товарища Антона», сосредотачиваясь на Семёне, тем самым ломая основу задуманного конфликта, для реализации которого важно было проследить становление мировоззрения обоих героев. Для конструкции фабулы «пропа-

жа» одного из ключевых героев – серьёзная ошибка. Но это если рассматривать текст с точки зрения писателя Леонова. Для автора Леонова – это, наоборот, знаковый ход, раскрывающий его собственную позицию. Автор, вмешиваясь в планы писателя, превращает «популярный роман» в куда более сложную конструкцию. Рискнём предположить, что писатель Леонов допускает это «самоуправство» по неопытности. Уже в следующем романе – «Вор» – писатель Леонов долгие годы будет пытаться избавиться от самоуправления автора (роман переживёт три полноценных редакции).

Писатель Леонов имеет весьма характерную черту: неспособность воспринимать себя критически. Речь идёт не о традиционном недовольстве литератора своим творчеством. «Писатель Леонов» – непрерываемый авторитет. Возможно, «спасибо» за это нужно сказать Максиму Горькому, в своё время делегировавшему Леонову право отвечать за всю русскую литературу. Именно поэтому внутритекстовая борьба с автором Леоновым, который имеет смелость не признавать этот авторитет, носит такой жёсткий характер. Но именно этой борьбе авторских ипостасей мы обязаны многоплановости и многозначности произведений Леонова.

Итак, автор «Барсуков» теряет одного из ключевых героев. Объясняется это просто: Павел для него – олицетворение пролетарской революции. Автор Леонов явно видит и понимает путь Семёна, вступившего в конфликт с творимой большевиками реальностью, а судьба человека, вписавшегося в революцию, её одобрявшего, ему чужая. Искренность, как уже говорилось выше, основная черта, присущая автору как категории литературного текста. Автору Леонову Павел непонятен по одной простой причине: он не видит его «героем», а значит, такой герой ему просто не интересен. Характерно, что в романе «Вор» точно так же за скобки вынесено «пролетарское становление» Векшина: объектом пристального внимания станет послереволюционная судьба героя, весьма (и закономерно) печальная.

Как известно, роман «Барсуки» был воспринят критиками неоднозначно. Писателя обвинили в полном непонимании «марксистско-ленинского учения о классовой борьбе»¹. Хотел ли Леонов именно такого отклика на свой первый роман? Вряд ли. Клеймо «попутчика» прочно и навсегда приклеится к Леонову в 1920–1930-е гг., и для писателя Леонова это станет серьёзным поводом для переживаний. В своих публичных выступлениях он неоднократно убеждал, что отнюдь не против революции. Но все попытки доказать это в рамках творчества будут приводить ко всё новым обвинениям [6]. Причина этому – автор Леонов, благодаря которому все усилия написать «правильный» роман оказывались обречёнными на неуспех. В конце концов, Леонов признал неоспоримый факт: для него на всех уровнях творческого сознания революция неприемлема. Олицетворением этого признания станет сложный каркас «Пирамиды». Но в те годы Леонов был, вероятно, не готов признаться в этом даже себе.

Для объяснения того эффекта, который произвёл на пролетарскую критику роман «Барсуки», необходимо рассмотреть такую повествовательную инстанцию, как имплицитный автор – образ, который конструируется читателем в процессе прочтения текста. Общая идея, сформировавшаяся в сознании «потребителя» через синтез двух авторских ипостасей «Барсуков», в ней и содержится вся крамола, которую почувствовали, но не смогли внятно сформулировать пролетарские критики.

Отправной точкой для формирования этой «крамолы» послужила потеря Павла. Интуитивно, подсознательно, на уровне глубинных ощущений читатель заметил это и воспринял именно так, как надо: Павел – это даже не антигерой, это намного хуже. Павел, погрузившийся в революцию, причастившийся ей, не просто исчезает – он умирает. Именно так воспринимает перерождение героя автор Леонов и именно это транслирует читателю. «Комиссар

смерти» – такое прозвище носит Павел, вновь появившийся в финале романа. Теперь у него другое имя – Антон – и другая сущность: это восставший мертвец. Смысл этот закрепляется в сцене с трупом убитого «барсуками» коммуниста – Антон не просто воспринимает покойника как «своего», он говорит о нём, как о живом: *«Была необычная торжественность в этом: человек молча приветствовал чужого же, но о котором знал уже, казалось, всё, – с которым связан был кровней, чем с братом, – и которого впервые видел – обезображенным. // – А ну, товарищи, – сказал Антон своим, стоявшим вокруг без шапок. Вы несите его ко мне в вагон! Он со мной в губернию поедет»*². Мог ли двадцатипятилетний Леонов (писатель Леонов) сознательно запрограммировать восприятие читателя именно в этом ключе? Маловероятно. В данном случае сам он больше доверяет рациональным – осозанным – приёмам. Это – ключевой момент для вычленения ипостасей автора и писателя внутри художественного мира Леонова. На уровне стилистики обе эти личности неотличимы: они говорят одним и тем же языком, у них единая образность, общая манера подмечать характерные черты в окружающем мире и поведении персонажей. Но они принципиально различаются подходом к самой ткани художественной реальности. Автор Леонов – это «правда жизни», он оперирует «подсознательной» образностью, действует интуитивно. Именно он ответствен за правдоподобие сцен и персонажей. Диалоги героев – их неподдельность и жизненность – это итог творческого метода автора Леонова. В этом автор намного старше, опытнее и мудрее писателя Леонова. Действия же писателя Леонова рассудочны и ориентированы на «образ читателя» – такого же рассудочного, как и он сам. Писатель также ответствен за «сверхзадачу»: донесение определённых идей, которые как будто важнее художественной правды. Философия и идеология – составляющие авторитета писателя, кото-

¹ См.: Прилепин З. Леонид Леонов: «Игра его была огромна». М.: Молодая гвардия, 2010. 576 с.

² Леонов Л. М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1983. С. 293.

рый имеет огромную ценность на литературном поле.

Примером реализации «сверхзадачи» может служить притча о Калафате. Ни одно исследование по Леонову не обходится без обстоятельных трактовок его «маленьких сказаний» (определение Леонова). Интересно, что он сам тоже любил порассуждать об этом [8], при этом говоря о себе в третьем лице, т. е. и для него «писатель Леонов» – не только субъект реальности, но и объект, фигура литературного поля. Сама же притча – это как вводное слово в синтаксисе: её можно убрать из произведения, при этом сюжет и главное поле содержания не поменяется.

Воздействие писателя Леонова на художественный мир повествования подчинено некоей сверхзадаче. Писатель Леонов работает на читателя, постоянно «имеет его в виду», непрестанно просчитывает, как то или иное действие будет воспринято аудиторией. Эффект от такой зависимости зачастую принимает весьма неожиданную форму. Например, своеобразное начало романа «Барсуки». Начало произведения (страх перед «чистым листом») – те двери, через которые читатель входит в мир книги, – значит для создателя очень много. А если этот создатель – молодой автор, впервые выносящий на суд публики свою крупную работу... Как преодолеть страх? Самый проверенный способ – через игру: *«Прикатил на Казанскую парень молодой из Москвы к себе на село, именем – Егор Брыкин, званьем – торгош. ... Купечествовал парень потихоньку, горланил из ларя в три медных горла, строил планы, деньгу копил, себя не*

*щадя, и полным шагом к своей зенитной точке шёл»*¹. Эта карикатурно-народная стилистика, возникнув в начале повествования, бесследно исчезнет. Писатель преодолет смущение и перестанет прятаться за ширмой ненужных стилистических приёмов. Таким образом, в «Барсуках» можно чётко выделить два плана: интуитивный и рациональный. За первый отвечает автор Леонов, второй накладывает поперх первого Леонов писатель, который также ответствен за идеологическую «сверхзадачу»: притча о Калафате, внезапные философствования героев на «пустом» месте – это тоже его работа.

Заключение

Писатель Леонов сделал всё, чтобы роман вписался в литературное поле. Нужно отметить, что роман действительно в полной мере оправдал надежды, которые возлагал на него его создатель. Но, тем не менее, откуда взялись (не ожидаемые писателем) обвинения в контрреволюционности? Этот вопрос, безусловно, очень занимал автора «Барсуков». И в какой-то момент он всё-таки нашёл верный, но неожиданный для себя ответ. Писатель Леонов обнаружил существование в своей художественной лаборатории собственного «альтер-эго» – автора Леонова: неуправляемого, самовольного и не признающего главенства и авторитета писателя Леонова. С этого момента в творчестве Леонида Леонова начинается и продолжается осознанная и одновременно «бессознательная» борьба между этими двумя началами.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдье П. Поле литературы [1982] / пер. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
2. Дырдин А. А. Л. Леонов и его метафизический реализм в современной критике // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2018. № 3. С. 6–11.
3. Крохина Н. П. Антропологический кризис в рецепции отечественной литературы конца XX века // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 78–83.
4. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 365–376.

¹ Леонов Л. М. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1983. С. 7.

5. Машкова Е. Е. Социальная маска крестьянина в производственной прозе 1920–1930-х годов // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Т. 4 (70). № 3. С. 66–85.
6. Тарасова И. И. Литературный процесс 20–30-х годов XX века: становление «Новой» литературы и концепции личности // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 436–438.
7. Фрейд З. «Я» и «Оно». Глава «Сознание и бессознательное» / пер. Л. Голлербах // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 351–392.
8. Хрулев В. Роман «Вор» в духовной биографии Леонида Леонова // Наш современник. 2014. № 5. С. 258–275.

REFERENCES

1. Bourdieu P. Literary Field (Rus. ed.: Gronas M., transl. *Pole literatury*. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2000, no. 45, pp. 22–87).
2. Dyrdin A. A. [Leonov and His Metaphysical Realism in Modern Criticism]. In: *Vestnik Ulyanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University], 2018, no. 3, pp. 6–11.
3. Krokhnina N. P. [Anthropological Crisis in the Reception of Domestic Literature of the late XX century]. In: *Noosfernye issledovaniya* [Noospheric Research], 2022, no. 2, pp. 78–83.
4. Lotman Yu. M. [Literary Biography in the Historical and Cultural Context (On the Typological Correlation of the Text and the Personality of the Author)]. In: Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i. T. 1* [Selected Articles. Vol 3]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, pp. 365–376.
5. Mashkova E. E. [The Social Mask of the Peasant in the Production Prose of the 1920–1930s]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological Sciences], 2018, vol. 4 (70), no. 3, pp. 66–85.
6. Tarasova I. I. [The Literary Process of the 20–30s of the Twentieth Century: The Formation of the “New” Literature and the Concept of Personality]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2020, no. 4 (83), pp. 436–438.
7. Freud S. Das Ich und das Es (Rus. ed.: Gollerbah L., transl. “Ya” i “Ono”. In: Freud S. “Ya” i “Ono”. *Trudy raznykh let. Kn. 1* [“I” and “It”. Works of Different Years. B. 1]. Tbilisi, Merani Publ., 1991, pp. 351–392).
8. Khrulev V. [The Novel “The Thief” in the Spiritual Biography of Leonid Leonov]. In: *Nash sovremennik* [Our Contemporary], 2014, no. 5, pp. 258–275.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Заваров Дмитрий Викторович – аспирант кафедры русской литературы XX века Государственного университета просвещения;
e-mail: dzavarov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii V. Zavarov – Postgraduate Student, Department of the Russian Literature of the XX century, State University of Education;
e-mail: dzavarov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Заваров Д. В. «Барсуки» Леонида Леонова: автор против условного образа писателя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 111–117.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-111-117

FOR CITATION

Zavarov D. V. “Badgers” by Leonid Leonov: The Author is Against the Conditional Image of the Writer. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 111–117.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-111-117

УДК 81'255.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-118-125

МИГРАЦИОННЫЙ ДИСКУРС В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ РОМАНА Ф. БАКМАНА «ВТОРАЯ ЖИЗНЬ УВЕ»

Раренко М. Б.

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
117997, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Описание миграционного дискурса в художественной литературе на примере русскоязычной версии романа Ф. Бакмана «Вторая жизнь Уве».

Процедура и методы. Проведён текстологический анализ русскоязычной версии романа «Вторая жизнь Уве» современного шведского писателя Ф. Бакмана.

Результаты исследования. Основная для миграционного дискурса оппозиция «своё» – «чужое» проанализирована на языковом и сюжетном уровнях, выявлены её характеристики. «Своё» воспринимается как «правильное», «достойное внимания», «рациональное», «хорошее» и пр., в то время как «чужое» принимает негативную коннотацию и рассматривается как «неправильное», «ошибочное», «неумелое», «лишённое ценности» и пр.

Теоретическая и/или практическая значимость проведённого исследования миграционного дискурса на страницах русскоязычной версии романа Ф. Бакмана «Вторая жизнь Уве» заключается в выявлении основных категорий миграционного дискурса в речи персонажей произведения, представляющих собой оппозицию «своё» – «чужое», а также в сюжете.

Ключевые слова: «Вторая жизнь Уве», миграционный дискурс, современная литература, социально ориентированная художественная литература, социология литературы, Ф. Бакман

MIGRATION DISCOURSE IN THE RUSSIAN-LANGUAGE VERSION OF F. BACKMAN'S NOVEL "THE SECOND LIFE OF UWE"

M. Rarenko

*Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences
prosp. Nakhimovskiy 51/21, Moscow 117997, Russian Federation*

Abstract

Aim. We describe the migration discourse in fiction on the example of the Russian-language version of F. Backman's novel "The Second Life of Uwe".

Methodology. Use is made of a textual analysis of the Russian-language version of the novel "The Second Life of Uwe" by the modern Swedish writer F. Backman.

Results. The opposition "one's own" / "someone else's", which is the main one for the migration discourse, is analyzed at language and plot levels; its characteristics are revealed. "One's own" is perceived as "right", "worthy of attention", "rational", "good", etc., while "someone else's" takes a negative connotation and is considered as "wrong", "erroneous", "inept", "devoid of value", etc.

Research implications. The practical significance of the study of migration discourse on the pages of the Russian-language version of F. Backman's novel "The Second Life of Uwe" lies in the fact that we have identified the main categories of migration discourse that represent the opposition of "one's own" / "someone else's", and have analyzed the text of the novel for the presence of this opposition in the speech of the characters of the work and the plot.

Keywords: "The Second Life of Uwe", migration discourse, modern literature, socially oriented fiction, sociology of literature, F. Backman

*Да, бывает трудно признать, что ошибался.
Особенно когда ошибался так долго.
Ф. Бакман «Вторая жизнь Уве»¹*

Введение

Активные миграционные процессы, наблюдаемые в последнюю пару десятилетий в связи с драматическими изменениями геополитической ситуации во всём мире, достигают такого уровня, что правительства разных стран вынуждены создавать особые комитеты по решению проблем беженцев. Специалисты разных отраслей знания признают миграционный процесс непреодолимым явлением, выделяя его в особую проблему современности, требующую всестороннего внимания [1; 3; 4; 5; 6; 7].

Показательно, что миграционные процессы, жизнь мигрантов, взаимодействие их и коренных жителей стран, сталкивающихся с потоками мигрантов, не только оказываются в центре изучения политологов, экономистов, антропологов, социологов, лингвистов и пр., но становятся предметом описания на страницах художественных произведений. Отметим, что социальный институт художественной литературы, являясь исключительно динамическим по своей сути, традиционно выполняет важную общественную функцию, являясь инструментом социальной оценки и социального воздействия [9]. Несмотря на то, что в последние несколько десятилетий в силу разных причин наблюдается снижение интереса к произведениям художественной литературы, социальная роль художественной литературы в мире по-прежнему высока, о чём свидетельствуют регулярно обновляемые шорт-листы и присуждаемые престижные литературные премии в разных номинациях [8].

Миграционный дискурс в русскоязычной версии романа Ф. Бакмана «Вторая жизнь Уве»

Социальные процессы, в частности миграция, происходящие сегодня в мире, становятся предметом беспокойства и постоянной научной рефлексии представителей самых различных гуманитарных направлений, что позволило говорить о появлении особого вида дискурса – миграционного дискурса. Как вариант в современной научной литературе некоторыми исследователями также используется термин «мигрантский дискурс», который следует считать полным аналогом термина «миграционный дискурс». Предметом исследований, таким образом, становятся языковые процессы, вызванные к жизни миграцией, т. е. речевая и коммуникативная деятельность. Необходимость и важность изучения миграционного дискурса подтверждается возникновением и активным развитием отдельной области языкознания – «миграционной лингвистики» [3; 4; 5; 6].

Роман «Вторая жизнь Уве» (En Man Som Heter Uve), вышедший в 2012 г., стал дебютным романом шведского писателя Фредрика Бакмана (род. 1981 г.), поставив имя автора в один ряд с такими писателями современности, как Дж. Роулинг, А. Перес-Реверте и др. На русский язык роман был переведён Русланом Косынкиным, выпускником переводческого факультета МГЛУ (1996) в 2016 г.

В центре внимания Ф. Бакмана – повседневная, ничем не примечательная жизнь 59-летнего шведского рабочего по имени Уве, человека в целом довольно заурядного, отличительной характеристикой которого стоит, вероятно, назвать его непреодолимую любовь (страсть?) к порядку и всему шведскому: «Он любил по-

¹ Бакман Ф. Вторая жизнь Уве / пер. Р. Косынкина. М.: Синдбад, 2018. С. 348.

рядок. Так лучше – когда знаешь, что будет дальше»¹.

Роман представляет собой причудливое переплетение плавно переходящих друг в друга текста повествователя, диалогов персонажей, в том числе главного, и внутренней речи Уве.

Уве, в неоднозначном, во многом выписанном иронично образе которого причудливым образом объединились положительные и отрицательные черты современного представителя шведского общества (некоторые положительные черты героя в то же самое время могут восприниматься и как отрицательные, например, его приверженность к порядку оборачивается неприязнью и даже нетерпимостью к людям, этот порядок нарушающим), служит в романе отправной точкой для создания образа миграционного дискурса, поскольку именно Уве становится той призмой, в которой преломляются описываемые в романе события.

Характеризуя Уве, повествователь использует следующие обороты: «как обычно», «нормальный кофе», «а то нынче» (подчёркивая преимущества того, что было раньше), «чашечка доброго кофе», «из расчёта одна ложка на чашку плюс ещё одна на кофейник», «как делал каждое утро», «вышел вовремя», «инспектировал каждое утро», «не пропустил ни одного утреннего обхода», «с блокнотиком проследовал далее», «в ЭТОМ доме столешницу мажут пропиткой каждые полгода». Уже этих нескольких примеров достаточно для того, чтобы понять, насколько важным для Уве была упорядоченная жизнь – на протяжении многих десятилетий она протекала однообразно предсказуемо: работа – дом («Делал всё, о чём просило его общество. Работал, не болел, женился, отдавал кредиты, платил налоги, жил по совести, ездил на правильной машине»²), а единственным стремлением было поддержание порядка, в котором Уве видел смысл жизни, помимо, конечно, горячо любимой жены Сони.

Никто другой: ни коллеги по работе, ни соседи, ни друзья (которых, впрочем, никогда у Уве и не было, может быть, только Руне, но и тот был его другом недолго) – не занимал его мысли. Его нелюдимый характер привёл к тому, что после смерти жены он остался абсолютно один. Более того, «его выпроводили с работы» «на заслуженный отдых»³.

Неожиданные изменения в жизни Уве начинаются с того момента, когда он к своему крайнему неудовольствию замечает поселившуюся в соседнем доме довольно молодую семейную пару с маленькими детьми, нарушившую его устоявшийся образ жизни. Ещё большее неприятие Уве, привыкшему к раз и навсегда заведённому порядку, вызывает внешность хозяйки семейства. Она совсем не похожа на шведку – «коренастенькая чернявая смуглянка лет тридцати явно нешведского розлива»⁴. Уве отмечает, что соседка «либо на большом сроке беременности, либо ... страдает точечным ожирением»⁵. Более того, «пузатая смуглянка»⁶ оказывается маленького роста. Неприятие новой соседки моментально распространяется и на её мужа-шведа. Уве отмечает его «белобрысость», свойственную представителям нации, которой принадлежит и сам Уве. Это качество является безусловным «плюсом». В то же самое время Уве обращает внимание на рост соседа-шведа – «под два метра». Эта характеристика, по мнению Уве, является неоспоримым свидетельством недалёкого ума: «при таком росте кровь просто не добирается до мозга»⁷. Подвергается критике Уве и «вязаная кофта» «белобрысого увальня», и его осанка, «свидетельствующая о застарелом дефиците кальция в организме»⁸.

«Никчёмность» новых соседей подчёркивает и их «миниатюрная японская машинка» – «тесная японская коробочка»⁹,

¹ Бакман Ф. Вторая жизнь Уве / пер. Р. Косынкина. М.: Синдбад, 2018. С. 84–85.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Там же. С. 23.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

при этом сам Уве, конечно, «ездит на родном шведском “саабе”»¹. «Японка» к тому же имеет автоматическую коробку переключения передач, сигнал заднего хода, автопарковщик, видеорегистратор, а если садится аккумулятор, то переходит с электропитания на бензин, потому что гибридная, что в глазах Уве и вовсе «роняет» соседей: «Этим пижонам хоть какую машину, лишь бы самим не водить, сердится Уве, подавая вперёд. Лишь бы сама их катала. Будто робот. Дожили: даже выучиться парковаться не сподобились. Разве можно таким права давать? А Уве не согласен. Категорически. Таким не то что права, таких на выборы пускать не след, которые с собственным прицепом управиться не могут»². Сравнивая отечественный (шведский) автопром и машины иностранного производства, Уве отмечает надёжность «сааба». «Сааб» – не только средство передвижения, но олицетворение «шведкости». Открывая машину ключом, садясь на водительское сиденье, покручивая колесо настройки радиоприёмника, поправляя зеркала заднего вида, Уве подтверждает свою принадлежность «себе».

Отметим, что, описывая соседей, Уве использует слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, подчёркивая, с одной стороны, их, «мигрантское» несоответствие шведскому укладу жизни, с другой – своё снисходительно-покровительственное отношение к «чужакам»: ну, что с них взять?!

«Чужое» отмечает Уве не только во внешности «беременной приезжей» («карие глазница – огромные, Уве прежде таких и не видал»³), но в её поведении (она открыто выражает свои эмоции: яростно наскაკивает на мужа, пытаясь шлёпнуть по его руке обеими ладонями, ругается, «используя подборку изощренных арабских ругательств, которыми столько богат этот язык»⁴ и пр.). Заметив соседку на стоянке вместе с семейством, приветливо

махавшим ему, Уве едва удержался от того, чтобы вразумить «неразумную бабу»⁵, что здесь «не дело разгуливать с детьми»⁶. Но более всего поражают Уве её непонятный оптимизм, привычка улыбаться и задорный смех: «Она вдруг хохочет, совершенно огоротив его.... Никак не вписывается этот хохот ни в серый бетон, ни в прямоугольную геометрию каменной плитки. Шумный, хулиганский, против всех предписаний и правил»⁷.

Вызывает сначала недоверие у Уве и еда «чужаков», принесённая соседями: рис с шафраном и цыплёнком, печенье. Впрочем, «иноземный курчонок» был съеден подзрительным шведом в тот же вечер и не без удовольствия (хотя сам Уве убеждает себя в том, что «просто в доме Уве еду не выкидывают. Принципиально»⁸). И если у шведа Уве еду принято не выбрасывать, то у «мигрантки» Парване свои традиции: «Она из Ирана. У них там без еды шагу из дома не ступят»⁹.

И хотя Уве время от времени ворчит: «натушила бы мяса с подливой да с картошечкой»¹⁰, он «готов признать (с натяжкой) – рис с шафраном Парване не так уж несъедобен. Вполне себе. Худо-бедно, Уве съел пару порций. Кошак и тот умял полторы»¹¹.

Речевое поведение Парване также озадачивает Уве. Стремясь подчеркнуть своё превосходство над «приезжей», он, обращаясь к ней, бросает: «По-шведски читать не умеете?»¹² – в то самое время он интуитивно чувствует, что её знание шведского языка довольно хорошее: «Она смотрит на неё с таким видом, словно заметила, что он сказал “хочете” вместо “хотите”»¹³. Знание шведского языка позволяет Парване шутить: «– А вы всегда такой колючий?

¹ Бакман Ф. Вторая жизнь Уве / пер. Р. Косынкина. М.: Синдбад, 2018. С. 7.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 71.

⁸ Там же. С. 31.

⁹ Там же. С. 69.

¹⁰ Там же. С. 345.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 23.

¹³ Там же. С. 29.

Уве обиженно бурчит:

– Ничего я не колючий.

– Ну, немножко-то колючий.

– Ничего не колючий!

– Конечно, конечно. Ваши слова просто ласкают слух! – отвечает она. Что-то в её тоне подсказывает Уве, что думает она со всем по-другому¹.

На сюжетном уровне первый шаг в сторону приятия Уве Парване происходит у него дома, когда Парване с мужем Патриком приходит попросить у него лестницу и «шестилапик», как, по мнению Патрика, следует называть шестигранник.

В языковом плане изменения в готовности признать Парване происходят в то же самое время. Из речи Уве постепенно исчезают уничижительные эпитеты, которыми он постоянно раньше «наградил» соседку-персиянку. Во внутренней речи по отношению к Парване появляются обозначения: «беременная персиянка»², «соседка»³, «эта несносная баба»⁴, «полоумная баба с кошаком»⁵, «брюхагая склочница»⁶ (последние три произносимые с явным снисхождением и даже каким-то уважением и почти любовью); «Тойоту» он снисходительно называет «японской швейной машинкой»⁷.

Замечая теперь неправильности в речи Парване, Уве не высмеивает их, а снисходительно исправляет: «– Батарею не продать, а продур-у-уть надо... ос-споди»⁸. На приветствия из соседнего дома Уве отвечает более благосклонно: «– Удачного дня! – бодро кричит увалень вдогонку Уве. – Ладно, ладно, – бормочет Уве, не оглядываясь»⁹.

Однако оппозиция *своё – чужое* сохраняется и проявляется в оценке бытоустройства. Так, с удовлетворением Уве узнает, что у тридцатилетней (!) мигрантки

Парване нет прав на вождение автомобилем (швед Уве их получил в восемнадцатилетнем (!) возрасте): «– Так, нету прав, и всё, а что такого?

– А лет-то тебе сколько? – почти с любопытством интересуется Уве.

– Тридцать, – выпаливает она.

– ТРИДЦАТЬ! И нету прав? А что, с тобой что-то не так?»¹⁰

Нежелание Парване «связываться» с охранниками на парковке, выписавшими штраф, Уве воспринимает как отсутствие жизненных принципов («Как будто речь шла о ДЕНЬГАХ»¹¹); стремление заплатить за парковку вперёд, а не по факту – как расточительность; бесцеремонно скинутая в машине «газетка», предусмотрительно подосланная Уве, чтобы «не изгваздали ему сиденье»¹² – как неумение вести хозяйство и пр.

Несколько позже, признав Парване «своей», Уве раздражается тирадой, когда она, отчаявшись научиться управлять автомобилем, разрыдалась у него на глазах: «Ты ведь родила двоих, а скоро родишь и третьего. Приехала из другой страны, наверняка сбежала от войны, преследований и прочих ужасов. Выучила чужой язык, получила образование, нашла работу, содержишь целую семью, в которой кроме тебя, похоже, никто ни на что не пригоден»¹³. А самым высоким комплиментом Парване со стороны Уве стал «Ты же ведь не круглая дура!»¹⁴

Проживая с Уве и его соседями непростой период жизни (смерть жены Уве Сони, его уход на заслуженный отдых, борьбу соседей за возможность страдающему ментальным заболеванием Руне провести отведённые ему судьбой дни дома под присмотром жены Аниты и пр.), читатель становится свидетелем того, как отношение Уве к мигрантке Парване меняется: настороженность и неприятие уступают место любопытству, покровительству, за-

¹ Бакман Ф. Вторая жизнь Уве / пер. Р. Косынкина. М.: Синдбад, 2018. С. 71.

² Там же. С. 118.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 122.

⁵ Там же. С. 176.

⁶ Там же. С. 192.

⁷ Там же. С. 120.

⁸ Там же. С. 77.

⁹ Там же. С. 115.

¹⁰ Там же. С. 120.

¹¹ Там же. С. 133.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 265.

¹⁴ Там же.

щите, стремлению научить «как правильно» и «как надо», а потом и безусловному приятию, благодарности и даже, насколько это возможно для Уве, любви. Не последнюю роль на этом сложном пути сыграли малышки Парване и Патрика, проявившие свои искренние чувства к «любимому дедушке», что Уве оценил, став девочкам по-настоящему родным.

Заключение

В настоящее время образ мигранта становится объектом исследования современных литературоведов [8]. Нельзя не согласиться с М. А. Кривенькой в том, что воспроизводимые на страницах современных художественных произведений диалогические реплики героев (от себя добавим, внутренняя речь персонажей, может быть, даже в большей степени) «ярко высвечивают проблемное поле явления миграции и отражают позицию общества по отношению к миграционному процессу и его проявлениям» [2, с. 76].

Как можно увидеть, успех интеграции в новом для мигранта обществе связан не столько с материальной стороной жизни (хотя отрицать её было бы неверно), сколько с необходимостью преодолеть стереотипы, существующие в принимающем мигранта обществе. Статья «своей» Парване помогает не только и даже не столько её правовой статус (она образованная женщина, мать, беременная уже третьим ребёнком, хозяйка семейства и пр.), сколько её желание и стремление стать частью сообщества. Её дружелюбие, готовность прийти на помощь, необидчивый характер смогли помочь ей (а также её мужу и де-

вочкам) преодолеть изначальное отторжение со стороны принимающего общества в лице Уве на правах «долгожителя» посёлка.

Подводя итоги, следует отметить, что в работе рассматриваются особенности и характеристики миграционного дискурса, воспроизводимого на страницах художественного произведения, анализируется оппозиция *своё – чужое*, которая выступает одной из ключевых оппозиций миграционного дискурса и реализуется в романе как на уровне сюжета, так и на уровне языка. Оппозиция *своё – чужое* мыслится следующим образом: *своё* привычно, правильно (часто единственно правильно), нормально, естественно, рационально, (единственно) допустимо, морально, обычно, своевременно, грамотно, понятно, типично, хорошо, цивилизованно, вкусно (если речь о еде) и пр., в то время как *чужое* оказывается окрашенным негативной коннотацией: непривычно, неправильно, странно, неверно, ошибочно, ненормально, неестественно, нерационально, недопустимо, аморально, необычно, несвоевременно, неграмотно, непонятно, нетипично, нехорошо, плохо, нецивилизованно, невкусно и пр.

Роман Ф. Бакмана – наглядный пример того, что в современном обществе мирное, гармоничное сосуществование людей, принадлежащих к разным национальным сообществам, возрастным группам, исповедующих разные религии, имеющих разный уклад жизни, возможно при условии уважительного отношения друг к другу, проявления доброты и желания принять другого, отличного от самого себя.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коломиец Е. А. Миграция как фактор, ведущий к трансформации языка // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XXI национальной научной конференции (с международным участием), г. Таганрог, 16–18 апреля 2020 г. Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2020. С. 661–663.
2. Кривенькая М. А. Миграционный дискурс в современной художественной литературе (лингвокогнитивный анализ диалогов) // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики. 2021. № 4 (36). С. 76–98.

3. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика [Электронный ресурс]: монография / С. В. Шустова, Е. О. Зубарева, Н. В. Хорошева, В. М. Костева, Е. Ю. Мощанская, А. С. Киндеркнехт, Дж. Коек; науч. ред. О. А. Радченко. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. 1 эл. оптич. диск (CD-ROM).
4. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики и литература мультикультурализма / С. В. Шустова, М. Б. Раренко, М. В. Попова, Т. П. Зорина, В. М. Костева, Е. И. Боровицкая, Н. Н. Меньшакова, М. Ю. Ален, А. А. Лапаева, А. Ю. Новиков. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. 188 с.
5. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография / С. В. Шустова, М. П. Желтухина, М. В. Дружинина, Е. О. Зубарева, Е. В. Исаева, В. М. Костева, А. С. Черноусова; науч. ред. А. М. Амагов. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. 180 с.
6. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: монография / Е. О. Зубарева, Е. В. Исаева, А. В. Иценко, В. М. Костева, Е. Ю. Мощанская, С. В. Шустова; науч. ред. Т. И. Ерофеева. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. 163 с.
7. Минаев В. В., Жиромская В. Б. Миграция – глобальная проблема современности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. № 19. С. 11–22.
8. Пранцова Г. В. К вопросу об образе мигранта в российской литературе // Буслаевские чтения: сборник научных статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Пенза, 17 апреля 2019 г. / под общ. ред. Л. П. Перепелкиной. Пенза: Пензенский государственный университет, 2019. С. 83–88.
9. Раренко М. Б. Литература как социальный инструмент // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 9 (851). С. 228–237.

REFERENCES

1. Kolomiets E. A. [Migration as a Factor Leading to the Transformation of the Language]. In: *Modernizatsiya rossiiskogo obshchestva i obrazovaniya: novye ekonomicheskie orientiry, strategii upravleniya, voprosy pravoprimeneniya i podgotovki kadrov: materialy XXII natsional'noi nauchnoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)*, g. Taganrog, 16–18 aprelya 2020 g. [Modernization of Russian Society and Education: New Economic Guidelines, Management Strategies, Law Enforcement and Personnel Training: Materials of the XXII national Scientific Conference (With International Participation), Taganrog, April 16–18, 2020]. Taganrog, Taganrog Institute of Management and Economics Publ., 2020, pp. 661–663.
2. Kriven'kaya M. A. [Migration Discourse in Modern Fiction (Linguo-Cognitive Analysis of Dialogues)]. In: *Uchenye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki* [Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics], 2021, no. 4 (36), pp. 76–98.
3. Radchenko O. A., ed. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: diskursivnye praktiki, perevod, didaktika* [Migration Linguistics in the Modern Scientific Paradigm: Discursive Practices, Translation, Didactics]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2020. 1 CD-ROM.
4. Shustova S. V., Rarenko M. B., Popova M. V., Zorina T. P., Kosteva V. M., Borovickaya E. I., Men'shakova N. N., Alen M. Yu., Lapaeva A. A., Novikov A. Yu. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: diskursivnye praktiki i literatura mul'tikul'turalizma* [Migration Linguistics in the Modern Scientific Paradigm: Discursive Practices and Literature of Multiculturalism]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2021. 188 p.
5. Amatov A. M., ed. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: mediatsionnye praktiki* [Migration Linguistics in the Modern Scientific Paradigm: Mediation Practices]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2019. 180 p.
6. Erofeeva T. I., ed. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme* [Migration Linguistics in the Modern Scientific Paradigm]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2019. 163 p.
7. Minaev V. V., Zhiromskaya V. B. [Migration as a Global Problem of Our Time]. In: *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political science. History. International relationships], 2012, no. 19, pp. 11–22.

8. Prantsova G. V. [On the Issue of the Image of a Migrant in Russian Literature]. In: Perepelkina L. P., ed. *Buslaevskie chteniya: sbornik nauchnykh statei po materialam VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, g. Penza, 17 aprelya 2019 g.* [Buslaev Readings: A Collection of Scientific Papers based on the Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Penza, April 17, 2019]. Penza, Penza State University Publ., 2019, pp. 83–88.
9. Rarenko M. B. [Literature as a Social Tool]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences], 2021, no. 9 (851), pp. 228–237.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук; e-mail: rarenco@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria B. Rarenko – Cand. Sci. (Philological Sciences), Leading Researcher, Department for Linguistics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; e-mail: rarenco@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Раренко М. Б. Миграционный дискурс в русскоязычной версии романа Ф. Бакмана «Вторая жизнь Уве» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 118–125.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-118-125

FOR CITATION

Rarenko M. B. Migration Discourse in the Russian-Language Version of F. Backman's Novel "The Second Life of Uwe". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2023, no. 3, pp. 118–125.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-118-125

УДК 82-3

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-126-134

ТЕМА РАСКОЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ А. Н. ТОЛСТОГО (ПО РОМАНУ «ПЁТР ПЕРВЫЙ»)

Червоненко С. М.

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана,

Мытищинский филиал

141005, Московская обл., г. Мытищи, ул. 1-ая Институтская, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Показать особенности раскрытия автором обстоятельств церковного раскола XVII в., их влияния на общество, дать подробный анализ нескольких созданных А. Н. Толстым образов старообрядцев и картин их деятельности, прокомментировать авторское изображение уклада жизни в скитах староверов, их нравственного и духовного состояния.

Процедура и методы. Для раскрытия темы используются аналитический и сравнительный методы исследования художественного текста. Автором исследования даётся подробный анализ монашествующих и патриарха. В центре исследования внутренние, духовные проблемы населения, нравственной потерянности, поиск отдельными персонажами правды, истинной духовной опоры. Проясняются конкретные методы, благодаря которым автору удалось вслед за Д. Мережковским оригинально запечатлеть основные грани состояния России в эпоху петровских реформ. Особое внимание уделяется изображению художественной детали.

Результаты. В ходе исследования выявлены стилистические особенности, которые помогают автору в его стремлении к реалистическому изображению исторического периода. Проясняется вопрос об авторском понимании влияния церковного раскола на духовную и нравственную, а также хозяйственную жизнь страны. Анализируются и проявляются образы раскольников, монашествующих и самого патриарха.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование подтверждает, что духовные проблемы занимают в творчестве А. Н. Толстого далеко не последнее место. Значимость работы заключается в углублённом и конкретном осмыслении пластического воплощения заявленной темы.

Ключевые слова: А. Н. Толстой, автор, конфликт, монах, мотив, народ, реформы, старообрядцы, церковный раскол

SCHISM IN A. N. TOLSTOY'S LITERARY COMPREHENSION (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL "PETER THE GREAT")

S. Chervonenko

Moscow State Technical University named after N. E. Bauman, Mytishchi branch

ul. 1-ya Institutskaya, Mytishchi 141005, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. We show peculiarities of A. N. Tolstoy's disclosure of the circumstances of the church schism in the 17th century, their impact on the society and the consequences to which they led; in addition, we present a detailed analysis of several images of Old Believers created by A. N. Tolstoy and pictures of their activities. Tolstoy's description of the way of life in the sketes of the Old Believers, as well as their moral and spiritual state are commented on.

Methodology. Use is made of analytical and comparative methods of literary text research to reveal the topic. The images of Old Believers, monastics and the Patriarch are analyzed in detail. Special attention is paid to internal, spiritual problems of the population, moral loss, search for the truth by individual characters, and true spiritual support. Specific methods are clarified, thanks to which A. N. Tolstoy, following D. Merezhkovsky, managed to capture in an original way the main facets of the state of Russia in the era of Peter's reforms. Particular attention is paid to the artistic detail and its role in revealing the characters' lifestyles.

Results. The study revealed stylistic features that help Tolstoy in his desire for a realistic depiction of the historical period. The problem of Tolstoy's understanding of the influence of the church schism on the spiritual and moral, as well as the economic life of the country, is clarified. The images of schismatics, monastics and the Patriarch himself are analyzed and explained.

Research implications. The study confirms that spiritual problems occupy an important place in the work of A. N. Tolstoy. The significance of the work lies in an in-depth and concrete understanding of the *plastic* embodiment of the declared topic.

Keywords: A. N. Tolstoy, writer, conflict, monk, motive, people, reforms, old believers, church schism

Введение

Алексей Николаевич Толстой – один из выдающихся романистов XX века. Он «писал о единых основах Мира – в душе, в природе, в судьбе государства и движении истории»¹, «с равным интересом и живостью рисовал и современность, и события недавней гражданской войны, и далёкое прошлое нашего времени»².

Его эпопея «Пётр Первый» – многоплановое, сложное произведение, в котором глубоко осмыслены и ярко запечатлены различные темы и проблемы русской истории. Одним из фокусов постижения Петровской эпохи является тема церковного раскола. Писателю удаётся полностью погрузить читателя в атмосферу того времени. Во многом это происходит благодаря виртуозному владению языком, который становится «не только дверью в историю, но и самой историей» [7, с. 60]. На первом месте, конечно, образ царя Петра I. Всё художественное произведение, согласно закономерностям мировой литературы, «живдется на двух категориях: сюжете и характере» [10, с. 183].

Многие писатели XX в. в своём творчестве изображали один из сложнейших исторических этапов истории нашей

страны, обращались к неоднозначному, противоречивому образу русского государя-реформатора. В 1904 г. вышел историко-философский роман Д. С. Мережковского «Антихрист. Пётр и Алексей», позже, уже вслед за А. Н. Толстым, была опубликована историческая повесть В. Н. Иванова «Чёрные люди», позднее – повествование Ю. М. Нагибина «Огненный протопоп». Некоторые исследователи сосредоточили научное внимание на том, чтобы выявить «динамическую связь текста и контекста», что «оказывается в центре внимания прагматики и медиологии как возможных подходов к анализу литературного текста» [1, с. 42].

Образы старообрядцев в художественном освещении А. Н. Толстого

Одна из проблемно значительных сюжетных линий, которая лейтмотивом проходит через всё произведение, – это состояние веры, раскола отечественной церкви. Возникшее после реформ патриарха Никона разделение в XVII в. было весьма болезненным. Эта реформа была вызвана сложной ситуацией между православным востоком и католической церковью. Изменения были направлены на объединение перед лицом католической угрозы, но, к сожалению, привели к раско-

¹ Иванов Н. Н. А. Н. Толстой // История русской литературы XX века: в 4 кн. Кн. 1: 1910–1930 гг.: учебник. М.: Студент, 2012. С. 305.

² Там же. С. 22.

лу внутри Русской православной церкви. Вслед за Д. С. Мережковским, запечатлевшим в самом начале XX в. многие картины Петровской эпохи, в том числе религиозного раскола (часто с акцентировкой антихристового начала), Толстой весьма корректно отобразил в романе сцены и эпизоды церковной жизни, поэтому никто из советских исследователей (А. М. Крюкова «А. Н. Толстой», Г. В. Макаровская «Типы исторического повествования» и др.) не обвинял автора в фанатизме (ни религиозном, ни атеистическом).

А. Н. Толстой, обращаясь к этой теме, тщательным образом, досконально изучил труды, посвящённые старообрядцам, неоднократно возвращался к чтению «Книги о скудости и богатстве» И. Посошкова, «Житию» протопопа Аввакума, его «Посланиям и учениям», приводя в тексте романа порой крупные цитаты из этих книг.

Образ самого известного старовера не выведен на страницах романа, но его незримое присутствие постоянно ощущается. В самом начале повествования Толстой даёт две крупные цитаты из его посланий как некое напутствие протопопа последователям, с одной стороны, а с другой – обрисовывает духовное состояние народа того времени, смятение, непонимание и разлад, которые царили в стране.

Писатель выводит на страницах романа старца Нектария – основателя большой раскольнической общины. Первоначально его образ овеян некой загадочностью, его никто не знает, никто не видел, но постоянно о нём говорят, как о святом. Именно к нему направляют всех изгоев общества, кто находится в бегах, кому угрожает государственная расправа, порой незаслуженная, за ту или иную провинность. Народ изнемогал, «... воистину пришли антихристовы времена: мало было прежней тяготы, кабалы и барщины, теперь волокли на новую непонятную работу»¹. Поэтому жизнь раскольников кажется некоей Землёй Обетованной, спасением от

земных непомерных тягот. Именно туда стремятся герои-беглецы: Андрей Голиков, Овдоким, Федька, по прозвищу Умойся Грязью и др. Про подвижников-староверов складывают легенды, которые передают из уст в уста.

До появления старца Нектария читателю по рассказам старика Денисова, который сопровождает провизию, автор представляет первого старца-раскольника. Толстой не даёт ему имени, не даёт описания внешности этого «борца за истинную веру», ни единой чёрточки, ни единого штриха, акцентируя внимание на подробном описании его жизни, создавая некий условно-собираемый образ. Этот подвижник, бывший купец, который оставил всё своей жене и сыновьям, ушёл на реку Выгу, срубил там маленькую келью, «пахал пашню кочергой, сеял две шапки ячменя. Оделся в сырую козлиную кожу, она на нём и засохла, и так и носил её зимой и летом»². Толстой даёт подробное описание жизни этого подвижника: «всей рухляди у него – чашечка деревянная с ложечкой да старописанный молитвенник»³, а причащался «одним огнепальным желанием»⁴. И достиг реального плода столь аскетичной жизни: «скоро он такую силу взял над бесами, – считал их за мух»⁵. Постепенно создаётся образ тихого пристанища, где плавно, размеренно течёт жизнь. «Молитвами старца и зверь шёл в руки, и рыбу иной раз такую вытаскивали – диво. Урожалась и грибы и ягоды. Он указал, и нашли руды медные и железные... Истинно святая стала обитель, тихое житие...»⁶. Для пострадавших душ – это поистине райский уголок, а старец почти что уподоблен пророку Моисею, который в древности вывел народ в Землю Обетованную. Недаром и в его кончине можно усмотреть библейские аллюзии с неопалимой купиной, явившейся тому же пророку. Его «келья – в огне, как

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 306.

² Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 438.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 439.

в кусте огненном ... А сверху-то в дыму – черти, как сажа, крутятся, визжат»¹, а на утро «из-под пепла бежит ключ светлый»². Толстой создаёт некую фантастическую ауру, основываясь на психологической составляющей, т. к. при восприятии этой загадочной «феерии мысли и чувства» [6, с. 233] героев «базируются на удивлении и восхищении» [6, с. 233] увиденным. Этот вновь забывший источник становится символом надежд. Вновь можно провести параллели с Библией, с эпизодом, когда после удара посохом пророка Моисея из скалы забил источник питьевой воды, так необходимый в пустыне: «... и ты ударишь в скалу, и пойдёт из неё вода, и будет пить народ» (Исх. 17: 6)³. Толстой показывает, что «духовное миропонимание весьма богато разновидностями, которые, однако, объединяются общим стремлением возвыситься над приземлённой, воплощённой вещественностью бытия», пытаясь полностью отказаться от неё или «пытаясь так или иначе одухотворить, преобразить и возвысить» [8, с. 31] её. Здесь автор обращается к теме мистики и магии, показывает их влияние на формирование личности. «Многие ответвления духовности по сути своей слишком различны», так что можно говорить «о их коренном расщеплении и расхождении» в сознании человека [9, с. 30].

Таким образом, старообрядчество в глазах простых людей приобретало идиллические представления, подавало надежду вырваться из непереносимых жизненных проблем. Именно к этому источнику светлой жизни стремились герои из простого люда. С темой раскола в романе тесно связана тема народа забитого, измученного. Ведь в такие скиты бежали «люди ... ломанные, ушедшие от сельской истомы, оттуда, где не давали обрасти, но, яко овцу, стригли мужика догола. Здесь искали покоя. Ничего, что пухли от болотной сыро-

сти, ели хлеб с толчёной корой: в лесу и в поле всё-таки сам себе хозяин...»⁴

Одним из таких несчастных является обездоленный, всеми брошенный, потерявший смысл жизни, забитый, напуганный, но талантливый живописец Андрей Голиков. Именно через его восприятие Толстой показывает второго старца-раскольника, о котором постоянно упоминается в начале повествования, а появляется он лишь только в середине второй книги романа. Поведение этого старца внешне напоминает самого протопопа Аввакума. На протяжении всей первой книги читатель лишь слышит о нём самые возвышенные отзывы, к нему, как единственному пристанищу, отправляют опальных, пострадавших беглецов. Таким образом, Толстой как будто намечает ореол некоей святости. Его внешность, казалось бы, является подтверждением: он «маленький, согбенный, в древнего покроя чёрной домотканой мантии»⁵. Говорит старец мягко, ласково, но под маской веры и доброты скрывается жестокая, властная натура. Уже в эпизоде, когда приходят мужики и рассказывают, как хотели избавиться от солдат, которые разыскивают пристанище старообрядцев, в качестве вразумления получают побои от старца: «... взяв из-за ременного пояса плетёную лестницу, хлестнул Степана по лицу больно, потом Петрушку по лицу ... разгораясь, бил их по щекам»⁶. Как мы видим из последующего повествования, старичок постоянно гневается, его истязания на себе испытывают практически все, в том числе и Андрей Голиков: «ежедневные побои выносил как щекотку. Старец лютовал на него день ото дня всё хуже ... так и лошадь не бьют»⁷.

Постепенно вместе с героем в праведности старца начинает сомневаться и читатель. Так, во время сорокадневного поста «постились втроём – Нектарий и по-

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 439.

² Там же.

³ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2007. 1327 с.

⁴ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 439.

⁵ Там же. С. 496.

⁶ Там же. С. 497.

⁷ Там же. С. 499–500.

слушники – сорок дней, не вкушая ничего, только воду, и то небольшой глоток»¹, когда Профирий и Андрей валились с ног, старец оставался постоянно свеж. «Мне ангел росую райскою уста освежил»², – объяснял он свою бодрость. Этой «райской росой» оказался простой мёд, который Нектарий по ночам постоянно украдкой ел. «Только ночью раз Андрей увидал, как старец тихонько слез с печи, зачерпнул из горшка ложку мёду и потребил его с неосвящённой просфорой»³. Это становится первым ударом по доверию к старцу. Наивность, детская простота характера Андрея не может держать в себе такой страшный груз сомнения, и он признаётся Нектарию в увиденном. Пойманный «Нектарий аж задохнулся»⁴. Вместо объяснений только ругательства и побои – вот его методы. «Собака, дура! То бес был, не я»⁵, а потом «он стал бить Андрея рогачом, чем горшки в печь сажают, выбил его из кельи в снег в одной рубашке»⁶. Казалось бы, после раскрытия его поведения ему нужно быть осмотрительнее, но Нектарий абсолютно уверен в своей власти над человеческими душами, так он запугал своих подопечных, что спокойно продолжал втихомолку есть по ночам мёд: «в другую ночь старец опять ел мёд, тайно, губами пришлёпывая, как заяц. На заре, когда все ещё спали, Андрей осмотрел ложку, – в меду! И волос седой пристал...»⁷ «Великое сомнение»⁸ мучает душу бедного Голикова. Именно такое прилагательное использует автор, чтобы показать мощный поток переживаний, которые обрушиваются на героя. Подрыв и полное уничтожение доверия к духовным устремлениям старца Нектария, а вслед за ним и ко всему старообрядчеству показывает А. Толстой.

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 498.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 499.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

После замеченного в лукавстве лжестарца его слова о пришествии антихриста уже не звучат столь убедительно. Вся его злоба против царя Петра не имеет такой мощной силы, как прежде, хотя оформлена в яркую проповедь: «Антихрист пришёл к вратам мира... И в нашей земле обретается чёрт большой, ему же мера – ад преглубокий»⁹. Андрей начинает понимать, что сам Нектарий напоминает этого самого антихриста: «... поди уверь, что он сам, Нектарий, – не лукавый? Возить по спине рогачом и чёрт может»¹⁰. Здесь можно предположить, что «психологическая сущность злобы ... раскрывается как внутренний протест внешне побеждённого “я” против неодолимости и неизбежности» [11, с. 197].

Полностью развенчивает образ лжесвятого старца Нектария «бесноватый» мужик, который сидит на цепи в келье, где живёт Андрей Голиков. «Ох, властный старичок, гордый! Ему святители спать не дают. Начинаются чётки минеи, и пошёл чудить!.. Он бы десять лет на сосне просидел, кабы не лютые зимы. И народ жжёт для того же, – любит власть! Царь лесной...»¹¹ Гордыня и жажда власти над несчастными душами – единственное, что движет этим псевдоподвижником. За маской смирения, простоты, доброты скрывается хищная, жестокая личность, использующая ситуацию, путаницу сомнений в своих корыстных, амбициозных целях, хотя в глазах паствы как будто разжигал «ненависть к владыке мира – антихристу. Ленивых в ненависти наказывал, а то и вовсе изгонял»¹². Последующий побег после сожжения заживо людей в скиту становится ярким подтверждением его гнусной сущности.

Толстой показал в романе, что это проблема не одного конкретного человека, не одного конкретного скита. Вскользь упоминается, что в других процветают разврат и непристойность, по словам всё того же бесноватого, который раскры-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 500.

¹² Там же. С. 504.

вает глаза Андрею Голикову: «Дурак, поскитам, думаешь, с ветра брюхатят бабы? В Выготской обители их десятка три, как тельные коровы, ходят... А уж на что там строго...»¹ Автор ни в коем случае не рассматривает раскол как безусловное свойство русской души. Он лишь показывает страдания и метания народа, показывая исконное стремление русского человека к бескомпромиссной правде, духовной высоте.

Церковные вопросы и проблемы в романе

Обрисовывая малопривлекательную атмосферу, которая царит у староверов, показывая старообрядчество не с самой лучшей стороны, А. Толстой при этом не идеализировал и самой церковной жизни, стараясь быть объективным и реалистичным. Автор обличает многие пороки (жадность, своеволие, грубость, жестокость) монашества, которое по определению должно быть образцом добродетели, но, оказывается, всё наоборот. Здесь следует обратиться к другой немаловажной теме, которую, хоть и кратко, затрагивает А. Толстой. С самых первых строк читатель сталкивается с церковным ростовщичеством. Именно монахи дают «деньги под большой рост – двадцать копеек с рубля»² – ссужают даже бояр, которые по какой-то причине вошли в долги. В такую ситуацию в начале повествования попадает молодой Василий Волков, не раз потом встреченный читателем на страницах романа.

Получив информацию о денежных богатствах монастырей, молодой царь обложил и их данью на нужды государевы – на создание флота, для развития торгового и военного дела. Наиболее ярко противостояние царя и монастырей показано в двух эпизодах. Один из них наполнен авторским сарказмом, в нём автор красочно описывает нравы и поведение монахов, даёт

художественную картину монастырского быта. Толстой описывает драку мужиков, сопровождающих ладью с продовольствием, с монахами Крестовоздвиженского монастыря, ключарь которого Феодосий отличается особенной жёсткостью и жадностью. В описании этого ключаря автор обращает наше внимание лишь на его глаза: он смотрит «страшными глазами»³, особо прорисован его «дикий глаз»⁴, т. к. второй заплыл от удара. Глаза у Толстого часто становятся основной портретной деталью в характеристике персонажей, нередко выдают страшного, злобного человека. Вторым красноречивым элементом в описании героя становится его цыганская бородка, дважды упоминаемая писателем как намёк на воровство и жажду наживы, которые ярко расцвели в характере монаха. Всё его поведение, нотки бешенства, угрозы сжечь, сама драка, в которой монахи пытаются отобрать провизию у мирян, – это не только штрихи к портрету конкретного персонажа, но и некое обобщение. Толстой отразил глубокие проблемы истощения истинной веры, показывая, как наживались монастыри, устанавливая своеобразный оброк, порой непосильный для простых людей. «Монахам мы давали: зимой – четвертую часть снятка, и от каждой путины даём. Ему мало. Парус увидит и бежит на берег, и оставит тебе рыбы, только чтобы пожрать»⁵. А если не отдаёшь, сразу спрашивают, как крестишься, если лукавишь, то «в монастырский подвал, садиться на цепь»⁶, – жалуются рыбаки.

Показателен также эпизод, в котором царь Пётр, после поражения под Нарвой, отступая в Новгород, приказывает всем монашествующим выйти на строительство укреплений. «Указом твоим велено с каждого монастыря брать по десяти и более подвод и людей с железными лопатами ... И от каждого прихода ставить подводы и людей тоже... Воистину это выше сил че-

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 501.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 441.

⁴ Там же. С. 447.

⁵ Там же. С. 443.

⁶ Там же.

ловеческих, великий государь»¹, – жалуются монахи. Но царь непреклонен, государственные дела, в данном случае оборона города, для него важнее. Смирятся монахи и выходят на работы, т. к. другого выбора у них нет. В противном случае грозное предупреждение Петра: «пошлю поручика по монастырям и церквам: кого найдёт без дела – на площадь, к столбу – пятьдесят батогов»². Жёсткое отношение государя вызвано острыми обстоятельствами, но конфликт между государством и церковью таким образом лишь усугублялся.

В изображении гонений на старообрядцев автор во многом смягчает краски, в отличие от Мережковского. У последнего преобладает мистический подход. А. Толстой использует смешанный, стремясь к реалистичному изображению. Оставаясь реалистом, он, «прикрываясь или закрываясь приёмами мнимого фотографического бесстрастия и объективной созерцательности ... предоставляет читателю самому оценивать изображаемую им действительность» [2, с. 207]. Необходимо отметить, что писатель не обращается к данной теме в противостоянии основной церкви с раскольниками, а идёт глубже, показывая, как используют раскол в государственных интересах. Так, после смерти царя Фёдора Алексеевича взбунтовавшиеся стрельцы одним из своих требований выдвигают возвращение старой веры, крепкой до никоновских реформ.

Особая ответственность в сложившейся ситуации ложится на плечи патриарха. Толстой выводит двух священнослужителей высшего ранга на страницах романа. Один из них Адриан. Он упоминается автором трижды. Если в первом эпизоде он ещё полон сил, энергии и любознательности, то в конце романа это уже измождённый старец, «слабый телом»³. Толстой изображает его во время богослужения, несколькими

штрихами обрисовывая и патриарха, и службу, и храм, и состояние верующих во время богослужения. Проливающий молитвенные слёзы, с воздетыми к куполу руками, первосвященник молится о даровании победы русскому войску в грядущей войне. Контрастное сочетание немощного патриарха и мощный глас архидьякона, который звучит в соборе «подобно трубе Страшного суда»⁴, объединяют паству в единый молитвенный порыв: «все плакали, глядя на слёзы, текущие по запрокинутому к куполу лицу владыки»⁵. В описании А. Толстой акцентирует два цвета: чёрный и золотой. Чёрный – цвет монашеского облачения: «черна была мантия патриарха»⁶, окружающие молящихся лики святителей тоже чёрные, но оклады икон в золоте – «золотом и славою сиял храм»⁷. Внутренний духовный аскетизм в сочетании с внешней красотой и силой веры русского народа лаконично, но глубоко и выразительно изобразил автор несколькими, почти графически заострёнными штрихами.

Заключение

В романе «Пётр Первый» А. Толстой наряду с глубинными историческими, философскими и нравственными вопросами обращается к теме веры, показывает народ, измученный реформами молодого царя, постоянными поборами, непосильным трудом, побоями, страхом. Многим от безысходности остаётся лишь бежать в глухие леса. Следует отметить, что А. Толстой включает тему раскола в художественное пространство как часть исторического процесса России того времени. Перемены, назревавшие до Петра и набравшие стремительные обороты во время его правления, становятся стержневыми в романе. Автор осмысливает суть событий и их отношений «с историческим и философским контекстом эпохи, сложной, порой проти-

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 616.

² Там же. С. 618.

³ Там же. С. 578.

⁴ Там же. С. 579.

⁵ Там же. С. 578.

⁶ Там же. С. 579.

⁷ Там же.

воречивой и трагической, диалектики этих связей» [4, с. 152].

Достижению реалистичности при этом служит структура повествования художественного текста, «представляющего собой организацию свойственных ему единиц ... различных языковых средств, которые тесно взаимосвязаны и функционируют в своём единстве» [5, с. 358]. Благодаря многоплановости художественного пространства «складывается русскоязычная межкультурная идентичность, обладающая рядом характерных черт» [12, с. 113]. Писатель «использует приём пано-

рамного изображения жизни» [3, с. 187]. Он максимально убедительно изображает Петровскую эпоху со всеми катаклизмами, сомнениями, поисками правды, нравственной истины и смысла жизни, углубляется в религиозные вопросы, освещая на широком фоне национального бытия судьбы духовных лиц, монашествующих, и обращает внимание читателя на один из самых болезненных вопросов внутренней жизни народа – церковный раскол.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венедиктова Т. Д., Логотов А. В. Прагматика и медиология литературного текста // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 1. С. 42–54.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 2005. 288 с.
3. Корнилова С. И., Тернова Т. А., Радионова А. В. Лиро-философский метатекст в русской литературе. Смоленск: Смоленский университет, 2019. 412 с.
4. Крюкова А. М. А. Н. Толстой и русская литература: Творческая индивидуальность в литературном процессе. М.: Наука, 1990. 257 с.
5. Кулакова В. А. Роль синтаксических конструкций в создании образа персонажа // Русский язык: история, диалекты, современность: сборник научных статей, посвящённый 80-летию юбилею профессора Льва Феодосиевича Копосова. Вып. XIX / сост. Л. Ф. Копосов, Ю. В. Коренева, О. В. Ряховская. М.: Принтика, 2020. С. 232–240.
6. Леденёва В. В. О потенциальных словах в текстах феерии // Русский язык: история, диалекты, современность: сборник научных статей, посвящённый 80-летию юбилею профессора Льва Феодосиевича Копосова. Вып. XIX / сост. Л. Ф. Копосов, Ю. В. Коренева, О. В. Ряховская. М.: Принтика, 2020. С. 232–240.
7. Мандельштам О. Э. Слово и культура: статьи. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.
8. Моторин А. В. Духовные направления в русской словесности XIX века. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2012. 504 с.
9. Моторин А. В. Теория русской словесности. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2013. 300 с.
10. Овчаренко О. А. Сюжет, фабула, композиция. Теория литературы. Т. II. Произведение. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 376 с.
11. Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. 535 с.
12. Сорокина В. В. Литература между мирами // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 1. С. 113–121.

REFERENCES

1. Venediktova T. D., Logotov A. V. [Pragmatics and Mediology of a Literary Text]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 9: Philology], 2020, no. 1, pp. 42–54.
2. Vinogradov V. V. *O teorii khudozhestvennoi rechi* [On the Theory of Artistic Speech]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005. 288 p.
3. Kornilova S. I., Ternova T. A., Radionova A. V. *Liro-filosofskii metatekst v russkoi literature* [Lyrical and Philosophical Metatext in Russian Literature]. Smolensk, Smolenskii universitet Publ., 2019. 412 p.
4. Kryukova A. M. A. N. *Tolstoi i russkaya literatura: Tvorcheskaya individual'nost' v literaturnom protsesse* [A. N. Tolstoy and Russian Literature: Creative Individuality in the Literary Process]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 257 p.

5. Kulakova V. A. [The Role of Syntactic Constructions in Creating the Image of a Character]. In: Koposov L. F., Koreneva Yu. V., Ryahovskaya O. V., comps. *Russkii yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost': sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 80-letnemu yubileyu professora Lva Feodos'evicha Koposova. Vyp. XIX* [Russian Language: History, Dialects, Modernity: A Collection of Scientific Articles Dedicated to the 80th Birthday of Professor Lev Feodosevich Koposov. Iss. XIX]. Moscow, Printika Publ., 2020, pp. 232–240.
6. Ledeneva V. V. [On Potential Words in Extravaganza Texts]. In: Koposov L. F., Koreneva Yu. V., Ryahovskaya O. V., comps. *Russkii yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost': sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 80-letnemu yubileyu professora Lva Feodos'evicha Koposova. Vyp. XIX* [Russian Language: History, Dialects, Modernity: A Collection of Scientific Articles Dedicated to the 80th Birthday of Professor Lev Feodosevich Koposov. Iss. XIX]. Moscow, Printika Publ., 2020, pp. 232–240.
7. Mandelshhtam O. E. *Slovo i kul'tura: stat'i* [Word and Culture: Articles]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 320 p.
8. Motorin A. V. *Dukhovnye napravleniya v russkoi slovesnosti XIX veka* [Spiritual Trends in Russian Literature of the 19th Century]. Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2012. 504 p.
9. Motorin A. V. *Teoriya russkoi slovesnosti* [Theory of Russian Literature]. Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2013. 300 p.
10. Ovcharenko O. A. *Syuzhet, fabula, kompozitsiya. Teoriya literatury. T. II: Proizvedenie* [Plot, Plot, Composition. Theory of Literature. T. II]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. 376 p.
11. Skaftymov A. P. *Poetika khudozhestvennogo proizvedeniya* [Poetics of a Work of Art]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2007. 535 p.
12. Sorokina V. V. [Literature between the Worlds]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 9: Philology], 2021, no. 1, pp. 113–121.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Червоненко София Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана Мытищинского филиала;
e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofia M. Chervonenko – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Linguistics, Moscow State Technical University named after N. E. Bauman;
e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Червоненко С. М. Тема раскола в художественном осмыслении А. Н. Толстого (по роману «Пётр Первый») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 126–134.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-126-134

FOR CITATION

Chervonenko S. M. Schism in A. N. Tolstoy's Literary Comprehension (On the Example of the Novel "Peter The Great"). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 126–134.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-126-134

РЕЦЕНЗИИ

«ВЫРАЖЕНИЕ ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ...»

(НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПОСЛЕДНЕМ ЭТЮДЕ ВЕРЫ НИКОЛАЕВНЫ АНОШКИНОЙ). РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: АНОШКИНА-КАСАТКИНА В. Н. ЭТЮД О РОССИИ-МАТУШКЕ (РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ). М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, 2018. 48 С.

Никитин О. В.

*Государственный университет просвещения
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

“EXPRESSION OF LOVE FOR THE MOTHERLAND...”

(A FEW WORDS ABOUT VERA NIKOLAEVNA ANOSHKINA’S LAST ETUDE). BOOK REVIEW: ANOSHKINA-KASATKINA V. N. ETUDE ABOUT MOTHER RUSSIA (REFLECTIONS AND MEMOIRS). MOSCOW, PUBLISHING HOUSE YASK, YAZYKI SLAVYANSKOI KUL’TURY PUBL., 2018. 48 P.

O. Nikitin

*State University of Education
ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

С конца 1970-х гг. профессор В. Н. Аношкина была связана с нашим факультетом. Её лекции и неповторимый изысканный стиль запомнились многим студентам: она любила и берегла в себе мир В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, знала историю того непростого времени, умела красиво и необычно, с плавно-певучей интонацией, рассуждать о мастерах Слова, незаметно уходя в течение беспокойного XIX в. Строгость ума сочеталась в ней с природным обаянием, подчёркнутой корректностью по отношению к молодым слушателям. Лекциями и беседами она вдохновляла на высокое служение филологической музе и поиски собственного пути, активно побуждая начинающих исследователей читать классику, понимать и любить историю литературы. На её занятиях мы словно оказывались в другом мире. В студенческие годы под влиянием В. Н. Аношкиной я купил в букинистическом магазине подлинное «Полное собрание сочинений» В. А. Жуковского (издательство А. Ф. Маркса) и храню его как память о счастливом времени филологических открытий. Вера Николаевна могла заечь нас не только правильными словами о красоте русской поэзии и злободневности критики, но и просвещением как путём самопознания. Увидев нас в Ленинке, она вежливо здоровалась и, наверно, радовалась тому, что мы стали сопричастны храму науки. Многие с ранних лет под её пристальным делами первые шаги в филологии на традиционных апрельских конференциях, понемногу вовлекаясь в неизведанный мир учёности. Она не удивлялась нашей наивности, не порицала, а со спокойным достоинством профессора внимательно слушала, задавала вопросы и вообще всегда соучаствовала в росте тех, кого опекала.

Одной из первых в отечественном литературоведении постсоветского периода В. Н. Аношкина стала заниматься изучением духовной культуры в художественном творчестве писателей и поэтов XIX в. И здесь она находила свои интонации, а глубокое знание истории и публицистики того времени, новые открытия в мемуаристике и философии подкрепляли её взгляды тонкими наблюдениями и сравнениями. Так, рядом с К. Н. Батюшковым, А. С. Пушкиным, Ф. И. Тютчевым, Ф. М. Достоевским... оказались вереницы имён философов-правдолюбив конца XIX–XX вв. (В. С. Соловьёв, И. А. Ильин) и православных мыслителей современности (митрополит Калужский и Боровский Климент)¹. И тема России-матушки вновь обернулась братской любовью и утешением для всех, кто мог по-другому воспринимать художественный текст. Он часто звучал как пророчество.

Последняя книга В. Н. Аношкиной – не научное произведение, а лирический этюд, тем он и памятен. В его основе лежат высокие культурно-исторические мотивы, навеянные автору строками из «Слова о полку Игореве», лермонтовской любовью к Москве, аксаковскими стихиями «русского народного духа», пушкинской Россией, фетовскими «чудными картинами» зимы... Учёный здесь превращается в бытописателя, непринуждённо беседуя с читателем, передаёт ему свои чувства и делает это легко, ненавязчиво: «Кто же едет ночью, в санях, по снежной равнине в “одиночестве” (в последней строке [стихотворения А. А. Фета] выделяется это слово)? Уж не монах ли? Лингвистически образованный Фет знал, конечно, что по-гречески “одинокый” – это *μοναχος*. Может, это он едет в силу послушания из скита в скит?..»²

В. Н. Аношкина пунктирным осязанием касается тех сюжетов русской классики, которые пронизаны вдохновенными былями

о русской истории, природе и их образах. А. К. Толстой предстаёт перед читателем как поэт свободы, воспевающий такие незаметные, по-божественному светлые картины:

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Тёмно-голубые?
И о чём звените вы,
В день весёлый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?³

Поэт «нарисовал пленительную картину вольной скачки коня по цветущему полю: он мчится, неукротимый, летит стрелой; мил их сердцам – человека и коня – степной простор с тёмно-голубыми, смотрящими на них цветами»⁴.

В поэзии М. Ю. Лермонтова (стихотворение «Воля») В. Н. Аношкина увидела другую степь – широкую, с высоким небом. «Люблю Россию я..» – признавался он, рисуя её густые леса, реки, разливающиеся, как море, дальние дороги, по которым он скачет в телеге и день и ночь, смотря на дрожащие огни “печальных деревень”, но “с отрадой” видит “полное гумно”, обустроенную избу и довольный в праздничный вечер простой народ...»⁵

Русскую землю учёный соотносит с древними храмами и монастырями, замечательные фотографии которых помещены в книге. «Я знаю людей, – признаётся автор, – которые ежегодно, летом целой семьёй из трёх поколений приезжают к батюшке Серафиму, чтобы помолиться ему, прикоснуться к его святости»⁶. По-особенному чувствуется связь литературы с исконными традициями в Оптиной пустыни – обители духовных исканий Л. Н. Толстого и его сестры Марии.

¹ См. также: Аношкина-Касаткина В. Н. Православные основы русской литературы XIX века. М.: Пашков Дом, 2011. 384 с.

² Аношкина-Касаткина В. Н. Этюд о России-матушке (размышления и воспоминания). М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. С. 7.

³ Толстой А. К. Полное собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Л.: Советский писатель, 1984. С. 55.

⁴ Аношкина-Касаткина В. Н. Этюд о России-матушке (размышления и воспоминания). М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. С. 8.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же. С. 16.

В. Н. Аношкина справедливо замечает, что рядом со святыми местами находятся усадьбы. Жизнь их владельцев была связана с создателями настоящей словесности: «Не так уж далеко от Сергиева Посада находится живописная усадьба Аксаковых Абрамцево, на близлежащей дороге – Мураново Боратынских и Тютчевых, а в Брянской области, в Овстуге, – тоже заботливо ухоженный тютчевский дом, он и в Армянском переулке Москвы. Захарово, Михайловское – любимые, прекрасные пушкинские места...»¹

Размышляя о смысле университетского образования, В. Н. Аношкина говорит о большом значении педагогических институтов, которые часто находились в малых городах и духовно пестовали своих питомцев, долгие годы выпуская учителей и тем подпитывали ростки просвещения.

Важную роль в воспитании будущих поколений учёный отводит семье. Помните своих предков, осознавать их заслуги перед Родиной, хранить реликвии и беречь память – вот что скрепляет прошлое с настоящим. В этом смысле очень интересен рассказ В. Н. Аношкиной об истории её рода,

где подвизались и духовники, и военные, и юристы, и врачи... С какой нежностью и теплотой она пишет об отце – Николае Васильевиче Касаткине: «Папочка не отличался общительностью, он во многом был аскетом... Он обладал прекрасной памятью, хорошей личной библиотекой: полное собрание сочинений В. С. Соловьёва, труды А. Ф. Лосева... Я на всю жизнь запомнила некоторые его заветы. Однажды он мне сказал (хотя я и в детстве не была врунишкой): “Врать – это неблагородно”... По-особому он относился к воде, текущему потоку. Он приводил меня или нас с сестрой к Волге, либо к какой-либо другой близлежащей реке. Мы стояли на высоком берегу, и он говорил: “Смотрите на воду, на жизнь реки” ... Смотрение на речной водный поток погружало в какое-то странное состояние: отрешённости, какой-то умиротворённости созерцания, духовного успокоения»².

Завершаются этюды репродукцией картины В. М. Васнецова «Богатыри» и признанием автора в любви к Отечеству, его великим и безвестным строителям, к «подвигу созидания, доброй силе»³.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Государственного университета просвещения; e-mail: olnikitin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Department of the History of Russian and General Linguistics, State University of Education; e-mail: olnikitin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никитин О. В. «Выражение любви к Отечеству...» (несколько слов о последнем этюде Веры Николаевны Аношкиной). Рецензия на книгу: Аношкина-Касаткина В. Н. Этюд о России-матушке (размышления и воспоминания). М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. 48 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 135–137.

FOR CITATION

Nikitin O. V. “Expression of Love for the Motherland...” (A Few Words about Vera Nikolaevna Anoshkina’s Last Etude). Book Review: Anoshkina-Kasatkina V. N. Etude about Mother Russia (Reflections and Memoirs). Moscow, Publishing House YASK, Yazyki slavyanskoi kul’tury Publ., 2018. 48 p. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 135–137.

¹ Аношкина-Касаткина В. Н. Этюд о России-матушке (размышления и воспоминания). М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. С. 17–18.

² Там же. С. 38–39.

³ Там же. С. 46.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КАФЕДРЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА ИМЕНИ ПРОФЕССОРА П. А. ЛЕКАНТА В ГОД ПЕДАГОГА И НАСТАВНИКА

Головина Т. А.

Государственный университет просвещения

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL LIFE OF THE DEPARTMENT OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE NAMED AFTER PROFESSOR P. A. LEKANT IN THE YEAR OF THE TEACHER AND MENTOR

T. Golovina

State University of Education

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

В сферу научно-исследовательских интересов кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта традиционно входит формирование и развитие партнёрских связей с дружественными кафедрами других вузов. Регулярным стало проведение совместных научных семинаров и круглых столов по актуальным проблемам современной лингвистики, образовательной и методической деятельности.

5 апреля 2023 г. состоялся научно-методический онлайн-семинар «Актуальные вопросы русского языка», организованный кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта (Государственный университет просвещения) и кафедрой «Русский язык и методика преподавания русского языка» (Пензенский государственный университет). В центре внимания участников семинара было обсуждение выхода учебников и учебно-методических пособий для работы со студентами-бакалаврами различных направлений подготовки. Руководителями семинара выступили Татьяна Владимировна Малинская, кандидат филологических наук, ассистент кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, и Марина Геннадьевна Луннова, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка».

Доклад доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Елены Николаевны Ореховой был посвящён выходу учебного пособия «Язык и стиль СМИ» (авторы: В. В. Леденёва, Е. Н. Орехова), адресованного обучающимся Государственного университета просвещения по направлениям подготовки «Журналистская деятельность и публицистика» и «Реклама и связи с общественностью». Докладчиком было отмечено, что в анонсируемом пособии большое внимание уделяется формированию представлений об особенностях современного медиатекста, даётся возможность узнать основные тенденции в языке СМИ (прецедентность, языковая игра, креолизация, информатизация, демократизация), получают презентацию различия языка печатных, телевизионных и цифровых

СМИ, языка радио. Учебное пособие способствует развитию навыков критического осмысления языковых явлений, а также умению продуцировать собственные оригинальные медиатексты заданной жанровой принадлежности.

Аля Васильевна Канафьева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта выступила с докладом, в котором рассказала о научно-методическом пособии «Риторическое высказывание в русском языке», используемом при изучении экспрессивного синтаксиса. Автор сообщил, что в пособии определяется место риторического высказывания среди функциональных типов русского предложения, описываются отдельные модели риторического высказывания, анализируется использование риторического высказывания как единицы различных видов текста. Практические задания направлены на выработку навыков идентификации и классификации риторических высказываний, а также на умение анализировать средства выражения их экспрессивности.

Заведующий кафедрой, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Татьяна Егоровна Шаповалова рассказала о сборнике научных трудов «Этюды о времени», который объединил работы разных лет, посвящённые анализу синтаксического времени и особенностей репрезентации категории времени в предложениях различных типов и текстах. Докладчик подчеркнул, что грамматическая форма и семантика предложений описаны с позиции структурно-семантического метода – от формы к значению. Труд Татьяны Егоровны был высоко оценён научным сообществом и в 2022 г. стал победителем внутривузовского конкурса Государственного университета просвещения на лучшее издание в номинации «Лучший научный сборник».

Семинар «Актуальные вопросы русского языка» стал площадкой для профессионального общения и обмена опы-

том учёных и преподавателей-практиков Государственного университета просвещения и Пензенского государственного университета.

22 апреля 2023 года был проведён международный научно-методический онлайн-семинар «Актуальные процессы в современном русском языке». В его работе приняли участие более 40 человек: преподаватели кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта (ГУП), члены Венгерской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (ВАПРЯЛ), члены Международной академии наук педагогического образования (МАНПО), кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного технологического университета «СТАНКИН», член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования Елена Петровна Волкова, преподаватели русского языка, аспиранты, магистранты и студенты. Руководили семинаром Наталья Аркадьевна Герасименко, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, главный учёный секретарь Международной академии наук педагогического образования, и Светлана Алексеевна Хамшовски, кандидат педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков Будапештского экономического университета прикладных наук, председатель Венгерской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Программа научно-методического семинара была посвящена обсуждению актуальных процессов в русской лексико-грамматической системе. В программу семинара вошло три доклада, которые вызвали неподдельный интерес у всех участников этой онлайн-встречи.

Международный семинар открыл доклад «Новые явления в синтаксисе современного русского языка», подготовленный Натальей Аркадьевной Герасименко. Автор проанализировал тенденцию аналитизма в области бисубстантивных предложений, связанную с динамическими

процессами, отражающими изменения в русской языковой картине мира, и обратил внимание слушателей на структурные особенности анализируемых предложений, отметив усиление у них семантики оценочности.

Валентина Васильевна Леденёва, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, учёный секретарь отделения русского языка МАНПО, в докладе «Изменения в лексике современного русского языка» отметила тенденции в номинативных и словообразовательных явлениях в неологии русского языка и оценила перспективы обновления лексического фонда современного русского языка, связанные с изменениями в жизни общества.

Доклад Елены Николаевны Ореховой, доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта,

«Актуальные процессы в современных средствах массовой информации» был посвящён анализу языка российских СМИ, определяющих современную языковую ситуацию и определённую модель языка. Автор отметил наиболее значимые изменения в медиаречи, указал на особенности функционирования прецедентных феноменов, определил те активные процессы в языке печатных и цифровых СМИ, которые постепенно приводят к изменению литературной нормы русского языка.

Обсуждение участниками международного научно-методического онлайн-семинара представленных докладов проходило в благоприятной среде и открыло направления новых совместных встреч, наметило темы дальнейшего научного общения и показало необходимость международного сотрудничества в сфере преподавания русского языка.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Головина Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта;
e-mail: box613tagol@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana A. Golovina – Cand. Sci. (Philological Sciences), Senior Lecturer, Department of Modern Russian named after professor P. A. Lekant, State University of Education;
e-mail: box613tagol@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Головина Т. А. Научно-методическая жизнь кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта в Год педагога и наставника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 138–140.

FOR CITATION

Golovina T. A. Scientific and Methodological Life of the Department of Modern Russian Language named after Professor P. A. Lekant in the Year of the Teacher and Mentor. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology, 2023, no. 3, pp. 138–140.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Государственным университетом просвещения выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ 2023. № 3

Над номером работали:
Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик И. А. Улиткин
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Глузнов

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайты: www.philologymgou.ru
www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9, уч.-изд. л. 11.
Подписано в печать: 30.06.2023 г. Дата выхода в свет: 11.07.2023 г. Заказ № 2023/06-06.
Отпечатано в ГУП
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А